

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

Военно-политический сценарий в мире и политический выбор России

Е. ГАРБУЗАРОВА

**Сотрудничество
постсоветских стран
в Центральной Азии**

П. ШАМАРОВ

**Модель
трансатлантического
миротворчества НАТО**

С. ВОРОБЬЕВ, Г. ТАЛЛЕР

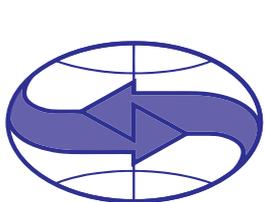
**Перспективы
для Западных Балкан
в Европе**

Л. ТЕРНОВАЯ

**Театрализация
и театральность
геополитики**

**Фактор ядерной программы Ирана
в американо-иранских отношениях**

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издаётся с 1992 г.

16+

Содержание номера

Политология

Доминирующий военно-политический сценарий развития в мире и выбор России

5

В. Назаров, А. Подберёзкин, О. Подберёзкина

При разработке реальных планов развития России и её стратегии национальной безопасности необходимо максимально точно учитывать наиболее вероятный сценарий развития международной обстановки, в основе которого должна лежать достаточно общая, но тщательно обоснованная концепция, которая позволяет сформулировать стратегию национальной безопасности и противодействия внешнему военно-силовому давлению. В статье предлагается при планировании развития международной обстановки определить главным субъектом в гонке вооружений не отдельное государство, а коалиции государств, объединённые по ценностно-цивилизационному принципу, ядром любой локально-цивилизационной общности определить великую державу.

Модель трансатлантического миротворчества НАТО

27

П. Шамаров

В статье рассмотрена деятельность НАТО в сфере кризисного урегулирования; показан насильственный характер такой миротворческой модели, направленный на реализацию установок блока. Раскрывается заинтересованность Запада в формальном сохранении так называемого «миротворческого паритета» между ООН и НАТО.

Фактор ядерной программы Ирана в американо-иранских отношениях 39

А. Сафонов

Автор анализирует роль и место иранской ядерной программы при формировании и реализации внешней политики США в отношении Ирана при администрациях Дж. Буша-мл., Б. Обамы и Д. Трампа, её влияние на характер американо-иранских отношений и перспектив решения в современных международных условиях.

Европейские перспективы для Западных Балкан 52

С. Воробьев, Г. Таллер

Вопросы интеграции стран Западно-Балканского региона в Евросоюз исследуются на основе рассмотрения причинно-следственных связей существующих нерешённых проблем, в частности, декларативные методы управления интеграцией со стороны ЕС, неэффективность финансовых инструментов, асимметричность подходов к странам и т. д. Подчёркивается необходимость изменения интеграционной политики ЕС с учётом специфики стран.

Активизация межгосударственного сотрудничества на постсоветском пространстве
На примере постсоветских стран Центральной Азии 66

Е. Гарбузарова

Статья посвящена изменениям, наметившимся в сотрудничестве между центральноазиатскими постсоветскими государствами, и усилению тенденций внутрирегионального взаимодействия по актуальным проблемам. Делается вывод, что активное региональное сотрудничество с выходом на более высокий кооперационный уровень возможно только на основе конструктивного решения региональных противоречий и большего доверия между политическими лидерами страны.

Этнический раскол в электоральном поведении Латвии 78

И. Окунев, Л. Жирнова

Этнический раскол остаётся основным фактором голосования в Латвии, а в регионах с преобладанием русскоязычного населения он проявляется особенно остро. Недопущение в правительство по итогам голосования партии «Согласие», которую поддерживает русскоязычное население, приводит к изоляции нацменьшинств от принятия политических решений в стране и не даёт правящим партиям провести необходимые реформы.

Глобальность театрализации и театральность геополитики 91

Л. Терновая

Слова Шекспира «Весь мир — театр» ещё четыре столетия назад отразили взаимосвязь театра и социума. Но театр всё больше и больше используется как инструмент воздействия на мир, в том числе с политическими целями. Однако политика должна отвечать не вымышленным коллизиям, а реальным вызовам. Поэтому и театр, который связан с глобальной геополитикой, должен соответствовать новой глобальной парадигме.

Российский Левиафан 101

О. Муштук

В статье анализируются системообразующие признаки и характеристики современной России как государства, приватизированного бюрократией, которая благодаря своей постоянно увеличивающейся численности укоренилась настолько основательно, что подминает под себя не только общество, но и все ветви государственной власти. Это действительно Левиафан, который не служит социуму, а пожирает его.

Содержание на английском языке / Contents in English 116***Уважаемые читатели!***

В соответствии с распоряжением Минобрнауки России от 28 декабря 2018 г. № 90-р научно-аналитический журнал «Обозреватель–Observer» включён в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук.

Председатель Совета учредителей

К. Ф. ЗАТУЛИН

Издатель: Институт стран СНГ (Институт диаспоры и интеграции)

Редакционная коллегия:

ШТОЛЬ В. В. – главный редактор, д. п. н., проф.

ЕГОРОВ В. Г. – шеф-редактор, д. э. н., д. п. н., проф.; ЕРЕМЕНКО И. Н. – зам. гл. редактора, к. т. н.; АБАШИДЗЕ А. Х. – д. ю. н., проф.; ГРОМЫКО А. А. – д. п. н., член-корреспондент РАН; ГУСЬКОВА Е. Ю. – д. и. н.; ЗАДОХИН А. Г. – д. п. н., проф.; КАРТАШКИН В. А. – д. ю. н., проф., Заслуженный юрист РФ; КУЗНЕЦОВА О. Д. – д. э. н.; КУТОВОЙ В. М. – д. э. н., проф.; ЛУЗЯНИН С. Г. – д. и. н., проф.; ОРЛОВ А. А. – к. и. н.; ПАВЛОВ Е. Я. – д. ю. н., проф.; ПЛЯИС Я. А. – д. и. н., д. п. н., проф.; ПОНОМАРЕВА Е. Г. – д. п. н., проф.; РУДОВ Г. А. – д. п. н., проф., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ; СЕРЕГИН А. В. – к. культурологии; ЦВЕТКОВ А. И. – д. в. н., проф., Заслуженный деятель науки РФ; ЦЫГАНКОВ П. А. – д. ф. н., проф.

Научно-редакционный совет:

ГАБАРАЕВ Б. А.	— доктор технических наук, Заслуженный энергетик РФ
ГАЛОГАНОВ А. П.	— доктор юридических наук, профессор, президент Совета Адвокатской палаты Московской области
ГРИБ В. В.	— доктор юридических наук, профессор, главный редактор Издательской группы «Юрист»
ДЕЛЯГИН М. Г.	— доктор экономических наук, профессор, директор Института проблем глобализации
ИВАШОВ Л. Г.	— доктор исторических наук, профессор МГИМО(У) МИД России, генерал-полковник
КРЕМЕНЮК В. А.	— доктор исторических наук, профессор, заместитель директора ИСКРАН
ЛАДЫГИН Ф. И.	— Почётный академик Академии военных наук, вице-президент Совета ветеранов военной разведки, генерал-полковник
МУРАДОВ Г. Л.	— кандидат исторических наук, заместитель председателя Правительства Республики Крым
СУХАРЕВ А. Я.	— доктор юридических наук, профессор, действительный государственный советник юстиции, ведущий научный эксперт Генеральной прокуратуры РФ
ТОРКУНОВ А. В.	— доктор политических наук, профессор, академик РАН, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, ректор МГИМО(У) МИД России, председатель РАС ООН
ЩЕРБАКОВ И. А.	— доктор физико-математических наук, профессор, академик РАН, научный руководитель Института общей физики им. А. М. Прохорова РАН

© Институт стран СНГ

Современная эффективная стратегия силового противоборства России

Доминирующий военно-политический сценарий развития в мире и выбор России

Владимир НАЗАРОВ
Алексей ПОДБЕРЁЗКИН
Ольга ПОДБЕРЁЗКИНА

От редакции.

Вниманию читателей предлагается серия статей, посвящённых актуальной разработке эффективной стратегии России в условиях нарастающей угрозы внешней агрессии. Они объединены под общим названием «**Современная эффективная стратегия силового противоборства России**» и составляют серию из трёх взаимосвязанных работ, а именно:

1. Доминирующий военно-политический сценарий развития в мире и политический выбор правящей элиты России.

2. Социально-экономическое состояние и внутривнутриполитическая стабильность в России.

3. Эффективная стратегия противодействия Россией внешнему силовому давлению.

НАЗАРОВ Владимир Павлович – кандидат политических наук, докторант кафедры политической теории МГИМО(У) МИД России. *E-mail:* vlpalych@mail.ru

ПОДБЕРЁЗКИН Алексей Иванович – доктор исторических наук, профессор МГИМО(У) МИД России, директор Центра военно-политических исследований, академик Академии военных наук. *E-mail:* podberezkin@gmail.com

ПОДБЕРЁЗКИНА Ольга Алексеевна – кандидат политических наук, научный сотрудник Института международных исследований МГИМО(У) МИД России, помощник депутата Государственной думы России. *E-mail:* podberezkina.olga@yandex.ru

Ключевые слова: международная обстановка, военно-политическая обстановка, локальные человеческие цивилизации, стратегия национальной безопасности, военно-силовое противоборство.

Учитывая, что оценки состояния таких сложных субъектов, как нация, государство и общество, а тем более международная и военно-политическая обстановка (МО и ВПО), являются не только многоаспектными и многофакторными, но и в значительной степени субъективными, предлагается внести в такой анализ больше элементов формальной логики, подкреплённых конкретными примерами и данными, которые помогут минимизировать субъективизм.

Сценарный анализ и прогнозирование развития международной и военно-политической обстановки позволяет дать достаточно объективное представление о внешних условиях существования и развития субъектов МО и ВПО, а главное – лучше обосновать выбор той или иной стратегии страны. Это невозможно сделать без разработки теоретических основ формирования международной и военно-политической обстановки, которые до настоящего времени вызывают принципиальные споры у специалистов прежде всего из-за недостаточности исследований по этой теме. Как признаёт один из специалистов по политической и военной теории, «письменная традиция сохранила для человечества некоторое – по определению небольшое – количество работ, позволяющих при тщательном их изучении если и не стать стратегом... но освоить методологию и приобрести навыки стратегического мышления... Европейская же традиция подарила миру всего два – два с половиной, если считать незаконченную книгу Клаузевица, – сочинения... – “Государь”... Макиавелли... и “Стратегия непрямых действий...” Бэзила Лиддел Гарта» [1].

Методология и теоретическое обоснование исследования

Прежде всего в интересах работы необходимо представить ясную и достаточно формализованную логику анализа и размышления о состоянии отношений между субъектами МО и ВПО, т. е. в самом общем виде предложить относительно обоснованную концепцию развития военно-политической обстановки в мире, которая лежит в основе анализа и прогноза развития конкретных сценариев развития государства и его стратегии военно-политического противоборства [2].

Речь идёт о методе дедукции, когда на основании большого массива информации, опыта и интуиции предлагается некая самая общая концепция развития человечества и международной обстановки по одному из возможных сценариев, которая впоследствии конкретизируется многочисленными деталями и особенностями. Суть такого подхода и его преимущество заключается в том, что авторы развивают исследование в соответствии с самыми общими, но достаточно опре-

¹ Стратегия непрямых действий (Г. Б. Лиддел Гарт, 1941, 1954) / пер. с англ. М.: АСТ, 2018. С. 5–6.

² Подберёзкин А. И. Политика стратегического сдерживания России в XXI веке. М.: Международные отношения, 2019.

делёнными и логически связанными представлениями, что позволяет им не метаться от одного факта или события к другому, а целенаправленно продвигаться по избранному пути последовательного логического анализа от общего к частному, от закономерностей развития человеческой цивилизации, отношений между локальными человеческими цивилизациями (ЛЧЦ), их коалициями и другими субъектами МО к конкретным сценариям и их вариантам, имеющим прикладное значение [3].

Кстати, именно такая логика присутствует у тех, кто использует популярные модели развития МО и ВПО, а также гонки вооружений, например, у Ричардсона, чьи идеи до сих пор лежат в основе многих современных моделей, хотя их абстрактно-логическая сущность давно требовала дополнительного содержательного исследования.

Именно поэтому у этого метода есть и серьёзный недостаток, который заключается в том, что автор может быть настолько тесно связан с формальной логикой концепции, что начнёт подгонять под неё факты, события и тенденции. Поэтому важно не только критически относиться к предлагаемой концепции как к формально-логической модели, но и не бояться корректировать её детали, отступать в сторону из-за исключений и фактов, выпадающих из общей логики, дополняя эту модель важными особенностями, которые не всегда могут вписываться

в намеченную логику, т. е. прибегать к методу индукции.

В исторических исследованиях этот метод нередко бывает очень эффективен, потому что иллюстрирует прошлыми примерами те конкретные особенности, которые могут выпасть из формально-логической модели [4].

Так, в одной из прежних работ 2014 г. говорилось, что «стратегия западной ЛЧЦ (широкой военно-политической коалиции) предполагает:

- во-первых, дестабилизацию стратегической обстановки (СО) в мире, регионе и вокруг субъекта МО;
- во-вторых, сознательное создание извне обстановки, враждебной субъекту ВПО в регионе;
- в-третьих, ликвидацию правящего режима самым широким набором средств и мер силового принуждения;

- в-четвёртых, ликвидацию правящей элиты и публичное уничтожение её лидера» [3, с. 120].

Развитие событий в Афганистане, Ираке, Ливии, Югославии и целом ряде других стран, а в самые последние годы на Украине и в Сирии подтвердило правоту этой модели. Естественно, с некоторыми оговорками: вмешательство России на стороне Б. Асада в Сирии помешало свержению его режима, которое могло бы уже произойти через два-три месяца, а отказ от вмешательства на Украине привело к падению режима В. Януковича. И в первом, и во втором случае публичное (политическое и физическое) уничтожение пыта-

³ Подберёзкин А. И., Соколенко В. Г., Цырендоржиев С. Р. Политическая стратегия западной цивилизации в отношении России // Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. М.: МГИМО-Университет, 2015.

⁴ Подберёзкин А. И., Крылов С. А. Политика, война и международная безопасность в XXI веке // Обозреватель–Observer. 2019. № 10.

лись сделать – почти успешно и в отношении В. Януковича, и не вполне успешно – в отношении Б. Асада. Физического уничтожения обоих лидеров не произошло потому, что для таких действий были созданы достаточно эффективные препятствия. Причём не столько самими лидерами, сколько опять же «внешними силами» – Россией.

Таким образом, приведённые примеры иллюстрируют практическую ценность моделирования сценариев развития МО и ВПО, основанного на дедукции и авторской концепции, а также то, что в него можно вносить по мере реализации этих сценариев определённые (порой существенные) коррективы, которые связаны прежде всего с неизбежными субъективными причинами, в частности, если речь идёт, например, о формировании западной коалиции и политике западной локальной человеческой цивилизации – одной из важнейших особенностей современного развития ВПО (но которая часто не находит поддержки в экспертном сообществе), где процесс не развивается линейно и поступательно именно в силу субъективных политических и военных особенностей [5]. Особенно в последние годы, при правлении администрации Д. Трампа, который стал системно пересматривать все международные, в том числе коалиционные, соглашения [6], что, в свою

очередь, привело к росту напряжённости не только в отношениях Запада с другими центрами силы, но и внутри самой западной коалиции [7]. Прежде всего потому, что господство западной военно-политической коалиции в мире с конца прошлого века породило иллюзию вседозволенности.

Прав, безусловно, Г. Б. Л. Гарт, когда писал: «Где аппетиты победителей не ограничиваются противостоящей силой, там нет препятствий для возникновения противоречий во взглядах и интересах бывших союзников... так что союзники в одной войне легко становятся врагами в другой» [1, с. 498].

Именно это сегодня и наблюдается в отношениях США со своими союзниками, когда Д. Трамп пытается «подстроить» их откровенно цинично под интересы США (например, требуя отказаться от «Северного потока – 2» или изменить структуру внешнеторгового баланса), а те проявляют всё большее непослушание [8]. Неслучайно французский президент Э. Макрон заявил в октябре 2019 г. о «кризисе мозгов» в НАТО.

Метод «авторской дедукции» позволяет добиться главного – внести некую определённую в практических целях в широкое исследование, посвящённое анализу и оценке такого глобального явления, как международная обстановка, в котором

⁵ Подберёзкин А. И. [и др.]. Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии. М.: Международные отношения, 2017.

⁶ Assessing the impact of cost-imposing options // RAND report. 2019. April. P. 5 // URL: https://politexpert.net/153115-rand-corp-opublikovala-antirossiiskii-plan-deistvii-ssha?utm_source=smi2

⁷ Болдырев В. Е. Реконструкция стратегии Д. Трампа в отношении КНДР: курс на перестройку региональной архитектуры? // США и Канада: экономика, политика, культура, 2019. № 3.

⁸ Nelson R. M. U.S. Sanctions and Russian Economy // Congressional Research Service. 2017. February. Mode of Access // URL: <https://fas.org/SGP/crs/row/r43895.pdf>

субъективная сторона (в силу прежде всего огромного количества субъективных факторов, участвующих в формировании МО) всегда будет уводить в сторону от политической реальности. Но во всех случаях важен конкретный итог анализа, выраженный в результате, который заключается в неких практических рекомендациях, выводах, а не абстрактный «политологический» процесс, путающийся в туманных рассуждениях, не имеющих внятного конечного результата. Такой конкретный итог даёт формально-логическая модель, абстрагированная от второстепенных деталей [5].

Очень часто, к сожалению, рассуждения современных политологов настолько туманны и «политкорректны», что из них вообще не очень ясно мнение автора, не говоря уж об оценке реалий.

Прежде всего это касается той проблемы, которая исследуется в данном разделе: построение логической схемы развития сценария МО **нужно** не само по себе, не как политологический изыск, а как **конкретная рекомендация** к политической практике, реальной политике, когда требуется максимально определённо судить о перспективах эволюции МО и ВПО и соответствующих последствиях для политики России [4]. Последствий, требующих, как правило, оперативных и практических решений не только с точки зрения внешней, но и военной и финансово-экономической политики.

Так, например, в начале века Россия стояла перед выбором, в каких

активах аккумулировать свои золото-валютные резервы (ЗВР). К сожалению, правительство покупало преимущественно ценные бумаги США и других членов западной коалиции, т. е., по сути дела, своего противника, вместо того чтобы адекватно оценить политические риски и закупать металлическое золото. Сегодня даже не важно, что служило аргументами такой политики (ликвидность американской валюты, отношения с Западом и пр.), хотя всем известно было об её опасности, а примеры с другими странами многократно это подтверждали.

Ситуация стала принципиально меняться только после 2014 г., когда доля металлического золота в ЗВР стала увеличиваться, а его подорожание только в 2018 г. на 20% привело к дополнительному «заработку» ЗВР России в 40–50 млрд долл. В итоге – цена на золото с 2000 по 2019 г. изменилась с 300 до 1480 долл. за унцию, т. е. более чем на 500%, а Россия упустила многие возможности увеличить свои ЗВР за счёт роста цены на золото. Последние закупки стали постепенно менять ситуацию, но, главное, Россия прекратила фактическое инвестирование экономики США [9].

Таким образом, ошибочные финансово-экономические рассуждения, основанные на либеральной идеологической парадигме развития страны, привели к крупным практическим ошибкам не только в финансово-экономической области, но и в вопросах обеспечения её безопасности [10]. Была изначально избрана

⁹ www.calc.ru/dinamika/12.08.2019

¹⁰ Подберёзкин А. И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке: анализ. доклад. М.: МГИМО-Университет, 2016.

ложная стратегия в отношениях с Западом, основанная на предположении о будущем развитии сценария сотрудничества с ним в МО и ВПО. Между тем уже тогда, а именно в 2000–2008 гг., было ясно, что сценарий «сотрудничества» (или, как чаще его называют «ограниченное сотрудничество») МО ошибочен и нереализуем на практике. Более того, неизбежно нарастание не просто враждебности, но военно-силовой конфронтации в отношениях между Россией и западной коалицией, что ставило вопрос о стремительном развитии военно-силового сценария МО в одном из его наиболее опасных – военно-силовых – вариантах. Из этого предположения и соответствующего прогноза ещё до 2008 г. требовалось делать соответствующие практические выводы, в том числе и в области структуры ЗВР. Чего сделано не было в тех масштабах, которые требовались. Даже после выступления В. В. Путина в Мюнхене на конференции по международной безопасности инерция «сотрудничества» с Западом оставалась доминирующей в политике.

На основании стратегического прогноза ситуации следовало делать и конкретные выводы в отношении как планов военно-политического и технологического противоборства, так и планов социально-экономического развития России. Чего тоже не было сделано: в Концепции социально-экономического развития России (март 2008 г.) вообще не был учтён ни один из внешних факторов развития и безопасности. Соответственно, и эта концепция потеряла свою актуальность уже через несколько месяцев после своего утверждения (как, впрочем, и другие

последующие концепции и стратегии). Складывается устойчивое впечатление, что правящей российской элите в действительности не нужны ни достоверные и объективные прогнозы, ни сколько-нибудь обязывающее стратегическое планирование, которое в нынешнем виде не соответствует даже самому общему Федеральному закону № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», принятому 28 июня 2014 г.

Таким образом, важно, чтобы при разработке реальных планов развития России и её стратегии национальной безопасности максимально точно учитывался наиболее вероятный сценарий (и его варианты) развития МО, в основе которых должна лежать достаточно общая, но тщательно обоснованная, формально-логическая концепция, позволяющая сформулировать определённую стратегию национальной безопасности и противодействия внешнему военно-силовому давлению. Её детали могут и должны постоянно уточняться, но общая логика и вектор развития не изменятся, как не может постоянно меняться и стратегия развития страны.

В данном случае внимание сконцентрировано только на самых общих и принципиальных положениях предлагаемой авторами концепции. Её суть в данной работе изложена в нескольких положениях, представляющих основные, самые общие особенности развития современной МО и ВПО как в политической, так и в военно-технической области. С точки зрения целого ряда авторов и даже некоторых организаций, эта концепция может быть спорной и не отражать как официальных взгля-

дов, так и позиции некоторых институтов и специалистов.

С международно-политической точки зрения в наше время главным субъектом в гонке вооружений является не отдельное государство, а коалиции государств, объединённых по ценностно-цивилизационному прин-

ципу. Следует исходить из презумпции раскола мира по ценностным основаниям, близкой к той модели, которую описывал С. Хантингтон, но дополнить её эмпирическим наблюдением, согласно которому ядром любой локально-цивилизационной общности является великая держава.

Формально-логическая модель развития наиболее вероятного сценария военно-силового противоборства в 2019–2025 годах

По многим причинам представляется возможным, что уничтожение противостоящего неприятеля не является целью частного боя, а лишь средством.

К. Клаузевиц, О войне

Выбор той или иной стратегии обеспечения безопасности и развития для государства (в том числе развития его военного потенциала) зависит от многих факторов. Ключевое значение имеет, в частности, внешняя обстановка, те условия, в которых предстоит этому государству существовать и обеспечивать свою безопасность. Они могут быть как очень благоприятными, так и крайне неблагоприятными (со множеством промежуточных вариантов) – от исключительно благоприятных условий социально-экономического развития и отсутствия опасностей и угроз до состояния, близкого к военным действиям либо даже войны. Поэтому необходимо двигаться в анализе от общего к частному, от определения сценария развития МО, затем ВПО и СО. И только после этого можно говорить о военной стратегии, военной политике и военном строительстве в том или ином государстве [2].

Выбирая из всех теоретически возможных сценариев и их вариантов развития МО и ВПО наиболее вероятный (а на практике – единственно нужный), необходимо, следуя предложенной методике, соблюдать важнейшее классическое правило: военная сила не является целью политики сама по себе, но лишь одним из её средств. Это означает, применительно к выбору сценария развития ВПО, что такой сценарий и его варианты изначально предопределены предварительным выбором сценария развития МО [4]. Так, если отношения между субъектами МО формируются в рамках сценария и его вариантов сотрудничества, то и вариант сценария ВПО военно-силового противоборства крайне маловероятен: политические и иные противоречия, даже если они и существуют, не перерастают в силовое противоборство.

Более того, тот или иной сценарий развития субъекта ВПО (государства,

коалиции, актора) во многом будет предопределяться также внешними условиями – состоянием и тенденциями в развитии МО – ВПО (что не учитывается теми, кто занимается прогнозом и планированием социально-экономической сферы России).

Например, противоречия Великобритании и ЕС всё равно будут развиваться в рамках того или иного сценария сотрудничества и союзных отношений, а не конфронтации, а стратегия развития Великобритании не изменится принципиально даже в случае формального выхода из Евросоюза.

Другой пример: в октябре 2019 г. в интервью журналу «*The Economist*» президент Франции Э. Макрон изложил свой взгляд на развитие России. (Отметим, что именно такого, стратегического, подхода в современной России не наблюдается среди тех, кто занимается стратегическим планированием в финансово-экономическом блоке правительства.) По его мнению, есть три сценария.

В качестве *первой опции* Макрон упомянул возможность России восстановить статус супердержавы, опираясь исключительно на собственные силы (в дальнейших рассуждениях это будет называться «мобилизационный» сценарий). Однако, по мнению французского лидера, сделать это будет крайне сложно. В частности, указал Макрон, для этого России недостаёт экономической мощи и численности населения. А улучшить демографическую и экономическую ситуацию за счёт миграции у Москвы вряд ли получится.

«То, что население России включает в себя (мусульман.– Авт.) – и (страна.– Авт.) окружена мусульманами, это создаёт для неё проблемы. Учитывая огромный размер территории (России.– Авт.), она могла бы получить огромное преимущество за счёт миграционной политики. Но нет, это православный консервативный проект, поэтому это не работает», – сказал президент Франции.

Второй сценарий – это развитие государства по евразийской модели. Однако лидером на подобном пути уже является Китай, и президента России В. Путина такая ситуация едва ли устраивает, говорит французский лидер.

«Я ни на секунду не представляю себе, что его (Путин.– Авт.) стратегия – быть вассалом Китая», – пояснил Макрон.

Наконец, *третья стратегия* предполагает сбалансированное сотрудничество с Европой. По словам Макрона, В. Путин считает несправедливым расширение НАТО к российским границам и смотрит на ЕС как на вассала США. Однако в будущем в Москве могут пересмотреть своё отношение, уверен французский лидер.

«Его (Путин.– Авт.) консерватизм привёл к развитию антиевропейского проекта, но я не понимаю, как этот проект может вылиться во что-то другое, кроме как в проект партнёрства с Европой», – считает французский президент [11].

Иными словами, сценарий развития МО достаточно консервативен и более устойчив, а его сильное влияние на формирование сценария

¹¹ Пудовкин Е. Макрон назвал три сценария развития России // РБК. 2019. 7 ноября // URL: rbc.ru/politics/07/11/2019/5dc4418d9a794753ccf952a6utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews

ВПО сохраняется в любом случае. Именно эти сценарии во многом предопределяют развитие страны, в частности России, которая должна будет выбирать свой вариант стратегии развития и обеспечения национальной безопасности.

В рассматриваемом случае представляется единственно вероятным сценарий МО и ВПО – нарастание военно-силового противоборства, в основе которого находится установка США на военно-силовое решение проблем в случае неудачи использования других способов и средств.

Это подтверждают прежде всего военно-технические приготовления США. Ядерный арсенал США из средства сдерживания стремительно превращается в средство нападения, причём именно потенциалом сдерживания американцы уже пожертвовали ради того, чтобы улучшить свои возможности по внезапному ядерному нападению. Риск наступательной ядерной войны со стороны США непрерывно растёт, отмечают российские эксперты [12].

Несколько эмоциональные высказывания В. В. Путина на тему «мы попадём в рай, а вы просто сдохнете» обусловлены именно пониманием скрытной подготовки США к ведению наступательной ядерной войны, факт проведения которой не зависит от того, кто занимает Белый дом.

В таких условиях России необходимо не только совершенствовать механизмы ядерного сдерживания, но и готовиться к его провалу с учётом того, что США в разы снижают

мощность своих ядерных боеприпасов (например, боевых блоков БРПЛ со 100 до 5 кт) и того, что их первый удар будет направлен на наши военные объекты, а не на города, вести ядерную войну и после первого удара будет и кому, и ради чего.

А значит, необходимо быть готовыми полностью реализовать потенциал всех инструментов для ведения такой войны, главным из которых после израсходования в ответном или ответно-встречном ударе большинства ракет станут бомбардировщики [12].

Надо иметь в виду, что «обратное» влияние сценария ВПО на развитие сценария международной обстановки может порой быть существенным, в том числе зависящим от того, в каком направлении развивается та или иная стратегическая обстановка, возможные конфликты и войны в мире или регионе.

Так, например, возможный пуск крылатых ракет морского базирования советской атомной подводной лодкой, попавшей в аварию в Саргасовом море (1962 г.), в ответ на планировавшийся десант американцев, безусловно, привёл бы к гибели десятка американских городов и последующей ядерной войне. В этом случае (как и в некоторых других) изменения в СО в Атлантике резко повлияло бы не только на изменение ВПО, но и МО в мире.

Наличие разных взглядов на состояние и перспективы развития МО и ВПО в мире не освобождает от необходимости высказаться вполне определённо о позиции, которую авторы считают наиболее реальной и вероятной.

¹² Тимохин А. Авиационные СЯС: похоже, мы кое в чём ошибаемся // Военное обозрение. 2019. 3 ноября.

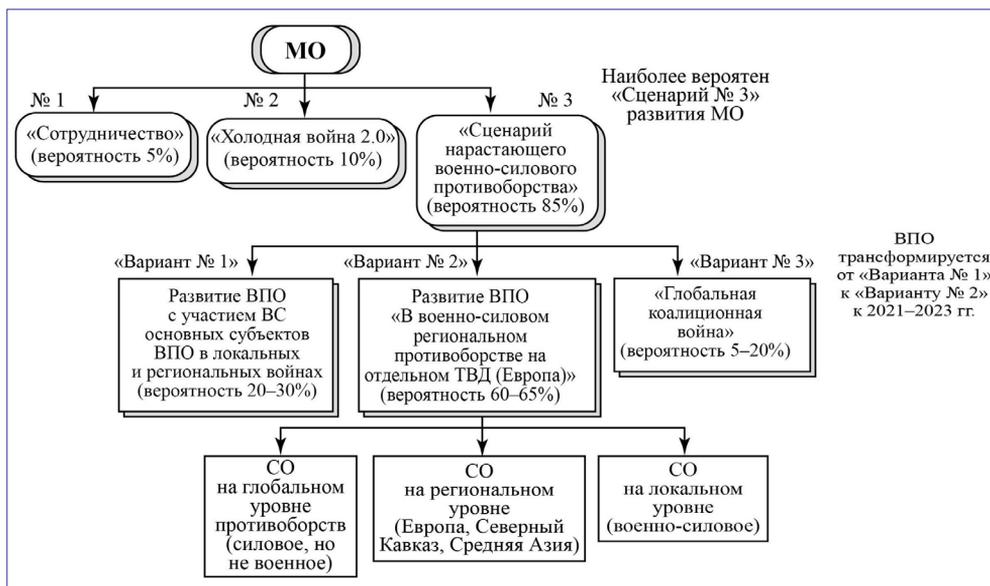

Рис. 1. Оценка состояния и перспектив развития военно-политической обстановки

Так, в целом ряде работ, в том числе авторитетных исследований, например НИИ № 46 МО России, говорится о наличии в наши дни нескольких (четырёх) возможных сценариев развития МО [13]. Да, конечно, таких возможных сценариев развития МО может быть великое множество, но для прикладных задач необходимо отобрать только наиболее вероятные (рис. 1).

1. Наименее вероятный (из возможных) сценарий развития МО (**Сценарий № 1**), который условно назван «Ограниченное сотрудничество», предполагает существование некоторой вероятности того, что нарастающее противостояние между ЛЧЦ и другими субъектами будет если и не прекращено, то замедлено, структурировано в некие прави-

ла и международно-правовые нормы, сложившиеся к концу XX в. Во многом этот сценарий повторяет общие черты отношений между ведущими государствами и состояние МО и ВПО периода разрядки международной напряжённости 1972–1987 гг., когда силовое противоборство ограничивалось некими формальными договорами и соглашениями и неформальными договорённостями относительно поведения друг с другом.

На конец 2019 г., однако, не существовало сколько-нибудь серьёзных симптомов и предпосылок для реализации этого сценария, кроме желания некоторых представителей российских и зарубежных правящих элит, во всяком случае в ближайшей перспективе (3–5 лет), хотя слабая

¹³ Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации. М.: Граница, 2018.

вероятность сохраняется, если российская (китайская и др.) правящая элита пойдет на уступки и односторонние компромиссы, т. е. фактически на капитуляцию перед правящей элитой США и их коалицией.

Более того, развитие событий в МО в самые последние годы свидетельствовало о том, что западная ЛЧЦ во главе с США и её военно-политическая коалиция открыто взяли курс на силовую политику и широкую дестабилизацию МО и ВПО.

2. **Сценарий № 2**, который условно обозначен как «Холодная война 2.0», – достаточно хорошо знаком многим, и его ещё не успели забыть в мире. Он означает открытое военно-силовое соперничество разных центров силы и ЛЧЦ в самом широком спектре, не переходящее, однако, границ прямого использования вооружённого насилия. Этот сценарий реализовывался в 1946–1970-е годы в разных региональных и локальных вариантах – «война на удалённом ТВД» и «ядерный шантаж» до варианта «разрядка международной напряжённости», сосуществовавшего параллельно с бомбардировками Вьетнама, Лаоса и Камбоджи.

Современный сценарий может быть назван так же, как и прежде – «Холодная война», но у него есть существенное отличие: у России практически не осталось военно-политических союзников, а ОДКБ несопоставим по своей мощи с Организацией Варшавского договора (ОВД). Поэтому равноправного соперничества в духе соперничества Афин и Спарты или Рима и Карфагена не может быть. Нет ни равносильных военно-политических коалиций, ни сопоставимых по своей мощи государств. За исключением

нарастающей мощи новых центров силы на базе древних ЛЧЦ Китая и Индии.

Кроме того, страны ЕС и другие развитые государства фактически вошли в американскую военно-политическую коалицию, а большинство развивающихся стран ориентируются (или находятся под давлением) на политику США.

3. Наконец, наиболее вероятный сценарий – **Сценарий № 3** – «Сценарий нарастающего военно-силового противоборства». Эскалация современного сценария развития МО в самые последние годы в пользу этого сценария свидетельствует о том, что он наиболее вероятен (вероятность реализации до 2024 г. 85%), что фактически означает среднесрочный прогноз о его неизбежности. Причём его развитие может даже опережать указанные сроки, т. е. переход на другую стадию эскалации возможен даже быстрее, чем ожидается сегодня.

Этот же вывод означает, что именно такой сценарий развития МО превращается во многом в различные варианты сценария развития ВПО, ослабляя влияние невоенных аспектов и факторов формирования МО (финансово-экономические, политико-дипломатические и др.).

На рис. 1 показаны три возможных сценария развития МО и три наиболее возможных варианта развития сценария ВПО как логического развития и составной части Сценария № 3 МО. Как видно, наиболее вероятным (доля вероятности достигает 60–65%) предлагается Вариант № 2 развития ВПО («Военно-силовое региональное противоборство на отдельном ТВД»). Именно этот вариант сценария развития ВПО допол-

няется некоторыми (весьма немногими) сценариями и их вариантами развития СО в отдельных регионах и в мире в целом.

Важно отметить, что базовый сценарий развития МО (рис. 1) практически реализуется не сам по себе, а в одном из своих «прикладных» военно-политических вариантов, которые образуются под воздействием внешних объективных и конкретных факторов, а также под влиянием множества субъективных факторов, которые, как правило, либо не известны сегодня, либо незаметны [14]. В данном случае выделены только три относительно конкретных варианта, в рамках которых может произойти реализация наиболее вероятного сценария (Сценария № 3) развития МО и его прикладной военно-политической части – ВПО, а именно:

Вариант № 1 (Сценарий № 3 развития МО) – развитие ВПО реализуется под влиянием прямого военно-силового противоборства основных участников формирования ВПО (США, Китая, России, Индии, исламского мира и их военно-политических коалиций). Это может быть, например, вооружённый конфликт или война между западной коалицией и Россией в Сирии, на Украине, на Кавказе или Средней Азии.

Отличительной чертой этого варианта является то, что даже военный конфликт между основными участниками ВПО в том или ином регионе не перерастает в войну на ТВД, а тем более глобальную войну,

оставаясь, по сути, частным военным конфликтом. Это не исключает, естественно, разрастания его масштабов и перерастания в войну на ТВД.

Другой отличительной чертой этого варианта развития ВПО является ограниченность и сдержанность в средствах использования вооружённого насилия, попытках сохранить контроль над эскалацией конфликта в войну и ограничить масштабы использования ВВСТ*. Примером может стать военный конфликт западной коалиции в Афганистане, Ираке, Ливии и Сирии.

Это также может быть конфликт западной ЛЧЦ и её коалиции с КНР или западной коалиции и исламской ЛЧЦ (либо её частью, например, Ираном). Вероятность реализации этого варианта расценивается достаточно высоко – в 20–30%, но если говорить о более частных военных конфликтах – локальных или региональных, то вероятность будет значительно выше.

Так, применительно к конфликту с Ираном, КНР или целым рядом других государств она может превышать 50%, а между Индией и Пакистаном – ещё выше [2].

Вариант № 2 (Сценарий № 3 развития МО) – развитие ВПО как военно-силового противоборства на отдельном ТВД, например, в Восточной Европе, прежде всего на Украине, где силовое противоборство не перейдёт в прямое вооружённое столкновение между Западом и Россией, но где

¹⁴ Подберёзкин А. И., Александров М. В., Родионов О. Е. [и др.]. Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам / под ред. М. А. Александрова, О. Е. Родионова. М.: МГИМО-Университет, 2018.

* ВВСТ – вооружённая, военная и спецтехника.

массированно будет использоваться «облачный противник» – ВС Украины, частных военных компаний (ЧВК) и пр. Это наиболее вероятный, даже неизбежный вариант развития Сценария № 3 МО – ВПО до 2024 г., который может произойти на Кавказе, в Средней Азии или Юго-Восточной Азии.

Как представляется, этот вариант может быть наиболее вероятным. Прежде всего из-за возросшего риска военно-силового противостояния между основными участниками формирования ВПО, но также из-за их стремления избежать рисков прямого военного противостояния.

Характерными чертами таких конфликтов на значительных ТВД будет использование широкого спектра силовых возможностей, прежде всего новейших (киберопераций, «облачного противника», террористов, сил специального назначения), а также невоенных силовых инструментов – экономических и торговых санкций, политико-административного и информационно-когнитивного принуждения и т. д.

Вариант № 3 (Сценарий № 3 развития МО), который условно назван «Глобальная коалиционная война», может иметь множество форм – от массированного использования ВТО по примеру нанесения удара крылатыми ракетами США по Сирии (2018 г.) до ограниченных ядерных ударов на различных ТВД.

Учитывая очень высокие риски (не только военные, но и политические и экономические), представляется, что подобные варианты, которые, безусловно, готовятся в штабах, нацелены прежде всего на политико-психологические формы силового давления, даже шантаж,

но не на реальное применение вооружённых сил, тем более их участие в массовом порядке.

Таким образом, рассматривая в самом общем плане сценарии развития МО – ВПО до 2024 г., можно сделать следующие выводы:

1. Военно-силовой конфликт России с западной военно-политической коалицией становится **практически неизбежным к 2021–2024 гг.** (на уровне региональном или локальном), учитывая развитие тех тенденций, которые сложились к середине 2019 г. Любое ответственное правительство должно исходить из возможности развития такого сценария, даже если и признаёт его маловероятным. Поэтому нужна как минимум такая стратегия социально-экономического и технологического развития, которая исходила бы из высокой вероятности подобного развития МО. Соответственно, в те немногие годы, которые остались до «часа икс», оно должно предпринять самые масштабные и неотложные меры для того, чтобы быть готовым к подобному развитию событий.

2. Мы не знаем и не можем точно знать, по какому из конкретных вариантов ВПО могут развиваться отношения и ВПО через несколько лет. Ясно одно: его силовые формы могут быть самыми разнообразными:

- локальными;
- региональными;
- глобальными.

Но во всех таких войнах и конфликтах предполагается системное использование всех силовых средств комплексно – от информационно-когнитивных до ядерных.

3. Основные военные средства и способы ведения будущей войны, как показывает опыт военных дей-

ствий в Ираке, Сирии, Ливии и на Украине, – это прежде всего:

– средства воздушно-космического нападения;

– средства воздушно-космической обороны;

– средства специальных информационно-когнитивных и социальных операций.

4. Использование сухопутных и военно-морских сил западной коалиции будет носить вспомогательный характер.

Прогнозируя подобное развитие МО и ВПО, неизбежно можно при-

йти к выводу о необходимости сознательного и долгосрочного выбора стратегии России по противодействию агрессии западной коалиции. Прежде всего этот выбор должен быть сделан политически, но и предполагать возможность выбора сил и средств для военно-силового противодействия, т. е. должна существовать некая формальная логика в формировании возможной стратегии России в ответ на развитие негативного сценария ВПО в одном из его военно-силовых вариантов.

Политический выбор правящей элиты России как выбор наиболее эффективной модели противоборства

Война ведётся всеми средствами: не только силой оружия, но также средствами пропаганды и экономического воздействия.

В. Кейтель. Размышления перед казнью

Политический выбор стратегии противоборства правящей элитой России во многом зависит не только от объективного положения в мире (состояния международной и военно-политической обстановки – МО и ВПО^{*}) и соотношения военных и иных сил, но и *адекватной оценки правящей элитой* этих состояний, которая, к сожалению, порой не отражает реалий и настолько субъективна, что перечёркивает все научные и практические расчёты и оцен-

ки, а также реальные возможности средств и способов ведения войны.

Ради справедливости следует признать, что оценки политического и особенно военного состояния государств в мире правящими элитами и экспертным сообществом всегда субъективны – вопрос в том, насколько они субъективны. Иногда эти субъективные оценки недооценивают свою мощь или переоценивают мощь противника (что одинаково опасно), но ещё хуже, когда по-

^{*} В данном контексте ВПО рассматривается как состояние отношений субъектов и акторов в конкретных условиях и в конкретный период, хотя у определения ВПО существует и немало других характеристик (Махонин В.А. К вопросу о понятии «военно-политическая обстановка» // Военная мысль. 2011, № 4).

добные оценки не соответствуют объективным реалиям, искажая состояние МО и ВПО. Именно так произошло, например, при М. Горбачёве, когда правящая элита СССР радикально ошиблась в оценке и перспективах развития МО [5].

При этом надо иметь в виду, что экономические и финансовые, как и иные количественные материальные критерии, не являются окончательными и даже важнейшими в оценке ВПО и соотношения сил между враждебными сторонами. Именно поэтому количественные критерии (в том числе широко используемыми при оценке гонки вооружений Ричардсона) не являются главными и окончательными. Война может стать концом нации или потерей на десятилетия и даже столетия её возможностей и национальных особенностей.

Как писал генерал-фельдмаршал В. Кейтель, «...война служит делу сохранения нации и государства или обеспечивает его историческое будущее.

Эта высшая моральная цель придаёт войне отличительный признак и служит её нравственным оправданием.

Она ставит войну выше политического акта и выше военного поединка из-за экономических выгод» [15].

В истории множество подтверждений этому. Готовность правящей элиты Древней Греции, Древнего Рима или Карфагена в определённые

периоды войн к самопожертвованию и борьбе любой ценой – самые ранние примеры того, как бескомпромиссны могут быть политические оценки и действия [16].

Но уже и в Новейшей истории войны в Индокитае (прежде всего в Корее и Вьетнаме) доказали, что абсолютное экономическое и военное превосходство не являются гарантией победы, если правящие элиты и общества принимают решения о сопротивлении в бескомпромиссной борьбе. Именно такое решение было принято в 1941 г. в СССР, хотя соотношение демографических, экономических и иных сил с Германией и её союзниками и оккупированной Европой было в несколько раз в пользу нападавших [17]. Надо напомнить, что, оценивая потенциалы СССР и Германии, большинство западных экспертов оставляли России несколько месяцев для сопротивления, а план «Барбаросса» предусматривал завершение войны к 1942 г. Собственно это и имел в виду начальник Генштаба РККА Б. Шапошников, когда писал накануне Второй мировой войны, что «...сила государства не определяется только его военными силами», критикуя начальника Генштаба Австро-Венгрии Конрада, который писал, что «соотношение военных сил является основой каждой реальной политики» [18].

Объективность оценки состояния МО и ВПО, а также соотношения

¹⁵ Кейтель В. Размышления перед казнью. М.: Вече, 2017. С. 168.

¹⁶ Ливий Тит. История Рима от основания города. Все книги в одном томе / пер. с лат. П. Андрианова. М.: Э, 2017.

¹⁷ Штоль В. В. Россия и Запад: несостоявшийся альянс, или Противостояние как неизбежность. СПб.: Алетейя, 2019.

¹⁸ Шапошников Б. М. Мозг армии. М.: Общество сохранения литературного наследия, 2017. С. 656.

сил во многом зависит от наличия у государства и общества эффективных институтов развития НЧК* (государственных и общественных), которые приближают субъективные оценки к объективным реалиям. Эта необходимость, кстати, всё чаще признаётся военно-политическим руководством современной России, которое в последнее десятилетие стало привлекать к анализу состояния ВПО самые разные государственные институты и даже отдельных экспертов, а не только структуры МО и Генштаба России. Чем профессиональнее Генеральный штаб, тем точнее его оценки** (что полностью доказало развитие штабов Германии и СССР в разные периоды войны 1941–1945 гг. и наиболее отчётливо проявилось в ходе двухнедельной войны с Японией в 1945 г.), чем подготовленнее и ответственнее правящая элита, которая концентрируется в политических и общественных институтах развития НЧК, тем качественнее решения и точнее результаты (к сожалению, негативный опыт принятия решений и оценок современной российской правящей элитой это ежедневно подтверждает) [2].

Надо признать, что в основе подобных противоречий лежат и марксистские воззрения, которые определяют детерминированность развития отношений между субъектами «через призму мате-

риальных условий их жизни... противоречия и конфликты в существующем способе производства, ибо эти факторы, а не субъективные мотивы, желания, идеи людей в конечном счёте определяют характер социальных реалий» [19].

По мере усиления значения НЧК в экономике и военно-политической области особенно заметным становится политическая и военная роль институтов развития НЧК в качестве силовых инструментов политики – как «жёсткой», так и «мягкой силы». Значение институтов развития НЧК до настоящего времени недооценено.

Так, например, политико-идеологический развал СССР рядом экспертов расценивается даже как «победа Голливуда», который выступил в качестве главного института продвижения западной системы ценностей. Фраза о том, что СССР был побеждён «не НАТО, а Голливудом», конечно, перебор – но не бред. Разумеется, нашу предыдущую государственность разрушила в первую очередь не внешняя сила, а слаженная работа сил внутренних.

Однако роль, которую сыграли в «капитуляции русских» американские киногерои, переоценить невозможно. Как признаёт В. Мараховский, «те, кто был подростком в 1980-х – начале 90-х (а я, например, был), тот помнит: основы поведенческих моделей у мальчишек было три: Шварцнегер, Сталлоне и, в несколько меньшей степени, Брюс

¹⁹ Кравченко С. А. Динамика социологического воображения: всемирная культура инновационного мышления. М.: Анхил, 2010. С. 52.

* НЧК – национальный человеческий капитал.

** Удивительно точное описание ВПО накануне Первой мировой войны было дано в публичном издании Генерального штаба Российской империи «Наши соседи и некоторые другие главнейшие государства. Обзор их воен. мощи / Сост.: Ген. штаба полк. Н. Елизаров, кап. В. Бельий и А. Смирнов и штабс-кап. П. Громько. М.: тип. Окр. штаба, 1913, где были даны не только военные и экономические, но и политические, этнические и другие характеристики широкого круга стран от Австро-Венгрии и Германии до Черногории и Японии.

Ли, приехавший к нам хоть и из Гонконга, но тоже через Америку. На девочек, кстати, тоже повлияло: они хоть и не пытались подражать конкретной Джулии Робертс, но мечта уехать в богатое безопасное Туда и выйти Там замуж за Ричарда Гира (он же, в мексиканском многосерийном варианте, Луис Альберто) тем не менее инфантировала целые поколения» [20].

Изменение МО и ВПО в мире неизбежно оказывает сильное влияние на национальную стратегию любого государства, причём сила этого влияния варьируется от «абсолютного» (когда изменения ведут к качественным социально-политическим и экономическим изменениям субъекта МО), как правило, в результате военных действий или коренного изменения в системе МО – ВПО, до незначительных, а порой и незаметных, второстепенных, когда страна проводит изоляционистскую политику.

Так, например, внешние изменения (уничтожение СССР, распад соцсистемы) крайне негативно сказались на социально-политическом и экономическом положении многих государств – от Монголии до Кубы. Но это влияние сказалось по-разному для Кубы и КНДР, с одной стороны, и для бывших социалистических стран Европы – с другой.

Надо отдавать отчёт, что российская правящая элита неоднородна, значительная её часть игнорирует последние десятилетия национальные и государственные интересы. Подобное отношение к интересам и ценностям делает теоретически и практически возможным любой из

вариантов ответной стратегии – от откровенной капитуляции и отказа от национальных интересов и ценностей до защиты этих интересов самыми радикальными средствами. Между тем необходимо не просто сделать выбор, но и принять решение, которое занимает решающее место в управлении.

А. А. Свечин следующим образом даёт определение этому явлению: «Стратегическое решение заключается, по преимуществу, в постановке промежуточной цели, которая являлась бы кратчайшим логическим звеном на пути к конечной цели и в то же время отвечала бы средствам, имеющимся для достижения последней» [21]. При этом (как отмечал ещё К. Клаузевиц) в стратегии существует огромное количество оценок и мнений, а сами оценки («воззрения») менее устойчивы [22].

Кроме того, такой выбор формально могут сделать только те государственные органы, которые имеют на это право. В политической системе России – президент и Федеральное собрание РФ, что отнюдь не облегчает принятие решения. «Общество» фактически дистанцировано от него, хотя косвенно и может оказывать некоторое влияние. Ещё меньшее влияние оказывают эксперты и научные круги, которые в лучшем случае могут только донести до лиц, принимающих решения, свою точку зрения в какой-то форме.

Таким образом, этот выбор (как реакция на изменение внешних условий) в реальности представляет

²⁰ *Мараховский В.* США меняют оружие, которым покарала Россию // РИА-Новости. 2019. 4 ноября // URL: www.kia.ru/20191104/04.11.2019

²¹ *Свечин А. А.* Стратегия. (2-е изд.). М.; Л.: Военный вестник, 1927. С. 244.

²² *Клаузевиц К. фон.* О войне. М.: АСТ, 2019. С. 188.

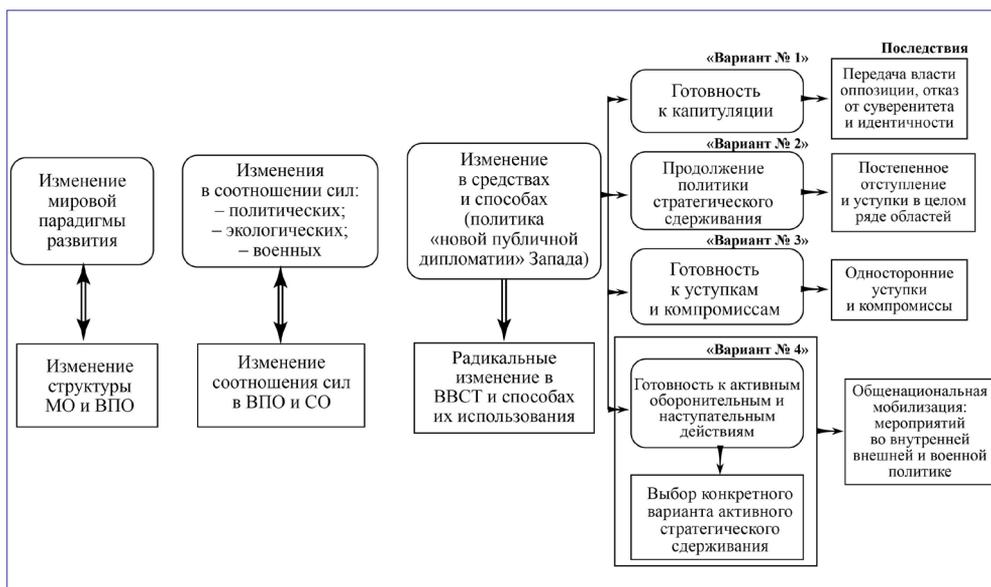

Рис. 2. Выбор стратегии России как ответ на действия западной коалиции

собой некое формальное решение, принимаемое уполномоченными органами. В данном случае, как представляется, такие решения были приняты в 2018 г. президентом В. В. Путиным (май 2018 г.), правительством страны (в сентябре в соответствующем постановлении) и Федеральным собранием, которое фактически поддержало политический курс президента.

Это решение базировалось в целом на достаточно адекватной оценке действительности, которая в самом общем виде представлена на рис. 2.

При этом, до последнего времени, вплоть до конца 2019 г. эволюция национальной стратегии России, как представляется, развивалась по

Варианту № 2 («Продолжение политики стратегического сдерживания»), предполагающему широкое стратегическое отступление на основных направлениях:

- политико-идеологическом (реакция на усиливающиеся политические и идеологические провокации, не предполагающая активных действий);

- ответные шаги (контрсанкции) в финансово-экономической области;

- отказ от идеологического лидерства и попыток перехватить инициативу в когнитивно-идеологической области;

- ухудшение социально-экономического и внутривнутриполитического положения [23].

²³ Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/>

Постепенно становилось всё очевиднее, что подобная стратегия не может продолжаться долго – отступление неизбежно ведёт к качественному изменению в положении России, что, во-первых, уже стало остро ощущаться населением, а во-вторых, привело к «накоплению» отрицательных результатов во внешней политике. События 2014–2018 гг., прежде всего политика санкций и угроз, откровенного информационно-когнитивного давления на правящую элиту России привели к постепенному отходу от этой политики, что выразилось в «переходном периоде» от **Варианта № 2** к **Варианту № 4** [24] развития стратегии противодействия России. Причём именно в этот период наиболее кризисного развития МО (2014–2019 гг.) России удалось использовать уже не только военные инструменты силовой политики, но и инструменты «мягкой силы» достаточно заметно, хотя ещё далеко и не так эффективно, как это было бы возможно, более того, необходимо.

Как известно, именно в эти годы противоречия стремительно перерастали в открытое политико-информационное или политико-дипломатическое противостояние. Успех или неудачи в таком противостоянии обеспечивались прежде всего наличием и использованием невоенных инструментов силовой политики, которые входят традиционно в перечень сил и средств так называемой политики «мягкой силы» [4].

Надо признать, что в самые последние годы Запад был вынужден пересмотреть своё отношение к возможностям России в этой области.

Если ещё до недавнего времени они рассматривались как сверхмалые, на грани того, что с ними можно не считаться, то опыт противостояния последних лет показал, что в России умеют быстро учиться.

Прогресс, конечно, не достиг необходимого уровня, но тем не менее.

В частности, ещё в 2016 г. PR-агентство *Portland* представило традиционный рейтинг 30 стран по влиянию с использованием «мягкой силы». Престижным считается само лишь помещение страны в рейтинг.

Под термином «мягкая сила» в этом рейтинге понимается влияние государства на мировую политику посредством своей культуры, языка и других гуманитарных ценностей.

Рейтинг агентства *Portland* рассчитывается на основании семи основных критериев, среди которых шесть объективных (культура, образование, деловой климат, стандарты государственного управления, распространённость цифровых технологий, отношения с другими странами), а также данные социологических опросов.

Первое место заняли США, сместив на вторую позицию Великобританию – лидера прошлого года. Среди самых влиятельных стран, использующих для своего доминирования во внешней политике «мягкую силу», – Германия, Канада и Франция.

Япония заняла 7-е, Китай – 28-е место. Израиль в список не попал. Нет в списке ни одной мусульманской страны, однако «*Soft Power 30*» 2019 г. принёс неожиданность: впервые в список попала Россия, заняв в нём 27-е место. Успех принесли показатели влияния «мягкой силы» в области культуры. И, конечно же, образования.

На глобальное восприятие России повлияло также её участие в борьбе с террористами в Сирии. При этом авторы рейтинга не преминули отметить, что проявления «жёсткой силы» в России гораздо более заметны, чем проявления «мягкой силы».

²⁴ Подберёзкин А. И. «Переходный период» развития военно-силовой парадигмы (2019–2025 гг.). Ч. 1; Ч. 2 // Обозреватель–Observer. 2019. № 4; № 5.

По распространённости цифровых технологий Россия оказалась на 11-м месте, по культурному влиянию – на 14-м, по международным отношениям –

на 8-м, по качеству образования – на 20-м. В любом случае, попав в «Soft Power 30», Россия значительно продвинулась в мировом восприятии стран.

Таким образом, можно констатировать, что Россия фактически стала использовать те же средства и способы невоенного силового принуждения, которые использовались в последние десятилетия против неё. Но это использование ещё далеко не всегда эффективное.

Россия находится только в самом начале процесса, который требует осмысления и организационных мер для повышения своей эффективности, а также нормативного закрепления. Количественно можно оценить его по 100-балльной шкале как уже не ноль, но ещё далеко не 100, даже не 75 баллов» [25].

Очевидно, что с точки зрения применения всего комплекса силовых инструментов политики – «жёсткой» и «мягкой силы» наступил новый период, который применительно к России можно определить как период с 2014 г. по настоящее время. Окончательно переход к системному силовому использованию всего спектра силовых инструментов, по всей видимости, совершится к 2024–2025 гг., т. е. к ожидаемому пику развития эскалации военно-силового сценария ВПО.

Библиография • References

Болдырев В.Е. Реконструкция стратегии Д. Трампа в отношении КНДР: курс на перестройку региональной архитектуры? // США и Канада: экономика, политика, культура, 2019. № 3. С. 85–98.

[*Boldyrev V.E.* Rekonstrukciya strategii D. Trampa v otnoshenii KNDR: kurs na perestrojku regional'noj arhitektury? // SSHA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura, 2019. № 3. S. 85–98]

Кейтель В. Размышления перед казнью. М.: Вече, 2017.– 592 с.

[*Kejtel' V.* Razmyshleniya pered kazn'yu. M.: Veche, 2017.– 592 s.]

Клаузевиц К. фон. О войне. М.: АСТ, 2019.– 320 с.

[*Klauzevic K. fon.* O vojne. M.: AST, 2019.– 320 s.]

Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации. М.: Граница, 2018.– 512 с.

[*Konceptsiya obosnovaniya perspektivnogo oblika silovyh komponentov voennoj organizacii Rossijskoj Federacii.* M.: Granica, 2018.– 512 s.]

Кравченко С.А. Динамика социологического воображения: всемирная культура инновационного мышления. М.: Анхил, 2010.– 392 с.

[*Krauchenko S.A.* Dinamika sociologicheskogo voobrazheniya: vsemirnaya kul'tura innovacionnogo myshleniya. M.: Anhil, 2010.– 392 s.]

Ливий Тит. История Рима от основания города. Все книги в одном томе / пер. с лат. П. Андрианова. М.: Э, 2017.– 1344 с.

[*Livij Tit.* Istoriya Rima ot osnovaniya goroda. Vse knigi v odnom tome / per. s lat. P. Andrianova. M.: E, 2017.– 1344 s.]

²⁵ *Подберёзкин А.И.* Национальная безопасность и стратегическое сдерживание // Военное обозрение. 2019. 1 сентября // URL: www.topwar/01.11.2019

- Мараховский В.* США меняют оружие, которым покарали Россию // РИА-Новости. 2019. 4 ноября // URL: www.kia.ru/20191104/04.11.2019
- [*Marahovskij V.* SSHA menyayut oruzhie, kotorym pokarali Rossiyu // RIA-Novosti. 2019. 4 noyabrya // URL: www.kia.ru/20191104/04.11.2019]
- Махонин В. А.* К вопросу о понятии «военно-политическая обстановка» // Военная мысль. 2011. № 4. С. 4–10.
- [*Mahonin V. A.* K voprosu o ponyatii «voenno-politicheskaya obstanovka» // Voennaya mysl'. 2011. № 4. S. 4–10]
- Наши соседи и некоторые другие главнейшие государства. Обзор их воен. мощи / Сост.: Ген. штаба полк. Н. Елизаров, кап. В. Белый и А. Смирнов и штабс-кап. П. Громыко. М.: тип. Окр. штаба, 1913.– 606 с.
- [*Nashi sosedi i nekotorye drugie glavnejshie gosudarstva. Obzor ih voen. moshchi / Sost.: Gen. shtaba polk. N. Elizarov, kap. V. Belyj i A. Smirnov i shtabs-kap. P. Gromyko. M.: tip. Okr. shtaba, 1913.– 606 s.*]
- Подберёзкин А. И.* [и др.]. Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии. М.: Международные отношения, 2017.– 357 с.
- [*Podberyožkin A. I.* [i dr.]. Dolgosrochnoe prognozirovanie razvitiya otnoshenij mezhdru lokal'nymi civilizacijami v Evrazii. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2017.– 357 s.]
- Подберёзкин А. И.* «Переходный период» развития военно-силовой парадигмы (2019–2025 гг.). Ч. 1 // Обозреватель–Observer. 2019. № 4. С. 5–28.
- [*Podberyožkin A. I.* «Perekhodnyj period» razvitiya voenno-silovoj paradigmy (2019–2025 gg.). CH. 1 // Obozrevatel'–Observer. 2019. № 4. S. 5–28]
- Подберёзкин А. И.* «Переходный период» развития военно-силовой парадигмы (2019–2025 гг.). Ч. 2 // Обозреватель–Observer. 2019. № 5. С. 5–31.
- [*Podberyožkin A. I.* «Perekhodnyj period» razvitiya voenno-silovoj paradigmy (2019–2025 gg.). CH. 2 // Obozrevatel'–Observer. 2019. № 5. S. 5–31]
- Подберёзкин А. И.* Национальная безопасность и стратегическое сдерживание // Военное обозрение. 2019. 1 сентября // URL: www.topwar//01.11.2019
- [*Podberyožkin A. I.* Nacional'naya bezopasnost' i strategicheskoe sderzhivanie // Voennoe obozrenie. 2019. 1 sentyabrya // URL: www.topwar//01.11.2019]
- Подберёзкин А. И.* Политика стратегического сдерживания России в XXI веке. М.: Международные отношения, 2019.– 808 с.
- [*Podberyožkin A. I.* Politika strategicheskogo sderzhivaniya Rossii v XXI veke. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2019.– 808 s.]
- Подберёзкин А. И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке: анализ. доклад. М.: МГИМО-Университет, 2016.– 367 с.
- [*Podberyožkin A. I.* Strategiya nacional'noj bezopasnosti Rossii v XXI veke: analit. doklad. M.: MGIMO-Universitet, 2016.– 367 s.]
- Подберёзкин А. И., Александров М. В., Родионов О. Е.* [и др.]. Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам / под ред. М. А. Александрова, О. Е. Родионова. М.: МГИМО-Университет, 2018.– 768 с.
- [*Podberyožkin A. I., Aleksandrov M. V., Rodionov O. E.* [i dr.]. Mir v XXI veke: prognoz razvitiya mezhdunarodnoj obstanovki po stranam i regionam / pod red. M. A. Aleksandrova, O. E. Rodionova. M.: MGIMO-Universitet, 2018.– 768 s.]
- Подберёзкин А. И., Крылов С. А.* Политика, война и международная безопасность в XXI веке // Обозреватель–Observer. 2019. № 10. С. 21–41.
- [*Podberyožkin A. I., Krylov S. A.* Politika, vojna i mezhdunarodnaya bezopasnost' v XXI veke // Obozrevatel'–Observer. 2019. № 10. S. 21–41]
- Подберёзкин А. И., Соколенко В. Г., Цырендоржиев С. П.* Политическая стратегия западной цивилизации в отношении России // Современная международная

- обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 117–129.
- [Podberyozkin A. I., Sokolenko V. G., Cyrendorzhiev S. R. Politicheskaya strategiya zapadnoj civilizacii v otnoshenii Rossii // *Sovremennaya mezhdunarodnaya obstanovka: civilizacii, ideologii, elity*. М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 117–129]
- Пудовкин Е. Макрон назвал три сценария развития России // РБК. 2019. 7 ноября // URL: rbc.ru/politics/07/11/2019/5dc4418d9a794753ccf952a6utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews
- [Pudovkin E. Makron nazval tri scenariya razvitiya Rossii // RBK. 2019. 7 noyabrya // URL: rbc.ru/politics/07/11/2019/5dc4418d9a794753ccf952a6utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews]
- Свечин А. А. Стратегия. (2-е изд.). М.; Л.: Военный вестник, 1927.– 263 с.
- [Svechin A. A. Strategiya. (2-e izd.). М.; L.: Voennyj vestnik, 1927.– 263 s.]
- Стратегия непрямых действий (Г. Б. Лиддел Гарт, 1941, 1954) / пер. с англ. М.: АСТ, 2018.– 560 с.
- [Strategiya nepryamyh dejstvij (G. B. Liddel Gart, 1941, 1954) / per. s angl. М.: AST, 2018.– 560 s.]
- Тимохин А. Авиационные СЯС: похоже, мы кое в чём ошибаемся // Военное обозрение. 2019. 3 ноября.
- [Timohin A. Aviacionnye SYAS: pohože, my кое v chyom oshibaemsya // Voennoe obozrenie. 2019. 3 noyabrya]
- Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/>
- [Ukaz Prezidenta RF ot 7 maya 2018 g. № 204 «O nacional'nyh celyah i strategicheskikh zadachah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/>]
- Шапошников Б. М. Мозг армии. М.: Общество сохранения литературного наследия, 2017.– 824 с.
- [Shaposhnikov B. M. Mozg armii. М.: Obshchestvo sohraneniya literaturnogo naslediya, 2017.– 824 s.]
- Штоль В. В. Россия и Запад: несостоявшийся альянс, или Противостояние как неизбежность. СПб.: Алетейя, 2019.– 434 с.
- [Shtol' V. V. Rossiya i Zapad: nesostoyavshijsya al'yans, ili Protivostoyanie kak neizbezhnost'. SPb.: Aletejya, 2019.– 434 s.]
- Assessing the impact of cost-imposing options // RAND report. 2019. April // URL: https://politexpert.net/153115-rand-corp-opublikovala-antirossiiskii-plan-deistvii-ssha?utm_source=smi2
- Nelson R. M. U. S. Sanctions and Russian Economy // Congressional Research Service. 2017. February. Mode of Access // URL: <https://fas.org/SGP/crs/row/r43895.pdf>
- www.calc.ru/dinamika/12.08.2019

Статья поступила в редакцию 11 ноября 2019 г.

Модель трансатлантического миротворчества НАТО

Павел ШАМАРОВ

В современной международной иерархии миротворчество Североатлантического союза занимает особое положение. Это обусловлено рядом ключевых факторов.

Во-первых, с одной стороны, практическое участие блока в операциях кризисного урегулирования за пределами зоны его ответственности определяется решением Совета НАТО, дву- или многосторонними международными договорами, а не мандатом Совета Безопасности ООН или других уполномоченных наднациональных организаций, а с другой – руководство альянса в каждом своём концептуально-доктринальном документе неизменно подчёркивает приверженность к универсальным нормам международного права, Уставу и принципам ООН.

Во-вторых, НАТО является самым мощным и активным наднациональным «миротворческим актором», ежегодно привлекающим к решению задач кризисного урегулирования вне географических границ блока более 30 тыс. военнослужащих, задействованных в наземных, воздушных и морских операциях в Балканском и Балтийском регионах, Средиземном море, Афганистане, Ливии, Ираке, Сомали.

В-третьих, все операции, как правило, проводятся усилиями альянса не единолично, а в сотрудничестве с основными влиятельными организациями, в первую очередь с ООН, другими странами, например, членами СНГ [1].

ШАМАРОВ Павел Вячеславович – кандидат военных наук, доцент, профессор Академии военных наук, докторант Московского государственного лингвистического университета. *E-mail:* pvs291189@gmail.com

Ключевые слова: миротворчество, кризисное урегулирование, ООН, ОБСЕ, НАТО.

¹ Operations and missions: past and present // URL: https://www.nato.int/hq/topics/tohqttopics_52060

Становление современного миротворчества НАТО

Практика миротворчества за последние 30 лет свидетельствует, что участие военных контингентов НАТО в конфликтах в Сомали и Боснии в 90-х годах предопределило коренную «перекройку» стратегических доктрин альянса, в которых миротворческие операции (МТО) стали считаться одним из приоритетных направлений военно-политической деятельности блока. К концу 90-х годов на Западе уже формируются достаточно радикальные подходы к миротворчеству на основе интенсивного, упреждающего и подавляющего применения военной силы [2]. Этому в определяющей степени способствовала консолидированная инертность международного сообщества в отношении новой системы глобальной безопасности с участием НАТО, а также противоречивая и во многом соглашательская внешнеполитическая линия ряда важнейших мировых акторов при кризисном урегулировании на постъюгославском пространстве. Во время натовского миротворчества на Балканах был создан прецедент, а именно: США получили статус неофициального миротворческого лидера. Это способствовало ослаблению роли ключевых субъектов мировой политики ООН и ОБСЕ.

Боевая обкатка «новых миротворческих подходов альянса» произошла в период агрессии НАТО против

Югославии в начале 1999 г. *Военная интервенция за пределами зоны ответственности блока нарушила положения Устава ООН и Хельсинкского заключительного акта 1975 г., учредительные документы самого блока и общепризнанные международно-правовые нормы.*

Неслучайно пик бомбардировок Белграда и Косово совпал практически с завершением работы Вашингтонского саммита НАТО (апрель 1999 г.), одобдившего его очередную Стратегическую концепцию, которая определила доктринальные подходы блока к обеспечению собственной безопасности в начале XXI в. Так была закреплена приоритетность деятельности альянса в сфере кризисного урегулирования, которое стало позиционироваться как комплекс мероприятий по предотвращению и урегулированию кризисов и конфликтов, в том числе путём реализации военных операций за пределами зоны ответственности блока вне рамок ст. 5 Вашингтонского договора [3, 4].

Всё это стало необходимым «псевдоправовым» основанием для надеждения НАТО глобальной ответственностью в мировом масштабе [1] при одновременном исключении из международного политического глоссария такого ключевого понятия, как «стратегический баланс» [5].

² Карпович О. Г. Миротворческая деятельность США и англосаксонские технологии управления международными конфликтами // Национальная безопасность. 2012. № 1.

³ Штоль В. В. НАТО в миротворческом процессе // Обозреватель–Observer. 2008. № 2.

⁴ Штоль В. В. НАТО: от регионального блока к глобальному доминированию // Обозреватель–Observer. 2015. № 10; № 11.

⁵ Материалы саммита НАТО в Вашингтоне 23–25 апреля 1999 г. Статья 31 раздела «Предотвращение конфликтов и урегулирование кризисов» части III «Подход к безопасности в XXI веке». Brussels: NATO Office of inform. a. press. С. 53, 56–57.

Практика трансатлантического миротворчества

Указанные подходы послужили исходным базисом для активного формирования в трансатлантических странах теоретико-прикладных механизмов в области кризисного урегулирования, квинтэссенцией которого является реализация альянсом модели агрессивного миротворчества. Такая модель предполагает самостоятельную идентификацию странами Запада (без учёта позиций наднациональных организаций, легитимных правительств и сторон противостояния) природы, характера и интенсивности конфликта, параметров вмешательства, его рамок, арсенала применяемых средств, методов и форм, а также временных, территориальных и максимальных пределов использования военной силы. Иными словами, данный подход насильственным образом извне навязывает участникам конфликта любое (в том числе нелегитимное с точки зрения норм международного права) военно-политическое решение в геополитических интересах ведущих западных стран.

Модель агрессивного миротворчества НАТО синтезирует в себе такие новейшие трансатлантические технологии по кризисному урегулированию, как:

– комплексный подход, объединяющий политические, гражданские и военные средства для достижения геополитических целей;

– посткризисное восстановление затронутых стран в соответствии со стандартами политической организации западного социума;

– концепцию «проецирования стабильности во внеблоковых странах», ресурсы которых используются НАТО в собственных военно-политических целях [6].

Все эти ноу-хау учитываются при реформировании объединённых вооружённых сил НАТО для проведения за пределами евро-атлантической зоны самостоятельных и эффективных с военной точки зрения силовых операций, в которых под видом международного миротворчества реализуются национальные интересы ведущих акторов западной цивилизации.

Кроме того, для наращивания «международной легитимности миротворческих усилий альянса» ещё в 2008 г. в Нью-Йорке в режиме конфиденциальности от большинства членов ООН [7] генеральными секретарями ООН и НАТО была подписана совместная Декларация о сотрудничестве между секретариатами НАТО и ООН (*Joint Declaration on UN/NATO Secretariat Cooperation*), которая предполагает планирование и проведение совместных миротворческих операций, а также координацию подготовки и формирование миротворческих сил [8].

⁶ Пушкин С. Текущее состояние и перспективы развития НАТО // Зарубежное военное обозрение. 2015. № 4.

⁷ Сазонова К. Л. Правовые аспекты применения военной силы в миротворчестве Организации Объединённых Наций. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 20.

⁸ Joint Declaration on UN/NATO Secretariat Cooperation // URL: streitcouncil.org/.../UN-NATO%20Joint%20Declaration.pdf

Этот документ сформулировал достаточно противоречивую (по отношению к Уставу ООН) политико-правовую оценку операций НАТО на Балканах и в Афганистане, которые якобы обладали «статусом официально санкционированных миротворческих операций ООН под общим руководством альянса, реализующего их совместно с миротворцами Объединённых Наций» (п. 2).

Более того, впервые в мировой практике была закреплена политико-правовая норма об оперативном взаимодействии этих двух организаций (п. 2), а сам альянс наделён фактически равным с ООН правом «поддержки региональных и субрегиональных организаций» (п. 3). Это можно рассматривать как нелегитимное расширение статуса НАТО до глобального уровня и свидетельства превышения Генеральным секретарём ООН своих должностных полномочий.

В целом декларация обеспечила альянсу международно-правовое обоснование его военной деятельности за пределами евро-атлантической зоны; повышение его международного авторитета и доступ к ресурсам ООН.

Глобальная роль блока была затем подтверждена и в его обновлённой стратегической концепции «Активное вовлечение, современная оборона» (*Active Engagement, Modern Defence*), принятой в ноябре 2010 г. на саммите НАТО в Лиссабоне [9, 10].

Всё указанное стало определённым геополитическим вызовом международному сообществу, по-

скольку НАТО может не только действовать правомочным наднациональным организациям в разрешении кризисных ситуаций, но и проводить в автономном режиме собственные боевые и другие операции под предлогом обеспечения миротворческого процесса в качестве легитимного международного актора-миротворца, сопоставимого по статусу и значению с ООН.

Для расширения своей глобальной миротворческой роли Североатлантический альянс активно разрабатывает собственные так называемые передовые концепции и способы кризисного урегулирования, направленные на замещение классических миротворческих операций ООН созвучными, но диаметрально противоположными по смыслу и содержанию «эволюционными миротворческими механизмами», ориентированными на получение Западом стратегического преимущества.

К ним в первую очередь относится разработанный в целях повышения эффективности реагирования НАТО на кризисные ситуации унифицированный «Процесс управления кризисами» (*Cases Management Process*), который включает ряд этапов от момента обнаружения признаков кризисной ситуации до завершения миротворческой операции альянса в форматах следующих операций по:

- предупреждению конфликтов;
- установлению мира;
- принуждению к миру;

⁹ http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_68580.htm

¹⁰ Штоль В. В. О новой стратегической концепции НАТО // Обозреватель—Observer. 2010. № 8.

- поддержанию мира;
- его стабилизации [11].

Всем этим этапам присуща одна особенность – их проведение предполагает использование военной силы: от опосредованной и косвенной формы (операции по предупреждению конфликтов, установлению мира и стабилизации мира) до прямой формы применения боевых средств из арсенала классической наступательной операции (операции по принуждению к миру и поддержания мира).

Теоретические основы современного «трансатлантического миротворчества» вытекают из преобладающей в научных кругах НАТО точки зрения на военную силу как основу внешнеполитического действия, ассоциируемого со способностью государства оказывать международное влияние за счёт многовариантного проецирования своей военной силы, в том числе в целях «экспорта стабильности» в кризисные регионы мира [12].

При этом в официальном документообороте НАТО понятие «миротворчество» (*peacemaking*) трактуется расширительно и в смысле «установление мира», в содержание которого включается прямое или косвенное использование военных сил и средств. При этом натовские специалисты намеренно не раскрывают содержание такого ключевого понятия теории миротворчества, как «миротворческая деятельность» (по глоссарию ООН – *peacekeeping*

activities), подменяя его сущность набором разнотипных силовых операций [13].

В целом альянс применяет достаточно гибкий механизм кризисного урегулирования, позволяющий оперативно нивелировать угрозы международной безопасности, позиционируя себя в качестве глобально-универсального миротворческого актора. Именно активное участие НАТО в кризисном урегулировании в Боснии, Косово, Македонии, Ливии и Афганистане продемонстрировало приобретённый блоком опыт перехватывания миротворческой инициативы у ООН и ОБСЕ с целью снижения их миротворческой роли и потенциала в мире.

Вместе с тем, невзирая на отступление на практике от норм Устава ООН, формальное соблюдение «миротворческого» паритета между Организацией Объединённых Наций и Североатлантическим союзом служит интересам поддержания международного имиджа альянса, который официально декларирует «глобальную роль ООН в мире».

В условиях обострения отношений с Россией и Китаем страны западной цивилизации заинтересованы в привлечении других государств и наднациональных организаций к реализации своей модели трансатлантического миротворчества. Об этом свидетельствует одобренный в 2013 г. специализированный документ альянса «Военно-политиче-

¹¹ Краснов С., Клименко С. Организация деятельности НАТО в сфере кризисного урегулирования // Зарубежное военное обозрение. 2015. № 12.

¹² Петров В. «Проецирование стабильности» в политике НАТО // Зарубежное военное обозрение. 2017. № 10.

¹³ Сводный глоссарий Совета Россия – НАТО по сотрудничеству. М.; Брюссель, 2011. С. 269–270.

ские рамки привлечения партнёров к участию в операциях, проводимых под руководством НАТО» [14].

Одновременно Запад противодействует принятию Генеральной Ассамблеи ООН Декларации об основных принципах и критериях международной миротворческой деятельности, которая могла бы регламентировать международные нормы применения континентов

национальных вооружённых сил во время миротворческих операций. Это обусловлено игнорированием мнений других государств по вопросу размещения на их территории миротворческих группировок НАТО, физическая безопасность которых достигается в том числе и при налаживании альянсом сотрудничества с населением кризисного региона.

Военно-гражданское сотрудничество альянса

Доктринальные подходы такой деятельности изложены в Концепции военно-гражданского взаимодействия НАТО (*NATO Civil-Military Cooperation*), под которой понимаются установленные альянсом взаимоотношения с гражданскими структурами в ходе решения континентами НАТО различных задач [13, с. 66]. Это сотрудничество рассматривается в качестве мощного средства повышения эффективности военных, специальных, информационных и других операций.

Содержание данного документа практически полностью повторяет подходы, сформулированные Пентагоном в 2011 г. в Полевом уставе FM 3-57 (*Civil Affairs Operations*) и в 2013 г. в Наставлении комитета начальников штабов по военно-гражданским операциям (*Civil-Military Operations*) [15].

Указанная концепция НАТО:

– детализирует систему управления военно-гражданскими операциями блока;

– организационно-штатную структуру подразделений военно-гражданского взаимодействия;

– порядок их взаимодействия с аналогичными формированиями вооружённых сил других стран, не входящими в альянс;

– определяет ответственность командующего континентом за проведение подобных операций.

Есть основания полагать, что возможности военно-гражданского взаимодействия были апробированы во время миротворческих и гуманитарных операций Североатлантического альянса на Балканах в 1995–2004 гг., когда оказывалось мощное воздействие на население региона в интересах обеспечения его лояльности к натовским войскам, снижения боевого духа сербов и сокращения числа их сторонников

¹⁴ Пушкин С. Состояние и перспективы развития партнёрской политики Североатлантического союза // Зарубежное военное обозрение. 2016. № 7.

¹⁵ FM 3-57 (FM 3-05.40). Civil Affairs Operations. Washington: Department of the Army, 2011 // URL: <https://fas.org/irp/doddir/army/fm3-57.pdf>; Field Manual FM 3-57 (FM 3-05.40). Civil Affairs Operations including Change 1 28 January 2014 // URL: <https://www.createospace.com/4663158>

среди других балканских национальностей [16].

К подобной практике следует отнести и не афишируемую «бартерную гуманитарную помощь» НАТО в Ираке и Афганистане, т. е. использование такой дотации в качестве средства достижения военно-политических целей и предполагающую оказание помощи затронутому конфликтом населению в обмен на его сотрудничество и предоставление требуемой информации [17]. По оценке экспертов альянса, такая «гуманитарная

практика» существенно снижает масштабы противодействия населением иностранным войскам и позволяет замещать методы классического военного урегулирования смешанными военно-гражданскими операциями, что значительно расширяет возможности урегулирования без увеличения финансовых расходов. Именно поэтому военно-гражданское взаимодействие сегодня признано на Западе в качестве одной из приоритетных задач трансатлантического миротворчества [18].

Предмет натовского миротворчества

Геостратегической целью является консервация кризисной ситуации, предполагающая трансформацию внутренних конфликтов в управляемые Западом военные операции для доминирования в кризисных регионах, а не реальное разрешение конфликтов, поддержка мирного урегулирования и постконфликтного миростроительства. Такая ситуация наблюдается в Косово, Македонии, Афганистане, Ливии, Ираке и других странах «постнатовского миротворчества».

Особенно показательна в этом плане обстановка «замороженного конфликта», созданная НАТО на территории сербского автономного

края Косово, где с июня 1999 г. размещается миротворческая группировка НАТО КФОР (*Kosovo Force*), ядром численного и боевого состава которой является американский военный контингент.

Мало кто знает, что в интересах обеспечения долговременного геополитического и военного доминирования США на Балканах в районе г. Урошевац (Гниланский регион края) в 2000 г. сооружён американский базовый лагерь Бондстил (*Bondsteel*), который является вторым по величине (после базы ВВС США Рамштайн в ФРГ) американским стационарным военным объектом в Европе.

¹⁶ Phillips W. R. Civil-Military Cooperation: Vital to Peace Implementation in Bosnia // NATO Review. 1998. Vol. 46. № 1. P. 22–25.

¹⁷ Рана Р. Современные проблемы отношений между гражданскими организациями и военными: взаимодополняемость или несовместимость? // Международный журнал Красного Креста. 2004. Март–сентябрь. С. 138–146, 152–153.

¹⁸ Мгимов Ю, Николаев Н. Практика взаимодействия ВС США с гражданской администрацией и населением в стране пребывания // Зарубежное военное обозрение. 2015. № 2; Олевский В. Концепция военно-гражданского взаимодействия НАТО // Зарубежное военное обозрение. 2015. № 7–8.

Однако присутствие мощной группировки НАТО численностью в то время свыше 20 тыс. чел. не помешало албанским экстремистам осуществить 17–19 марта 2004 г. (через полгода после вывода российских миротворцев из Косово и Боснии) этнические чистки сербского населения края.

В те дни военнослужащие КФОР (в первую очередь контингенты вооружённых сил США, Великобритании и ФРГ) фактически самоустраанились от силовой поддержки полицейских подразделений МООНК*, сосредоточив свои усилия на обеспечении собственной безопасности в своих базовых лагерях. Такое «западное миротворчество» привело к массовым погромам и насилиям в отношении косовских сербов.

Были убиты и ранены свыше тысячи человек; «защищены» от сербского и других национальных меньшинств 16 населённых пунктов, включая столицу края Приштину; сожжено более тысячи домов и квартир, разрушено (в том числе подрывом) 35 православных монастырей и храмов, среди них – 18 памятников историко-культурного наследия раннесредневековой Сербии.

Как следствие, численность сербского населения в Косово сократилась практически вдвое за счёт беженцев в Сербию и другие страны.

Сегодня достаточно мощное военное присутствие НАТО в крае (около 5 тыс. чел.) гарантирует безопасное размещение в Приштине многочисленных представителей дипломатического корпуса, деловых и финансовых кругов Запада, а также успешное продвижение в автономии и в целом на Балканах национальных интересов США и других ведущих европейских стран. В круг их интересов входит: контроль краевой ситуации и деятельности правительства (включая МВД и сформированных по стандартам НАТО вооружённых сил Косово), продвижение европейцев на ключевые посты в местных компаниях, получение дивидендов при добыче природных ресурсов, активное противодействие экономическому, политическому, военно-техническому и другому влиянию России в регионе.

Другим примером так называемого успешного миротворчества Запада на Балканах может служить международно-правовое положение такого государства, как Босния и Герцеговина, уже получившего статус члена ООН и ОБСЕ, но декоративное квазиединство которого до сих пор требует силового присутствия НАТО.

Фундаментальная черта кризисного урегулирования НАТО

Рассмотрение методов и средств кризисного урегулирования альянса позволяет вычленить стержневую особенность его совре-

менного миротворчества, связанного с причастностью НАТО к тем конфликтам и гражданским войнам, в которых так или иначе затрагива-

* МООНК – Миссия ООН по делам временной администрации в Косово (United Nations Interim Administration Mission in Kosovo – UNMIK).

ются национальные интересы России, особенно на постсоветском пространстве.

К примеру, Запад категорически не приемлет миротворчество России в Приднестровье, где её миротворцы уже третье десятилетие оказывают стабилизирующее влияние на обстановку. Однако отказ от этой миротворческой операции подорвёт политическое влияние России в регионе и негативным образом скажется на обеспечении её национальной безопасности, даст Западу шансы «урегулировать» конфликт по трансатлантическим лекалам. Последние предполагают интернационализацию «замороженного» конфликта, его агрессивное военное разрешение в соответствии с западными стандартами политической организации социума на основе «транснационального консенсуса без мандата СБ ООН», долгосрочное размещение в «объединённой Молдове» военных евро-атлантических структур (по примеру Боснии и Герцеговины, Косово, Македонии, Ирака, Афганистана),

Вывод российских миротворцев из Приднестровья стал бы, безусловно, прямой угрозой национальной безопасности России и дальнейшей экспансией Запада на Восток [19].

Стоит напомнить, что с точки зрения норм международного права западные акторы неоднократно реализовывали неправомерные (до получения мандата СБ ООН) воен-

ные действия – военную агрессию – НАТО против Союзной Республики Югославия (1999 г.) и военную кампанию США и их коалиционных союзников в Ираке (2003 г.). Более того, пролоббированная Вашингтоном резолюция Совета Безопасности ООН № 1973 на начало военной операции в Ливии (2011 г.) якобы с целью защиты мирного населения от войск М. Каддафи обеспечила военную поддержку контингентом НАТО под эгидой ООН именно ливийской оппозиции, устранение легитимного национального лидера и насильственную смену в стране законной власти.

Поэтому, с учётом складывающейся обстановки в мире, перераспределения миротворческих ролей между ООН и НАТО, принципиальных расхождений по реализации отечественной и западной моделей миротворчества, нацеленности нашей страны на укрепление собственной национальной безопасности [20], миротворческое сотрудничество между Россией и НАТО даже под единым международным мандатом является чисто гипотетическим проектом.

Немаловажную роль здесь играет и резко негативное отношение большинства российского населения к политике сотрудничества с альянсом, руководство которого отводит нашей стране роль «агрессора» при любых её попытках отстаивать свои легитимные интересы.

¹⁹ Шамаров П. В., Лавренов С. Я. Российское миротворчество в Приднестровье: практическая имплементация по обеспечению национальной безопасности России // *Обозреватель-Observer*. 2017. № 10.

²⁰ Шамаров П. В. Политические основы современного миротворчества России // *Представительная власть – XXI век*. 2019. № 3; *Он же*. Миротворческая модель России на постсоветском пространстве // *Вопросы политологии*. 2019. № 8.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

1. В международной иерархии миротворчество НАТО занимает особое место, обусловленное целым рядом правовых, политических, военных, экономических и других факторов, связанных с реализацией альянсом собственной модели миротворчества под формально-условным патронажем ООН.

2. Участие стран трансатлантического сообщества в миротворчестве обусловлено прагматическим продвижением в кризисных регионах своих национальных интересов и стремлением сохранить геополитическое доминирование в мире. В этих целях миротворческая практика альянса допускает «право на легитимное вмешательство в конфликты» без санкций СБ ООН и других правомочных организаций, руководствуясь при этом принципом «необязательности согласия» национальных правительств или противоборствующих сторон на проведение МТО под предлогом «защиты универсальных ценностей и прав человека».

3. Активное участие альянса с начала 90-х годов в международных миротворческих операциях Организации Объединённых Наций способствовало перехватыванию миротворческой инициативы у ОБСЕ и ООН, снижению их роли и значения в мире. При этом НАТО обладает способностью эффективно применять специализированный механизм гибкого кризисного урегулирования, позволяющий блоку позиционировать себя на мировой сцене в качестве эффективного глобального инструментария для разрешения кризисных проблем в мире.

4. Формальное соблюдение «миротворческого» паритета между НАТО и ООН сохраняет свою актуальность и сегодня, поскольку позволяет трансатлантическому сообществу легально достигать своих геополитических целей, используя для этого потенциал, ресурсы и международно-правовые возможности ООН.

5. Дальнейшее расширение геополитического влияния Запада в мире зависит в том числе и от эффективности привлечения новых внеблоковых и нейтральных стран к участию в миротворчестве Североатлантического союза.

6. Практическое миротворчество НАТО – это скорее закамуфлированная трансатлантическая угроза для современной цивилизации, чем гуманитарная деятельность и всеобщее благо для всего остального человечества.

Библиография • References

Карпович О. Г. Миротворческая деятельность США и англосаксонские технологии управления международными конфликтами // Национальная безопасность. 2012. № 1. С. 64–74.

[*Karpovich O. G.* Mirotvorcheskaya deyatel'nost' SSHA i anglosaksonskie tekhnologii upravleniya mezhdunarodnymi konfliktami // Nacional'naya bezopasnost'. 2012. № 1. S. 64–74]

Краснов С., Клименко С. Организация деятельности НАТО в сфере кризисного урегулирования // Зарубежное военное обозрение. 2015. № 12. С. 11–17.

- [Krasnov S., Klimentko S. Organizatsiya deyatelnosti NATO v sfere krizisnogo uregulirovaniya // Zarubezhnoe voennoe obozrenie. 2015. № 12. S. 11–17]
- Материалы саммита НАТО в Вашингтоне 23–25 апреля 1999 г. Статья 31 раздела «Предотвращение конфликтов и урегулирование кризисов» части III «Подход к безопасности в XXI веке». Brussels : NATO Office of inform. a. press.
- [Materialy sammita NATO v Vashingtone 23–25 aprelya 1999 g. Stat'ya 31 razдела «Predotvrashchenie konfliktov i uregulirovanie krizisov» chasti III «Podhod k bezopasnosti v XXI veke». Brussels : NATO Office of inform. a. gress]
- Мгимов Ю., Николаев Н. Практика взаимодействия ВС США с гражданской администрацией и населением в стране пребывания // Зарубежное военное обозрение. 2015. № 2. С. 25–28.
- [Mgimov YU., Nikolaev N. Praktika vzaimodejstviya VS SSHA s grazhdanskoj administratsiej i naseleniem v strane prebyvaniya // Zarubezhnoe voennoe obozrenie. 2015. № 2. S. 25–28]
- Олевский В. Концепция военно-гражданского взаимодействия НАТО // Зарубежное военное обозрение. 2015. № 8. С. 29–34.
- [Olevskij V. Konceptsiya voenno-grazhdanskogo vzaimodejstviya NATO // Zarubezhnoe voennoe obozrenie. 2015. № 8. S. 29–34]
- Петров В. «Проецирование стабильности» в политике НАТО // Зарубежное военное обозрение. 2017. № 10. С. 3–8.
- [Petrov V. «Proecirovanie stabil'nosti» v politike NATO // Zarubezhnoe voennoe obozrenie. 2017. № 10. S. 3–8]
- Пушкин С. Состояние и перспективы развития партнёрской политики Североатлантического союза // Зарубежное военное обозрение. 2016. № 7. С. 3–13.
- [Pushkin S. Sostoyanie i perspektivy razvitiya partnyorskoj politiki Severoatlanticheskogo soyuza // Zarubezhnoe voennoe obozrenie. 2016. № 7. S. 3–13]
- Пушкин С. Текущее состояние и перспективы развития НАТО // Зарубежное военное обозрение. 2015. № 4. С. 7–16.
- [Pushkin S. Tekushchee sostoyanie i perspektivy razvitiya NATO // Zarubezhnoe voennoe obozrenie. 2015. № 4. S. 7–16]
- Рана Р. Современные проблемы отношений между гражданскими организациями и военными: взаимодополняемость или несовместимость? // Международный журнал Красного Креста. 2004. Март–сентябрь. С. 135–168.
- [Rana R. Sovremennye problemy otnoshenij mezhdru grazhdanskimi organizatsiyami i voennyimi: vzaimodopolnyaemost' ili nesovmestimost'? // Mezhdunarodnyj zhurnal Krasnogo Kresta. 2004. Mart–sentyabr'. S. 135–168]
- Сазонова К. Л. Правовые аспекты применения военной силы в миротворчестве Организации Объединённых Наций. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. – 22 с.
- [Sazonova K. L. Pravovye aspekty primeneniya voennoj sily v mirotvorchestve Organizatsii Ob'edinyonnyh Nacij. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2011. – 22 s.]
- Сводный глоссарий Совета Россия – НАТО по сотрудничеству. М.; Брюссель, 2011. – 368 с.
- [Svodnyj glossarij Soveta Rossiya – NATO po sotrudnichestvu. M.; Bryussel', 2011. – 368 s.]
- Шамаров П. В. Политические основы современного миротворчества России // Представительная власть – XXI век. 2019. № 3. С. 36–41.
- [SHamarov P. V. Politicheskie osnovy sovremennogo mirotvorchestva Rossii // Predstavitel'naya vlast' – XXI vek. 2019. № 3. S. 36–41]

- Шамаров П. В.* Миротворческая модель России на постсоветском пространстве // Вопросы политологии. 2019. № 8. С. 1807–1813.
[*SHamarov P. V.* Mirotvorcheskaya model' Rossii na postsovetskom prostranstve // Voprosy politologii. 2019. № 8. S. 1807–1813]
- Шамаров П. В., Лавренов С. Я.* Российское миротворчество в Приднестровье: практическая имплементация по обеспечению национальной безопасности России // Обозреватель–Observer. 2017. № 10. С. 58–71.
[*SHamarov P. V., Lavrenov S. YA.* Rossijskoe mirotvorchestvo v Pridnestrov'e: prakticheskaya implementaciya po obespecheniyu nacional'noj bezopasnosti Rossii // Obozrevatel'–Observer. 2017. № 10. S. 58–71]
- Штоль В. В.* НАТО в миротворческом процессе // Обозреватель–Observer. 2008. № 2. С. 63–73.
[*SHtol' V. V.* NATO v mirotvorcheskom processe // Obozrevatel'–Observer. 2008. № 2. S. 63–73]
- Штоль В. В.* НАТО: от регионального блока к глобальному доминированию // Обозреватель–Observer. 2015. № 10. С. 5–23.
[*SHtol' V. V.* NATO: ot regional'nogo bloka k global'nomu dominirovaniyu // Obozrevatel'–Observer. 2015. № 10. S. 5–23]
- Штоль В. В.* НАТО: от регионального блока к глобальному доминированию // Обозреватель–Observer. 2015. № 11. С. 21–35.
[*SHtol' V. V.* NATO: ot regional'nogo bloka k global'nomu dominirovaniyu // Obozrevatel'–Observer. 2015. № 11. S. 21–35]
- Штоль В. В.* О новой стратегической концепции НАТО // Обозреватель–Observer. 2010. № 8. С. 47–56.
[*SHtol' V. V.* O novej strategicheskoy koncepcii NATO // Obozrevatel'–Observer. 2010. № 8. S. 47–56]
- Operations and missions: past and present // URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_68580.htm
- Phillips W. R.* Civil-Military Cooperation: Vital to Peace Implementation in Bosnia // NATO Review. 1998. Vol. 46. № 1. P. 22–25.
- Joint Declaration on UN/NATO Secretariat Cooperation // URL: [streitcouncil.org/.../UN-NATO%20Joint%20Declaration.pdf](http://www.streitcouncil.org/.../UN-NATO%20Joint%20Declaration.pdf)
- FM 3-57 (FM 3-05.40). Civil Affairs Operations. Washington: Department of the Army, 2011 // URL: <https://fas.org/irp/doddir/army/fm3-57.pdf>
- Field Manual FM 3-57 (FM 3-05.40). Civil Affairs Operations including Change 1 28 January 2014 // URL: <https://www.createospace.com/4663158>
- http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_68580.htm

Статья поступила в редакцию 3 ноября 2019 г.

Фактор ядерной программы Ирана в американо-иранских отношениях

Александр САФОНОВ

Ядерная программа Ирана как политическая проблема при администрации Дж. Буша-мл.

С начала работы администрации Дж. Буша-мл. её политика в отношении Ирана представляла собой сущностное продолжение политики сдерживания, проводимой предшественниками-демократами. Террористические акты 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне изменили политику сдерживания Белого дома на политику агрессивного наступательного унилатерализма.

Президент Дж. Буш-мл. и влиятельные члены его администрации из числа неоконсерваторов были решительно настроены на свержение теократического режима Исламской Республики Иран (ИРИ). Перспектива применения военной силы против неё в тот период не виделась не-

реалистичной. Однако к моменту вступления в должность Дж. Буша-мл. на второй президентский срок решимость Белого дома реализовать силовой сценарий постепенно ослабевала, так как вторжение в Иран было бы немыслимо в условиях активной вовлечённости США в Ираке и Афганистане. В это время уже стало очевидно, что американцы увязли в этих странах.

Таким образом, в Вашингтоне, осознавая невозможность качественного изменения или тем более свержения в ближайшей перспективе режима «муллократии», с 2005 г. полностью сосредоточились на раздувании иранской ядерной проблемы как наиболее оптимального спо-

САФОНОВ Александр Степанович – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России. *E-mail*: sasdipacademy@gmail.com

Ключевые слова: США, Иран, ядерная программа, Совместный всеобъемлющий план действий, унилатерализм, «муллократия».

соба дальнейшей реализации концепции «демократизации» «Большого Ближнего Востока». Неспособность американцев в одиночку осилить этот грандиозный геополитический проект стала очевидной, поэтому на саммите «Восьмёрки», проходившем в 2004 г. в США, Вашингтон постарался придать доктрине «демократизации» региона широкий интернациональный характер и подключить к её реализации другие государства, и прежде всего своих западных союзников [1].

Применительно к Ирану решение этой задачи облегчал тот факт, что проблема иранского атома к этому времени стала привлекать более пристальное внимание международного сообщества, так как МАГАТЭ в тот период не могло подтвердить заявления официальных лиц в Тегеране об исключительно мирном характере обогащения урана. Используя это обстоятельство в качестве аргумента, американцы попытались консолидировать своих союзников для создания антииранской коалиции во главе с США, своеобразной «коалиции желающих», если провести аналогию с процессом подготовки к агрессии против Ирака в 2003 г.

Произраильский курс администрации Дж. Буша-мл., обусловленный широким представительством неоконсерваторов, и традиционные связи США с Израилем в целом сыграли определённую роль в занятой Вашингтоном позиции, поскольку

ядерные амбиции Тегерана, независимо от их декларируемого характера, раздражали Тель-Авив.

«Истинные намерения иранского режима ясно проявились в отказе режима от переговоров на добровольной основе; в его отказе прийти в согласие с его международными обязательствами по обеспечению допуска МАГАТЭ на ядерные объекты и решению беспокоящих вопросов; в агрессивных заявлениях иранского президента, призывающих “стереть Израиль с лица земли”» [2, р. 20], – отмечалось в Стратегии национальной безопасности США.

С марта 2006 г. наблюдается интенсификация политики США в отношении Ирана и усиление психологического давления из-за его ядерной программы. Впервые Ирану были определены строгие временные ограничения в один месяц, в рамках которого руководство этой страны должно было принять решение о характере и направленности своей внутренней и внешней политики.

«Ядерный вопрос и другие наши озабоченности могут быть окончательно решены в случае, если иранский режим примет стратегическое решение изменить свою политику, сделать свою политическую систему открытой и предоставит своему народу свободу. Это – окончательная цель Соединённых Штатов», – провозглашала Стратегия национальной безопасности США [2, р. 20].

¹ Гусейнов В. А. Стимулы демократизации Большого Ближнего Востока // Большой Ближний Восток: стимулы и предварительные итоги демократизации / под общ. ред. В. А. Гусейнова. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 9–10.

² The National Security Strategy of the United States of America. Washington DC. 2006. March 16 // URL: <http://nssarchive.us/NSSR/2006.pdf>

Американцы, таким образом, подтвердили, что все претензии США к Ирану носят в первую очередь политический характер, а ядерная программа страны – это предлог и повод для усиления давления на режим «муллократии».

«Решая проблему Ирана только как очередной случай государственной ядерной программы, – отмечал в своей статье политолог Дж. Сэкстон, – мы рискуем потерять из вида фундаментальную угрозу, которую представляет Тегеран: не технология, а режим, который контролирует технологию» [3].

При этом, осознавая устойчивость теократического режима аятолл перед внешним воздействием, Вашингтон одновременно активизировал и усилил действия по дестабилизации положения иранских властей изнутри. Президент Дж. Буш-мл. подтвердил, что поддержка Вашингтоном иранской оппозиции преследует цель качественной трансформации нынешнего режима этой страны.

«Поддерживая демократические перемены в Иране, мы приближаем тот день, когда народ Ирана сможет определить своё будущее и свободно выберет своих лидеров. Свобода на Ближнем Востоке требует свободы иранского народа, и Америка предвкушает тот день, когда наша нация и свободный и демократический Иран станут близкими друзьями», – заявлял глава Белого дома [4].

Из речи президента США следовало, что цель Белого дома – добиться

формирования в Иране проамериканского правительства, поддерживая процесс «либерализации» в этой стране. Иными словами, администрация Дж. Буша-мл. обозначила намерение придерживаться курса, характерного для периода президентства Б. Клинтона.

В июне 2006 г. американцы скорректировали тактику и в качестве уступки пообещали Ирану прямые официальные контакты. «Я уже говорил, что США придут и сядут за стол переговоров с ними (иранцами. – Авт.), если они готовы прекратить своё обогащение (урана. – Авт.) проверяемым образом... Выбор за ними», – заявил президент Буш [5]. Глава Белого дома в своём заявлении озвучил несколько намерений:

- добиться полного прекращения Ираном обогащения урана;
- обеспечить доступ к ядерным объектам этой страны.

С точки зрения политических рисков заявление главы Белого дома предполагало неравнозначные уступки. Американцам прямые переговоры с Ираном в случае полного прекращения им обогащения урана не только не наносили политического урона, но и могли быть преподнесены как дипломатическая победа администрации Дж. Буша-мл., а именно: якобы Соединённые Штаты заставили Исламскую Республику Иран изменить свою политику исключительно дипломатическими средствами. Что касается теократического ре-

³ Saxton J. Reshaping our Iran Policy // The National Interest. 2007. January 3 // URL: <http://nationalinterest.org/article/reshaping-our-iran-policy-1353>

⁴ George W. Bush. President Addresses American Legion, Discusses Global War on Terror // URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2006/02/20060224.html>

⁵ Цит. по: Российская газета. 2006. 7 июня.

жима ИРИ, то для неё согласие с условиями Вашингтона гарантированно означало удар по авторитету и потере значительной доли общественной поддержки.

В конце декабря 2006 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1737, налагающую санкции на Иран в связи с его ядерной программой. Важно отметить, что документ был принят единогласно. В этой связи можно отметить ужесточение позиций государств как свершившийся факт. Результат, которого США добивались, продемонстрировал относительную успешность курса администрации Буша. При этом в документе отмечено, что Совбез ООН приветствует «сохраняющуюся приверженность Германии, Китая, Российской Федерации, Соединённого Королевства, Соединённых Штатов и Франции, при поддержке Высокого представителя Европейского союза, поиску решения на основе переговоров» [6].

Но после принятия резолюции СБ ООН Тегеран заявил, что продолжит ядерные разработки. Позже Иран свернул сотрудничество с МАГАТЭ.

В ответ на демарш Тегерана президент Дж. Буш-мл. заявил, что не намерен вторгаться в Иран, но в очередной раз отметил, что исламская республика предпринимает попытки обрести ядерное оружие, и выразил надежду, что эту проблему удастся урегулировать дипломатическим путём.

«Мы верим, – заявил глава Белого дома, – что мы можем решить наши проблемы с Ираном дипломатическими средствами, мы работаем над этим. К слову, у нас имеется неплохой прогресс... Мы убедили другие нации присоединиться к нам и послать ясный сигнал, через ООН, что это (стремление Ирана обрести ядерное оружие. – Авт.) неприемлемое поведение» [7].

Становилось ясно, что за два прошедших года подготовить и осуществить претендующую на успех полномасштабную военную кампанию против Ирана технически невозможно. К тому же за политическое решение проблемы иранской ядерной программы выступали все члены «шестёрки» посредников, поэтому США намеревались добиться от международного сообщества согласия на ужесточение санкций против Ирана.

Об этом заявил руководитель пресс-службы государственного департамента США Ш. Маккормак. «Новая резолюция, – пояснил дипломат, – должна предусматривать пропорциональное увеличение давления на Иран» [8]. При этом было отмечено, что введённые СБ ООН ограниченные санкции уже «вызвали в Иране дискуссии в обществе относительно целесообразности продолжения нынешнего курса на игнорирование требований международного сообщества» [8].

Американцы, таким образом, признали эффективность механизма действий через международные

⁶ Резолюция 1737 (2006), принятая Советом Безопасности ООН на 5612-м заседании 23 декабря 2006 г. С. 2 // URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/1737\(2006\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1737(2006))

⁷ President Bush Congratulates General Petraeus on Senate Confirmation. Discusses Way Forward in Iraq. 2007. January 26 // URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2007/01/20070126.html>

⁸ Daily Press Briefing. Sean McCormack, Spokesman. 2007. January 31 // URL: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/prs/dpb/2007/jan/79594.htm>

организации, что обусловило продолжение работы в данном направлении. Отмеченные Ш. Маккормаком позитивные, с точки зрения США, тенденции во внутривосточной жизни Ирана (дискуссии в иранском обществе по поводу целесообразности политического курса руководства страны) стоило развивать, поскольку, как отмечалось выше, иранское общество воспринималось американскими стратегами как инструмент воздействия на клерикальный режим изнутри.

На протяжении 2007–2008 гг. ситуация вокруг Ирана и его ядерной

программы периодически обострялась. Однако в условиях проблемной вовлечённости в Ираке и внутривосточными трудностями администрации Дж. Буша-мл. руководство США не инициировало какие-либо силовые акции в отношении ИРИ, способные усугубить проблемы. В год президентских выборов очередная военная кампания свела бы шансы кандидата от Республиканской партии к нулю. Это являлось весомым сдерживающим фактором, хотя силовой аспект в риторике республиканцев присутствовал, по сравнению с демократами, в большей мере.

Совместный всеобъемлющий план действий – внешнеполитический успех для второй администрации Б. Обамы

Заключение 14 июля 2015 г. Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) по ядерной программе Ирана стало, безусловно, одним из главных (наравне с подписанием договора СНВ-3 в 2010 г.) внешнеполитических достижений для администрации Б. Обамы. Можно констатировать, что это явилось следствием серьёзной последовательной практической дипломатической работы Белого дома, поскольку иранская «муллократия» изначально не поддавалась той волне эйфории, которая возникла и активно распространялась, преимущественно на Западе, в связи с избранием Б. Обамы в 2008 г. президентом США. Власти ИРИ весьма прагматично и с большой долей скептицизма оценивали его ритори-

ку о готовности Вашингтона изменить политику в отношении Тегерана в том случае, если теократический режим пойдёт на реальные уступки, в первую очередь по своей ядерной программе.

Подобный дисбаланс не мог устраивать иранскую сторону.

Аятолла Али Хаменеи прямо и недвусмысленно высказался в одном из своих выступлений по этому поводу: «Вы сняли жёсткие санкции? Вы прекратили безусловную поддержку сионистского режима? Вы отказались от обвинений великой иранской нации и её властей? Скажите, что вы изменили?» [9]. При всём риторическом характере поставленных вопросов они в полной мере отчётливо выражали и характеризовали позицию рахбара.

⁹ Цит. по: Коммерсант. 2009. 23 марта. № 50 // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1142723?query=>

Переизбрание Махмуда Ахмадинежада президентом ИРИ на второй срок (июнь 2009 г.) означало, по сути, возникновение повода для заморозки сложившегося характера американо-иранских взаимоотношений на ближайшие четыре года, что впоследствии и подтвердилось. М. Ахмадинежад принадлежал к консервативному лагерю иранского политического спектра, а антиамериканизм и твёрдое отстаивание права ИРИ на мирную деятельность в ядерной сфере являлось краеугольным камнем его политической программы. На гибкость Тегерана без взаимного реального деятельного движения навстречу со стороны американцев по пути практических уступок, подразумевающих изменение внешнеполитического подхода, Белому дому не приходилось рассчитывать. «Мы приветствуем изменения, но только если они будут фундаментальными и в правильном направлении», – заявил по этому поводу в одном из своих выступлений М. Ахмадинежад после инаугурации Б. Обамы [10].

Таким образом, появление на свет СВПД, документально закрепляющего обязательства подписавших его сторон, с точки зрения эволюции американо-иранских отношений можно расценивать как первый юридически оформленный в полном соответствии с нормами международного права практический результат взаимных уступок, на которые одновременно пошли США и ИРИ. При этом важно отметить активное по-

средничество и участие России, Китая, Великобритании, Франции и Германии. Европейские участники также представляли позицию Европейского союза. Неслучайно, что документ был подписан в то время, когда на президентском посту в Иране находился победивший на выборах 2013 г. Хасан Рухани, формально относящийся к либерально-реформистскому лагерю иранского политического пространства.

Для Б. Обамы результаты президентских выборов в ИРИ предоставили удобную возможность активизировать усилия США для достижения конкретных договорённостей по решению одной из наиболее актуальных и острых международных проблем, а в контексте двусторонних отношений – осуществить их своеобразную «перезагрузку». Нельзя исключать, что в своём подходе Б. Обама опирался на опыт второй администрации Б. Клинтона, которая в 1997 г. тоже усмотрела для себя перспективу и попыталась скорректировать двусторонние отношения с учётом избрания президентом ИРИ реформатора Мохаммада Хатами. В пользу данного тезиса свидетельствует присутствие в администрации Б. Обамы в качестве сотрудников или консультантов фигур, в 90-е годы работавших с Б. Клинтонем.

Также стоит учитывать специфику стиля руководства главы Белого дома. Как писал З. Бжезинский, «Обама – главный источник стратегического руководства» [11]. Он

¹⁰ Цит. по: Независимая газета. 2009. 29 января // URL: http://www.ng.ru/world/2009-01-29/7_iran-usa.html

¹¹ Бжезинский З. Похвала внешней политике Обамы // Россия в глобальной политике. 2010. № 1. Январь–февраль // URL: https://globalaffairs.ru/number/n_14571

определял стратегический курс и через Совет по национальной безопасности контролировал следование ему. Переизбранному на второй президентский срок Б. Обаме необходимо был заметный и весомый результат внешнеполитических усилий на определённом треке, который мог бы стать дополнением к несомненному успеху его первого срока – подписанию договора СНВ-3 с Российской Федерацией. Совокупность этих достижений могла бы представить собой то наследие, которое позволило бы Б. Обаме удовлетворить свои честолюбивые амбиции и занять видное место в истории института президентства Соединённых Штатов после ухода из Белого дома в начале 2017 г. Влияние личностного фактора на внешнюю политику в данном случае нельзя исключать.

Таким образом, представляется, что Б. Обама после президентских выборов 2013 г. в Иране, оценив их результаты, проявил политическую волю и дал распоряжение ответственным лицам из своей администрации обеспечить курс на достижение соглашения с Тегераном по его ядерной программе, в том числе с учётом возможных и допустимых для США уступок, главным образом в такой наиболее чувствительной для ИРИ теме, как ограничения в финансово-экономической сфере (санкции).

По всей видимости, определяющим фактором в переговорах стала специфика подхода американской стороны к содержанию документа. В отличие от предшествующей администрации Дж. Буша-мл., рассматривавшей ядерную программу Ирана в качестве своеобразного

триггера для организации комплексного политико-психологического давления на Тегеран в широком контексте проводимой американцами политики сдерживания исламской республики, администрация Б. Обамы выделила ядерную проблематику в качестве единственного наиболее существенного вопроса для решения и ограничилась этим.

Таким образом, политика США в данный период сблизилась с подходом, характерным для большей части мирового сообщества, и в первую очередь для европейцев и Российской Федерации. Б. Обама, следуя своему обозначенному курсу, подтверждал своё предвыборное реноме «антибуша» и программные установки, ориентировавшие внешнюю политику США на отход от унилатерализма предыдущей администрации в направлении многосторонности в решении международных проблем. Такая базовая переговорная позиция Вашингтона в целом устроила иранскую сторону и после нескольких раундов трудных консультаций и переговоров, когда устранялись шероховатости и оттачивались формулировки, взаимоприемлемый документ 14 июля 2015 г. был подписан.

СВПД стал результатом компромисса и существенных уступок с обеих сторон. Не последнюю роль в этом сыграли европейцы и Российская Федерация, тоже предоставившие соответствующие гарантии по выполнению условий соглашения. Представляется, что гарантии со стороны ЕС рассматривались Ираном в качестве если не страховки на случай демарша США, то как минимум весомого фактора, способного

обеспечить стабильность действия соглашения и нивелировать негативные последствия возможного пересмотра американцами своего участия в соглашении.

Итак, администрация Б. Обамы отступила от комплексного подхода к сдерживанию внешнеполитических амбиций Ирана, ограничившись исключительно наиболее существенной и острой для Вашингтона ядерной проблематикой. Иранское руководство в свою очередь пошло на уступки в важнейшем для политической элиты страны вопросе реализации своей ядерной программы, согласившись на более строгий международный контроль.

Однако в контексте американо-иранских отношений СВПД имело обратную сторону. Отмеченные выше уступки и компромиссы при наличии в обеих странах оппозиционных, консервативных сил могли быть использованы во внутриполитической борьбе и трактоваться в таких понятиях, как «поражение», «сдача позиций», «отступление» и т. п. СВПД, таким образом, изначально стал фактором внутривосточной борьбы в ИРИ и США, что привносило в него с самого момента подписания заметный элемент нестабильности. Президентская кампания 2016 г. в Америке и итоги выборов в конечном счёте должны были продемонстрировать степень прочности СВПД.

Администрация Д. Трампа и Иран: ужесточение подхода к решению ядерной проблемы и курс на подрыв СВПД

Во время предвыборной кампании кандидат от Республиканской партии Д. Трамп неоднократно заявлял, что СВПД – это не то соглашение, которое стоило бы подписывать Америке, обозначив намерение в случае избрания внести в соглашение необходимые, с его точки зрения, изменения. Таким образом, внутривосточные соображения предвыборной борьбы создали угрозу для дальнейшего существования СВПД. Однако в 2016 г. подобные заявления можно было списать на особенности предвыборной риторики, и многое зависело от того, будет ли Д. Трамп избран президентом и какими будут его практические шаги.

Особенность содержания СВПД с точки зрения внутривосточной

борьбы США, результаты которой неизбежно в той или иной степени могли отразиться на внешнеполитическом курсе Вашингтона в отношении Тегерана, – в двойственности возможной трактовки. То, что администрация Б. Обамы могла оценивать как победу, кабинет Д. Трампа воспринимал как повод для критики предшественников и инициирования на этой основе процесса пересмотра достигнутых договорённостей в контексте выполнения положений предвыборной программы.

Главный предмет критики – ограничение проблематики, решаемой СВПД, исключительно вопросом иранской ядерной программы, а именно исследовательской деятельностью в данной области, направленной на освоение мирной ядерной

технологии. Все остальные темы: ракетная программа, политика ИРИ в Ближневосточном регионе, трактуемая Вашингтоном как «поддержка терроризма», и другая деятельность Белого дома, «национальным интересам США», выносились за рамки документа и им не учитывались. Но даже та договорённость по ядерной программе, которая была закреплена в соглашении, не устраивала администрацию Д. Трампа.

«СВПД потерпел неудачу в достижении своей цели – неядерного статуса Ирана. Это лишь откладывает их цель стать ядерным государством. Эта сделка представляет собой провальный подход прошлого», – заявлял в этой связи государственный секретарь США Р. Тиллерсон. Он также отметил, что в этом плане Иран стоит в одном ряду с КНДР [12].

Фактически подобная риторика означала отсылку к периоду работы администрации Дж. Буша-мл. и активной реализации агрессивной концепции «оси зла», предполагавшей целенаправленную борьбу США против группы так называемых «стран-изгоев» (Ирак, Иран, Северная Корея).

Ядерный аспект вызывал беспокойство у Р. Тиллерсона в связи с тем, что к 2017 г. КНДР довела развитие своих ядерных технологий до такого уровня, который обеспечивал этой стране определённую степень безопасности от внешней агрессии. Ко всему прочему, в случае инициирования каких-либо дипломатиче-

ских действий Пхеньян обеспечивал себе довольно прочные переговорные позиции с оппонентами. Ставя Иран в один ряд с Северной Кореей, американцы, очевидно, опасались перспективы возникновения подобной ситуации с этой страной. А это для Соединённых Штатов оказалось бы более болезненным ударом, учитывая, что с 1979 г. исламская республика и возглавляющая её «муллократия» рассматривались как враг, своей антиамериканской риторикой и внешней политикой бросивший вызов Вашингтону.

Поэтому почти сразу было объявлено, что политика США в отношении Ирана при Д. Трампе будет проходить полномасштабную ревизию. Специфика подхода его администрации в начальный период её работы состояла в том, что, признавая полное выполнение Ираном своей части сделки, одновременно заявлялось о нарушении «духа» СВПД.

«Иран идёт вразрез с духом соглашения (СВПД). Они (иранские власти) должны следовать ему», – подчеркнул Д. Трамп в своём выступлении [13]. Иными словами, Белый дом давал понять, что ограничения в ядерной сфере, отражённые в соглашении, должны были негласно предполагать ограничения в других видах внутри- и внешнеполитической деятельности ИРИ, вызывавших наибольшую озабоченность Вашингтона. Очевидно, что данная трактовка изначально не выдерживает критики и в принципе нежизнеспособна. Цель подобных заявлений – идеологически-политическая

¹² Цит. по: Независимая газета. 2017. 20 апреля // URL: <http://www.ng.ru/news/579234.html>

¹³ tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4199592

подготовка к очередному витку противостояния с Ираном и ужесточению давления на него.

Для европейцев отношение к Ирану несколько отличное.

Евросоюз изначально воспринимал деятельность ИРИ в ядерной сфере как отдельную проблему, причём проблему в контексте международной безопасности, а не как производную от специфики истории и характера исключительно двусторонних отношений. Поэтому позиция ЕС, как одного из подписантов СВПД, была более твёрдой и стабильной. В конце 2016 г. ЕС предостерег Д. Трампа от введения новых санкций в отношении Тегерана, поскольку это могло бы разрушить соглашение. Очевидно, что европейцы руководствовались прагматичным подходом в духе «реальной политики», максимально минимизируя идеологическую составляющую.

Таким образом, проблема ядерной программы ИРИ в американо-иранских отношениях в XXI в. при сохранении в целом неизменной стратегической линии со стороны США в отношении оценки характера и способов решения данной проблемы как тактический инструмент при формировании и реализации внешнеполитического курса Вашингтона в отношении Тегерана претерпевала определённые изменения.

Для президента Дж. Буша-мл. проблема ядерной программы ИРИ выходит на первый план в период работы его второй администрации. Иран вместе с Ираком был помещён в так называемую «ось зла» и по логике должен был стать следующим объектом агрессии со стороны США в Ближневосточном регионе. Однако возможности для поддержания динамики и продолжения процесса «демократизации» «Большого Ближнего Востока» посредством военной силы резко сократились. Белый дом для борьбы с Ираном нуждался в предлоге, на основе которого можно было бы консолидировать своих ближайших союзников и организовать мощное политико-психологическое давление на режим «муллократии» как в одностороннем порядке, так и через площадки международных организаций, с целью его свержения либо как минимум сущностного изменения характера его внешней политики. От Ирана требовалось «изменение поведения», как обычно говорят в Вашингтоне, по отношению к тем государствам, внешняя политика которых идёт вразрез

Таким образом, реализация Д. Трампом своей предвыборной программы и последовательное движение курсом на подрыв СВПД (в частности, выход из соглашения в мае 2018 г. с последующим восстановлением ранее отменённых односторонних санкций) выставляет США, учитывая отличную позицию остальных участников соглашения, единственной деструктивной силой. С учётом того, что СВПД был подкреплён соответствующей резолюцией Совета Безопасности ООН, действия США идут вразрез с позицией мирового сообщества и сомнительны с точки зрения легитимности. В отличие от ситуации начала XXI в. Вашингтону будет крайне затруднительно (если не невозможно) обратить ситуацию в свою пользу, консолидировав вокруг себя ведущих международных акторов и сформировать очередную «коалицию желающих» для организации политико-психологического давления на Иран.

с видением, целями и задачами Вашингтона либо препятствует реализации их политики в стратегически важных регионах мира. При этом жёсткая риторика о возможности применения военной силы против Ирана сохранялась. Важно подчеркнуть, что в тех конкретно-исторических условиях к подобной риторике необходимо было относиться максимально серьёзно, так как потенциал США позволял, в крайнем случае, реализовать силовой сценарий. Так или иначе, но, переориентировавшись на дипломатические методы борьбы с иранским теократическим режимом, сама политика продолжала сохранять унилатералистский, агрессивный, наступательный характер.

Администрация Б. Обамы, во время предвыборной кампании позиционировавшего себя как «антибуша» и намеренного отойти от наиболее одиозных принципов внешней политики предшественника в пользу многостороннего подхода к решению мировых проблем, провозгласившего намерение восстановить подорванные отношения с мусульманским миром, по отношению к Ирану действовала более сдержанно.

Сохраняя все претензии Вашингтона к Тегерану, которые использовались в качестве основания для давления, Белый дом при Б. Обаме тем не менее не предпринимал усилий по организации очередного витка такого давления. Позиция Вашингтона в этот период была скорее выжидательной. Относительная синхронность президентских выборов в обеих странах оставляла возможность американскому президенту для наблюдения за складывающейся ситуацией, её оценки и принятия решения о дальнейших действиях. Расчёт на то, что в результате президентских выборов в Иране в июне 2009 г. М. Ахмадинежад не будет переизбран, не оправдались. Представляется, что после этого президент Б. Обама принял решение отложить вопрос о иранской ядерной проблеме на свой второй президентский срок, на которой, учитывая его амбиции, безусловно рассчитывал.

Результаты выборов в Иране в июне 2013 г. и избрание реформатора Х. Рухани создали условия для активизации переговоров. В итоге обе стороны пошли на уступки, главным результатом которых стало их юридическое документальное закрепление.

США согласились ограничить свои претензии к Ирану исключительно проблемой ядерной программы этой страны и сосредоточились на её решении.

Обязательство со стороны США снять экономические санкции с ИРИ стали стимулом для Тегерана, в свою очередь, пойти на уступки в области ограничения и ужесточения международного контроля над своей ядерной программой, чтобы не оставалось сомнений в её мирном характере.

Безусловно, СВПД стал одним из заметных внешнеполитических успехов для администрации Б. Обамы в период второго срока её работы.

Однако возможность различной трактовки содержания документа создавала условия для использования этой темы во внутривнутриполитической борьбе. В первую очередь в США.

Кандидат в президенты от Республиканской партии Д. Трамп сразу же заявил о том, что это «ужасная» сделка, требующая пересмотра. Последую-

щий курс Белого дома после победы республиканцев на выборах был направлен сначала на пересмотр, а при его невозможности на выход из сделки, что и произошло в мае 2018 г.

В настоящее время политика администрации Трампа в отношении Ирана и его ядерной программы по своей форме напоминает неоконсервативную политику Дж. Буша-мл.

Однако исторические условия отличаются, поскольку США единственные вышли из сделки, все усилия, направленные на организацию давления на Тегеран из-за его ядерной программы, сомнительны с точки зрения международного права и нелегитимны по своей сути. Политических ресурсов для организации международной коалиции тоже недостаточно. Особенно в условиях довольно сложной для президента Д. Трампа внутривнутриполитической ситуации.

Формально проблема ядерной программы Ирана была решена в 2015 г. Все дальнейшие действия, касающиеся этой проблемы со стороны Соединённых Штатов, рассматриваются международным сообществом как способ решения собственных геополитических проблем и отстаивания собственных интересов, которые идут вразрез с интересами других международных акторов.

Библиография • References

- Бжезинский З.* Похвала внешней политике Обамы // Россия в глобальной политике. 2010. № 1. Январь–февраль // URL: https://globalaffairs.ru/number/n_14571
- [*Bzhezinsky Z.* Pohvala vneshney politike Obamy // Rossiya v globalnoy politike. 2010. № 1. Yanvar'–fevral' // URL: https://globalaffairs.ru/number/n_14571]
- Гусейнов В. А.* Стимулы демократизации Большого Ближнего Востока // Большой Ближний Восток: стимулы и предварительные итоги демократизации / под общ. ред. В. А. Гусейнова. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 592 с.
- [*Guseinov V. A.* Stimuly demokratizatsyi Bolshogo Blizhnego Vostoka // Bolshoy Blizhniy Vostok: stimuly i predvaritelnie itogi demokratizatsii / pod obshey redaktsiyei V. A. Guseinova. M.: OLMA Media Grupp, 2005. – 592 s.]
- Коммерсант. 2009. 23 марта. № 50 // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1142723?query=>
- [*Kommersant.* 2009. 23 marta. № 50 // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1142723?query=>
- Независимая газета. 2009. 29 января // URL: http://www.ng.ru/world/2009-01-29/7_iran-usa.html
- [*Nezavisimaya gazeta.* 29.01.2009. 29 yanvaryaya // URL: http://www.ng.ru/world/2009-01-29/7_iran-usa.html]
- Независимая газета. 2017. 20 апреля // URL: <http://www.ng.ru/news/579234.html>
- [*Nezavisimaya gazeta.* 20 aprelya // URL: <http://www.ng.ru/news/579234.html>]
- Резолюция 1737 (2006), принятая Советом Безопасности на его 5612-м заседании 23 декабря 2006 г. // URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/1737\(2006\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1737(2006))

[Resolutsiya 1737 (2006), prinyataya Sovetom Bezopasnosti na ego 5612-m zasedanii 23 dekabrya 2006 g. // URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/1737\(2006\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1737(2006))]

Российская газета. 2006. 7 июня.

[Rossiiskaya gazeta. 2006. 7 iunya]

Daily Press Briefing. Sean McCormack, Spokesman. 2007. January 31 // URL: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/prs/dpb/2007/jan/79594.htm>

George W. Bush. President Adresses American Legion, Discusses Global War on Terror // URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2006/02/20060224.html>

President Bush Congratulates General Petraeus on Senate Confirmation, Discusses Way Forward in Iraq. 2007. January 26 // URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2007/01/20070126.html>

Saxton J. Reshaping our Iran Policy // The National Interest. 2007. January 3 // URL: <http://nationalinterest.org/article/reshaping-our-iran-policy-1353>

The National Security Strategy of the United States of America. Washington DC. 2006. March 16 // URL: <http://nssarchive.us/NSSR/2006.pdf>

tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4199592

Статья поступила в редакцию 13 ноября 2019 г.

**Открыта подписка на 2020 г.
на журнал «Обозреватель–Observer»
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:**

47653 – на полугодие

36789 – на год

Европейские перспективы для Западных Балкан

Сергей ВОРОБЬЕВ
Глеб ТАЛЛЕР

Основные проблемы, препятствующие интеграции стран Западных Балкан в Европейский союз

На сегодняшний день можно констатировать, что страны Западных Балкан остановились в своём гибридном статус-кво на пути к Европейскому союзу. 20 лет интеграционной политики Евросоюза в регионе не привели к ощутимым результатам, хотя в последнее время геополитическое мышление в ЕС относительно Балкан возвращается к собственным фундаментальным интересам безопасности и стабильности. Евросоюз вынужден защищать свои ключевые позиции и про-

должать расширение, если он не хочет утратить Западные Балканы как важную интегративную часть европейской политико-экономической среды. Возможность сохранения идей европейского либерализма в рамках ЕС существует только в случае встраивания их в конкретное геополитическое пространство с чёткими границами, общей экономической политикой и пространством безопасности [1].

Оценка сегодняшнего состояния внутри европейского взаимодействия

ВОРОБЬЕВ Сергей Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, Дипломатическая академия МИД России. *E-mail:* 352147@gmail.com

ТАЛЛЕР Глеб Русланович – советник по международным связям, ООО «Интер Консалт». *E-mail:* glebtaller@gmail.com

Ключевые слова: Западные Балканы, Евросоюз, интеграция, стратегия, финансовые инструменты.

¹ *Bonomi M.* The EU and the Western Balkans: A region of opportunities, not only of risks // DOC Research Institute (2018 Jun28) // URL: <https://doc-research.org/2018/06/eu-western-balkans-region-opportunities-risks/>

позволяет говорить о том, что Западные Балканы уже формально и неофициально глубоко интегрированы с ЕС и регион просто не может быть исключён из европейского пространства по многим причинам. Политика расширения Евросоюза на Западные Балканы связана прежде всего с обеспечением европейской безопасности [2]. Важным представляется то, что регион до сих пор сохраняет все риски дестабилизации дремлющих и возникновения новых вооружённых конфликтов, роста организованной преступности и усиление террористической активности [3].

С другой стороны, пройдя многочисленные этапы формирования большого количества разновекторных связей с ЕС, страны Западных Балкан так и не увидели своих реальных перспектив для вступления в организацию. Неспособность стран целого региона путём реформирования догнать экономический уровень Евросоюза и неустойчивая собственная позиция ЕС относительно Западных Балкан остаются на сегодняшний день актуальными вопросами.

Основные проблемы, препятствующие интеграции Западных Балкан в ЕС, можно определить как:

- неэффективное функционирование гражданско-правовых институтов;
- сложное экономическое положение региона без устойчивой динамики роста;

- нерешённые на данном этапе этнические и межнациональные противоречия;

- неурегулированные территориальные споры.

Всё это крайне негативно влияет на стабильность экономического и политического развития Западных Балкан и на евроинтеграцию в целом.

Регион практически полностью зависит от внешних и внутренних обстоятельств, которые оказывают дестабилизирующее влияние на европейское объединение. Создавшаяся ситуация для Западных Балкан почти не оставляет альтернативных путей, кроме интеграции в Европейский союз, по объективным причинам.

Так, для всех стран региона характерно принятие режима фиксированного обменного курса валют. Собственные валюты формально или де-факто связаны с евро, либо предусмотрено использование евро в качестве собственной валюты, как, например, в Косово и Черногории.

Западные Балканы сегодня интегрированы в производственную цепочку ЕС, физически связаны или являются подключёнными к трансевропейским сетям (TEN); 75–90% банковских систем региона принадлежат иностранным, в основном немецким, итальянским, французским, австрийским и греческим, банкам [4].

При этом показатели ВВП Западных Балкан на душу населения находятся на том же уровне, что и 20 лет назад, и составляют от 40 до 60% по отношению к показателям в странах ЦВЕ.

² Штоль В.В. Эволюция НАТО в реалиях глобализации. Дис. ... д-ра полит. наук. М., 2004. С. 201–236.

³ Европейский союз на перепутье: нерешенные проблемы и новые вызовы (политические аспекты) / под ред. Н.К. Арбатовой. Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений РАН им. Е.М. Примакова. М.: ИМЭМОРАН 2016. С. 14.

⁴ Western Balkan countries-EU - international trade in goods statistics // Eurostat statistics explained (May 2019) // URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Western_Balkan_countries-EU_-_international_trade_in_goods_statistics

Все шесть стран региона в 2017 г. имели ВВП на душу населения, в паритете покупательной способности, в среднем всего около 28% от уровня в странах – членах ЕС [5].

По экспертным оценкам, при современных темпах экономического развития для достижения уровня, среднего по ЕС, странам Западных Балкан понадобится от 60 до 200 лет [6]. В итоге все имеющиеся показатели экономического развития региона, даже претерпев реформирование и модернизацию в рамках интеграционного процесса, не приблизились к аналогичным данным стран ЦВЕ [5]. Сегодня можно говорить о том, что экономическая модель, реализуемая на Балканах, которая является, по сути, «Вашингтонским консенсусом» [7, с. 4], в итоге оказалась не соответствующей потребностям региона. Переходный план по быстрой либерализации рынков и приватизации в сочетании с прогрессивным транспонированием законов ЕС, успешно применённый в Центральной и Восточной Европе, не смог реализоваться на Западных Балканах [5].

Анализ опыта стран ЦВЕ указывает, что для страны-кандидата крайне важно перед вступлением

принять и осуществить основополагающие стандарты законодательства ЕС. В случае Западных Балкан, которые имели изначально неудовлетворительный административный потенциал и постконфликтное наследие, подобная имплементация законодательных норм Евросоюза является крайне проблематичной. Албания, Босния и Герцеговина, согласно результатам экспертных исследований, например, не смогут соответствовать критериям *acquis communautaire* даже к 50-м годам XXI в. Кроме того, регион по целому ряду показателей не соответствует законодательным и политическим критериям, необходимым для вступления. Преодоление пробелов в установлении верховенства закона в странах будет занимать годы, если не десятилетия, как, например, в случае Боснии и Герцеговины [8].

Уместно обратить внимание и на тот факт, что тезис о расширении ЕС ещё продолжает оставаться частью дискурса о будущем Европы, но сам по себе больше уже не воспринимается как единственно необходимая и достижимая цель. Евросоюз оказался не в состоянии принять меры по обеспечению комплексной стабилизации региона

⁵ Bonomi M., Reljić D. The EU and the Western Balkans: So Near and Yet So Far Why the Region Needs Fast-Track Socio-Economic Convergence with the EU // German Institute for International and Security Affairs (2017 Dec) // URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/comments/2017C53_rlc_Bonomi.pdf

⁶ Sanfey P., Milatovic J. The Western Balkans in transition: diagnosing the constraints on the path to a sustainable market economy // Background Paper for the 2018 Western Balkans Investment Summit. Feb 2018 // URL: <https://www.ebrd.com/documents/eapa/western-balkans-summit-2018-diagnostic-paper.pdf>

⁷ Поуз П. От Вашингтонского к поствашингтонскому консенсусу: триумф гуманитарного капитала // Экономика образования. 2008. № 4. С. 4.

⁸ Grieveson R., Grübler J., Holzne M. Western Balkans EU Accession: Is the 2025 Target Date Realistic? WIIW Policy Notes and Reports. 2018 May // The Vienna Institute for International Economic Studies. Vol. 22 // URL: <https://wiiw.ac.at/western-balkans-eu-accession-is-the-2025-target-date-realistic-dlp-4526.pdf>

и на сегодняшний момент не представил ни одного реалистичного алгоритма по преодолению экономического отставания. В то же время для региона были введены жёсткие требования по достижению реальных результатов в укреплении демократии и верховенства закона [1].

Стабилизация 1999 г. была начальным этапом интеграции на Западных Балканах.

На саммите в Загребе (ноябрь 2000 г.) была подтверждена приверженность ЕС европейской интеграции, которая должна была продемонстрировать странам региона собственные европейские перспективы. Три года спустя в Салониках Европейским советом было объявлено о «решимости полностью поддерживать интеграцию стран региона». Общие настроения в ЕС тогда были вполне оптимистичны, и возможное расширение принималось как максимально успешная модель взаимодействия в Европе.

Но приверженность ЕС к расширению и солидарность с Западными Балканами стали утрачивать постепенно свою значимость для Евросоюза. Феномен «усталости от расширения», усилившийся после волны присоединения таких стран, как Румыния и Болгария (2007 г.), со временем стал ещё более устойчивым. ЕС столкнулся с финансовым кризисом в конце 2000-х, миграционными проблемами в середине 2010-х годов, «брекситом» и нарастающим евроскептицизмом в последние не-

сколько лет. Заметное уменьшение интереса в ЕС к интеграции Западных Балкан стало объективным и шло параллельно со снижением темпов реформирования в регионе, распространением и культивированием этнонациональной политики почти во всех странах Западных Балкан [9].

До последнего времени ЕС казался неспособным к переоценке и адаптации своей программы реформирования на Балканах и практически утратил там значительную часть своего авторитета и влияния. Важным фактором в стагнации интеграционного процесса необходимо считать и то, что внутривнутриполитические элиты на Балканах тоже освоили правила риторических и декларативных «игр» с ЕС. Используя методы и терминологию европейских технократов, они приняли на вооружение европейский «язык» реформ, верховенства закона и механизмов вовлечения гражданского общества. На Западных Балканах смогли устояться режимы с элементами автократии, характерными чертами которых является контроль над гражданским пространством, СМИ, государственными институтами и политическими партиями. Правящие круги на Балканах зачастую используют тему евроинтеграции как инструмент манипуляции в диалогах с мировым сообществом и собственными гражданскими и общественными институтами [10].

⁹ Vogel T. Out of Focus: the EU's Relations with the Western Balkans (2018 Oct 9) // URL: <https://eu.boell.org/en/2018/10/09/out-focus-eus-relations-western-balkans>

¹⁰ Stiffungan H. B., Dizdarević Z. The European Union and the Western Balkans: Bad Plans and Unfulfilled Promises // URL: <http://eu.boell.org/en/2018/12/17/european-union-and-western-balkans-bad-plans-and-unfulfilled-promises>

«Новая стратегия» ЕС – прежние методы

Для проблемы интеграции Западных Балкан в Евросоюз никогда не будет существовать легкого и быстрого решения. После многих лет невнятной риторики Евросоюза субрегион, похоже, действительно был возвращён в повестку дня организации. Берлинский процесс, инициированный Германией в лице канцлера А. Меркель, безусловно, сумел внести свой определённый вклад в попытку реанимировать отношения ЕС и Западных Балкан, сохранив некоторую надежду и перспективы развития в регионе. Ежегодные встречи на высшем уровне между странами «Балканской шестёрки» и государствами – членами ЕС в период с 2014 по 2018 г. были основаны на обоюдном стремлении к интеграции.

Новая Стратегия расширения, опубликованная Евросоюзом (февраль 2018 г.), и итоги проведённого в Софии (май 2018 г.) саммита в формате ЕС – Западные Балканы свидетельствовали о начавшемся возобновлении процесса. Но необходимо отметить, что результаты Софийского саммита в итоге не оправдали ожиданий Балканских стран.

По словам Д. Туска, саммит смог лишь подтвердить, что «европейская перспектива остаётся геостратегическим выбором Западных Балкан».

Характерно, что инициативы, принятые на Софийском саммите и объединённые в «Софийскую при-

оритетную программу действий», так и не назвали ни одной конкретной даты или срока присоединения или даты инициации переговоров по присоединению. Проявлено лишь готовность к существенному увеличению уровня инвестирования в экономику для укрепления связей региона с ЕС. Разработанный в дополнение к декларации расширенный перечень направлений интеграционного сотрудничества тоже не содержит конкретных действий по их реализации. Обращает на себя внимание тот факт, что в декларации неоднократно упоминается термин «поддержка европейской перспективы» Западных Балкан, но уже не идёт речь о вступлении. В тексте декларации слова «контакты» и «связи» были заменены термином «расширение» [11]. В нём также не указаны конкретные страны, есть лишь упоминание о «партнёрах», не используется термин «Балканская шестёрка», лидеры стран на саммите не были представлены как президенты. Вероятно, этот вариант мог явиться некоторым компромиссом для тех представителей ЕС, которые не признают независимость Косово [12]. При сравнении текста Софийской декларации с текстом декларации саммита в Салониках (2003 г.), провозглашавшей, что «будущее Балкан находится в Европейском союзе», можно заметить, что подоб-

¹¹ EU – Western Balkans summit Sofia 2018 // Sofia Declaration. 2018. 17 May // URL: https://www.consilium.europa.eu/media/34776/sofia-declaration_en.pdf

¹² Gray A. Takeaways from EU's big Balkan get-together // Politico (2018. May 17) // URL: <https://www.politico.eu/article/eu-western-balkans-sofia-summit-takeaways-membership-talks-enlargement/>

ные заявления более не поддерживаются странами – членами ЕС [13].

Руководство ЕС и стран-членов неоднократно подчёркивало, что они ставили перед собой лишь целевую дату с тем, чтобы дать политическим лидерам Западных Балкан стимул для дальнейших реформ. При этом даже наличие абсолютно условной даты 2025 г. вызывало недовольство некоторых государств в ЕС, которые считают, что она порождает необоснованные ожидания в регионе.

Так, например, президент Франции Э. Макрон категорично высказался против дальнейшего расширения ЕС на данном этапе: «Последние 15 лет, постоянно думая о необходимости расширения, мы ослабили Европу» [14].

Министр иностранных дел Словении К. Эржавец заявил, что «2025 год не является реалистичной датой для вступления Сербии и Черногории, поскольку из-за неопределённости, которая присуща нынешнему положению дел, нет смысла определять какие-то даты» [15].

Необходимо отметить, что в последние несколько лет политика расширения в ЕС постоянно усложнялась постепенным введением ограничительных механизмов при принятии решений в странах – членах ЕС [16].

Во Франции, Австрии и Нидерландах, например, проведение национальных референдумов

определено как «конституционные требования» для ратификации будущих договоров о присоединении в соответствии со ст. 49 Договора о Европейском союзе.

В Германии полномочия бундестага были расширены в 2009 г. после принятия федерального закона о сотрудничестве с ЕС на этапах расширения, таких, например, как предоставление статуса кандидата или начало переговоров с ЕС.

Таким образом, каждая из стран-членов ЕС обладает индивидуальными инструментами по ограничению интеграции и расширения.

Нельзя не учитывать, что современный этап интеграции Западных Балкан с ЕС начался во многом благодаря сложившейся геополитической расстановке сил в Европе. Особо следует отметить всё более усиливающееся экономическое влияние в регионе Китая и России, которая всегда имела на Балканах обширные связи по значительному перечню направлений и собственные национальные интересы. Несомненно, эти два крупных внешних игрока тоже оказали определённое влияние на интеграционный процесс.

Президент Франции Э. Макрон сказал на Берлинском саммите (2019 г.), что ЕС осознаёт, что интересы на Западных Балканах имеются и у других государств, таких как Россия и КНР. Он также подчеркнул, что «интересы Европы всё равно больше и сильнее», тем самым под-

¹³ EU – Western Balkans Summit Thessaloniki, 2003. 21 June. Declaration // European Commission // URL: https://europa.eu/rapid/press-release_PRES-03-163_en.htm

¹⁴ Саммит ЕС – Западные Балканы в Софии завершён // Radio Bulgaria (2018. 17 мая) // URL: <http://bnr.bg/ru/post/100972287/sammit-es-zapadnie-balkani-v-sofii-zavershen>

¹⁵ Трухачёв В. Великие проблемы крупнейшего расширения ЕС на восток // Eurasia Daily (2019. 29 апреля) // URL: <https://easdaily.com/ru/news/2019/04/29/velikie-problemy-kрупneyshego-rasshireniya-es-na-vostok>

¹⁶ Balfour R., Stratulat C. EUMemberStatesandEnlargementtowardstheBalkans // EuropeanPolicyCentre European Politics and Institutions Programme. EPC Issue Paper. 2015.

твердив, что в основе интеграционной тактики руководства ЕС относительно Западных Балкан сейчас основными являются геополитические интересы.

При этом смысл позиции «расширение против углубления» остаётся объективной реальностью, учитывая «брексит» и другие вызовы, с которыми сталкивается ЕС. Следует помнить, что и в самих странах Балканского региона также отмечено падение уровня доверия к Евросоюзу, как к движущей силе перемен и трансформации.

Согласно данным опросов, почти четверть населения Западных Балкан считает, что их страны никогда не вступят в ЕС [17].

Данные мониторинга Совета регионального сотрудничества свидетельствуют, что в 2018 г. в Сербии только 26% опрошенных положительно оценили вступление в ЕС своей страны, в Черногории – 44%, а в Боснии и Герцеговине – 31%.

Министр иностранных дел Черногории С. Дарманович в одном из своих выступлений подчеркнул: «Мы не должны считать, что членство в ЕС нам гарантировано, но и европейцы при этом не должны считать гарантированной нашу приверженность ЕС» [18].

Это высказывание является одним из убедительных подтверждений того, что скептическое восприятие идеи евроинтеграции в самих странах-кандидатах имеет тенденцию к росту. Укрепляющий свои по-

зиции евроскептицизм на Балканах опирается на антиевропейские популистские идеи, неуверенность в будущем, страх перед растущей угрозой терроризма и общее недоверие к ЕС.

Так, например, в Сербии всё чаще евроскептики высказывают мнение, что переговоры с ЕС – это «диктат и постоянный политический шантаж со стороны ЕС», и выражают недовольство переговорами, которые «привели страну к кризису, зависимости от внешнего кредитования и деятельности международной финансовой олигархии» [19].

В свою очередь, обеспокоенное общим снижением интереса к интеграции в регионе, руководство Евросоюза своими новыми балканскими инициативами пытается увязать реформы с финансовой поддержкой стран-кандидатов. По мнению руководителей ЕС, дополнительное финансирование должно оказать положительное воздействие на западнобалканскую экономику в целом и на уровень прямых инвестиций в страны региона [20]. Но для той трансформации региона, которая соответствует требованиям ЕС, необходимо гораздо большее финансовое участие с его стороны. Следует учитывать, что национальные правительства на Западных Балканах на данный момент почти не имеют ресурсов для повышения конкурентоспособности своих эко-

¹⁷ Balkan Barometer – 2018: Public Opinion Survey // Regional Cooperation Council (2018. 06 Aug) // URL: <https://www.rcc.int/pubs/66/balkan-barometer-2018-public-opinion-survey>

¹⁸ Князев В. Когда Черногория планирует вступить в Евросоюз // Экономика сегодня. 2018. 2 января // URL: <https://rueconomics.ru/299466-vyuzasnilos-kogda-chernogoriya-planiruet-vstupit-v-evrosouz>

¹⁹ Остановим дальнейшее разрушение Сербии! // URL: <http://www.nspm.rs/nspm-porusski/obra%D1%89enie-ostanovim-dal%D1%8Cne%D0%B9see-razrusenieserbii.html>

²⁰ Годованюк К. А. Саммит Западных Балкан в Лондоне // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. № 4. С. 76.

номик. Практически все частные инвесторы из ЕС используют регион как источник чрезвычайно дешёвой рабочей силы или рынок

сбыта своей продукции [21], что способствует росту проблем в экономико-политической ситуации на Балканах.

Миграционный вопрос и территориальные споры – основные триггерные точки интеграции Западных Балкан в Евросоюз

Прошедшие 20 лет с начала европейской интеграции уже успели не только прочно поместить Западные Балканы на экономическую и политическую карту Европы, но и встроить в систему её безопасности.

Однако миграционные процессы – в ряду острейших проблем региона. На Западных Балканах в настоящее время проходит колоссальный миграционный отток собственных граждан в страны Евросоюза, и одновременно с этим сами балканские государства вынуждены преодолевать попытки проникновения нелегальных мигрантов на свои территории.

К концу 2017 г. около 7 млн человек, выходцев с Западных Балкан, жили вне своих стран. Сегодня эмиграция из региона остаётся на высоком уровне из-за отсутствия социально-экономического развития и неудовлетворённости проводимыми реформами. Эта тенденция идёт по нарастающей, особенно когда вопрос стоит о более молодых и образованных слоях населения, создавая в том числе эффект «утечки мозгов».

По оценкам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), ожидается, что собственное население Западных Балкан уменьшится к концу XXI в. на 50% [22].

Обвальным может выглядеть процесс и финансовых потерь в свете указанной проблемы. Так, только одна Сербия потеряет, по расчётам, порядка 9 млрд евро в результате утечки рабочей силы в области инноваций, технологии и науки.

Кроме того, остаётся неразрешённым европейский миграционный кризис, распространяющийся по «западнобалканскому маршруту».

Согласно Агентству Европейского союза по безопасности внешних границ *Frontex* в 2018 г. из Турции, транзитом пересекая Грецию, Албанию и Черногорию, в Европу проникли 56,5 тыс. нелегальных мигрантов, что на 34% больше, чем в 2017 г. [23].

Следует отметить, что правительства Балканских стран достаточно категорично отказывают в размещении и приёме на своих территориях нелегальных ближневосточных и африканских мигрантов, разработав эффективный механизм максимально быстрого пересечения границ.

²¹ Максакова М. Страны Западных Балкан на пути в Европейский союз: проблемы и перспективы // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 11. С. 45.

²² Organization for Economic Cooperation and Development // OECD Better Life Index // URL: <http://www.oecdbetterlifeindex.org/>

²³ Frontex European border and coastguard agency // URL: <https://frontex.europa.eu/>

Премьер-министр Албании Э. Рама не согласился на предложение создать центр для дислокации нелегальных мигрантов (июнь 2017 г.) даже с учётом возможных предпочтений относительно вступления в ЕС.

В августе 2017 г. президент Республики Сербской Боснии и Герцеговины М. Додик тоже отказался от открытия приёмных центров для мигрантов и предоставления им официального убежища на территории страны.

Все страны региона практически единогласно сошлись на идее «Балканы без нелегальных эмигрантов».

Подобные настроения в регионе для Евросоюза являются крайне неудобными. Существуют предположения о том, что массовые выступления, продолжающиеся в Республике Сербской Боснии и Герцеговины, в Белграде и активные протесты против президента Черногории, помимо иных причин могут иметь связь с возрастающим давлением ЕС на Балканские страны, чтобы убедить правительства региона принять политику ЕС по вопросам миграции.

Наряду с миграционными проблемами негативное воздействие на интеграционные процессы в регионе оказывают неразрешённые пограничные споры.

Ж.-К. Юнкер, говоря о возможности интеграции в ЕС Сербии и Черногории в ЕС до 2025 г., заявил, что одним из основных условий вступления стран Западных Балкан в Евросоюз является обязательное урегулирование нерешённых территориальных и приграничных споров.

Глава Еврокомиссии упомянул о недопустимости повторения ситуации с Хорватией, принятой

в ЕС на условиях обязательств разрешить территориальные разногласия со Словенией.

Эта проблема, возникшая уже в рамках ЕС, стала решающим мотивом для руководства Евросоюза выдвинуть требования к странам-кандидатам о необходимости решения всех имеющихся территориальных споров до момента вступления в ЕС.

На сегодняшний момент в регионе только Черногория решила данную проблему, отказавшись от своих претензий к Хорватии относительно Прелаковского полуострова [24]. Сербия тоже имеет множественные пограничные споры с другими странами, которые на сегодняшний день ещё не решены и едва ли смогут решиться в ближайшем будущем. Но основным вопросом, конечно, для Сербии являются отношения с Косово. Сейчас Сербия признаёт сербско-косовскую границу исключительно внутриадминистративной. Но в случае, если Сербия вступит в ЕС, линия разграничения становится внешней границей Европейского союза. От Сербии в Брюсселе требуют окончательного решения косовского вопроса и в конечном итоге признания независимости её провинции Косово и Метохия. Компромиссный вариант, предлагавшийся проевропейскими сербскими политиками, предполагает исключение упоминания о Косово из Конституции Сербии и заключение двустороннего сербско-косовского договора, позволяющего Косово самостоятельно вступать в международные организации, включая ООН. Но на данном этапе подобный сценарий абсолютно неприемлем не только из-за позиции

²⁴ Руднева И. В. Территориальные споры республик бывшей Югославии: условия, методы, последствия // Славяне и Россия. 2017. № 1 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/territorialnye-spory-respublik-byvshey-yugoslavii-usloviya-metody-posledstviya>

политиков-патриотов и рядовых жителей Сербии. Основная проблема состоит в том, что не только Сербия, но и страны – члены Евросоюза (Греция, Кипр, Румыния, Словакия и Испания) не признают и вряд ли признают Косово независимым го-

сударством. Данное обстоятельство является блокирующим для европерспективы не только непосредственно для Косово, но и делает также невозможным достижение соглашения в Евросоюзе вопроса о вступлении Сербии.

Возможные перспективы и сценарии евроинтеграции Западных Балкан

Значение последних событий в ЕС и возвращение вопроса о Западных Балканах в повестку дня не стоит преувеличивать. Несмотря на проведённый анализ сложившейся ситуации и попытки пересмотра предыдущих этапов расширения, ЕС так и не смог дать точную оценку совершённым ошибкам и упущенным возможностям. Также не было предложено последовательного и взвешенного варианта выхода из сложившейся ситуации.

Евросоюз участвует в судьбе стран региона достаточно бессистемно, зачастую активизирует интеграционный процесс, лишь вступая в противоборство с внешними игроками, в качестве противовеса при попытках последних усилить своё присутствие и влияние в регионе.

Рассматривая перспективы евроинтеграции на Западных Балканах, можно было бы только тогда говорить о новой стратегии ЕС, если в центре внимания стояли бы стабилизация и положительная динамика в развитии экономик региона, реальные демократические преобразования. Для решения подобных задач Евросоюзу необходимо предоставить гарантированные перспективы присоединения для Западных Балкан с объявленными реальными

сроками. Также ЕС следовало бы на какое-то время сместить своё внимание с фактора стабильности, который доминировал в предыдущие этапы. Увязывание реформ с увеличением финансирования со стороны ЕС оказало бы положительное воздействие на уровень прямых инвестиций в страны региона. Руководство Евросоюза могло бы при помощи финансовых рычагов системно поддерживать преобразования в странах за счёт расширения прав и возможностей различных слоёв обществ и гражданских институтов, независимых СМИ и гражданских сообществ. Это послужило бы основой стабилизирующего механизма для всех процессов реформирования в рамках евроинтеграции.

Одно из основных условий для продолжения интеграции – обеспечение стран Западных Балкан объёмом ресурсов, пропорциональным уровню интеграции с ЕС, которых они уже достигли. В качестве одного из эффективных решений в создавшейся ситуации на Западных Балканах Комиссия и Совет ЕС могли бы рассмотреть возможность открытия структурных фондов для этих стран ещё до вступления или предоставить аналогичные суммы за счёт средств региональных проектов. Направле-

ние финансирования, в первую очередь на развитие инфраструктуры, транспорта, энергетики и охрану окружающей среды, способствовало бы решению некоторых институциональных проблем в нынешнем политическом устройстве стран, которые тоже невозможно решить без внешнего финансирования.

Ускорение экономического роста является одним из необходимых условий для повышения активности западнобалканских обществ, которые сегодня в значительной степени находятся под контролем нескольких деловых и политических элит, которые можно отнести к авторитарным по своей сути.

Следует помнить, что даже самые лучшие институциональные схемы не могут обеспечить уверенность в том, что реформирование гражданских институтов и реформы в сфере верховенства закона будут успешными при отсутствии постоянного положительного давления со стороны более широких слоёв гражданского общества. Только более сильные и более независимые общества граждан, в которых будут присутствовать различные интересы и конкурентная борьба, смогут оказывать необходимое давление и требовать осуществления основных прав для судебных и других государственных органов.

Оказывая влияние на межрегиональное сотрудничество и индивидуальный прогресс в каждой из стран, ЕС содействовал бы рабочему партнёрству с ним. Важным условием такого партнёрства являются реальные и разумные сроки для каждого этапа реформирования и модернизации. Но

зачастую, исходя из краткосрочных геополитических интересов, ЕС пытается ограничивать возможность положительного влияния на развитие региона со стороны третьих игроков. Евросоюз, имея свои собственные возможности «мягкой силы», способен преобразовать регион в привлекательную инвестиционную площадку, которая будет иметь возможности для использования своего исторического своеобразия и географического расположения, трансформируя Западные Балканы в современный центр европейского и межрегионального сотрудничества. Вместо этого ЕС зачастую выстраивает линии противостояния внешним акторам, создавая, таким образом, искусственный инвестиционный вакуум.

Для преодоления накопившихся проблем в отношении Западных Балкан и «усталости от расширения», евроскептицизма нельзя не учитывать специфику региона, этнонациональное разнообразие, а также неоднородную культурно-религиозную структуру.

Принимая во внимание все эти факторы, ЕС стоит осознать невозможность использования относительно Западных Балкан методов и инструментов, применявшихся в условиях других стран при интеграции. Следует отметить, что интеграция на Западных Балканах всегда проводилась ЕС средствами, позволявшими сохранить заинтересованность стран региона в объединении в рамках организации, но при этом и не требовавшими от руководства ЕС и стран-членов ощутимого финансового обременения [25].

²⁵ Энтина Е. Г. Международный контекст евроинтеграции Западных Балкан / науч. ред. А. А. Пивоваренко, О. Ю. Потёмкина. Вып. 333. М.: ФГБУ науки Институт Европы РАН, 2016.

С учётом всех перечисленных факторов можно говорить о том, что ни для одной из стран Западных Балкан на данный момент вступление в Евросоюз на современных условиях не является ни самым выгодным и ни самым успешным решением имеющихся проблем. Сегодня интеграцию региона в ЕС, вероятнее всего, необходимо рассматривать лишь как один из факторов сложного геополитического процесса в Европе, снижающего общий уровень конфликтности, своего рода «инвестицией в мир, безопасность и стабильность в Европе» [26].

В связи с этим европейские перспективы Западных Балкан, несмотря на прилагаемые сторонами в последнее время усилия, становятся всё более и более призрачными и труднодостижимыми.

Библиография • References

Годованюк К. А. Саммит Западных Балкан в Лондоне // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. № 4. С. 73–78.

[Godovanyuk K. A. Sammit Zapadnyh Balkan v Londone // Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN. 2018. № 4. S. 73–78]

Европейский союз на перепутье: нерешённые проблемы и новые вызовы (политические аспекты) / под ред. Н. К. Арбатовой. Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений РАН им. Е. М. Примакова. М.: ИМЭМОРАН, 2016.–234 с.

[Evropejskij soyuz na pereput'e: nereshyonnye problemy i novye vyzovy (politicheskie aspekty) / pod red. N. K. Arbatovoj. Nacional'nyj issledovatel'skij institut mirovoj ekonomiki i mezhdunarodnyh otnoshenij RAN im. E. M. Primakova. M.: IMEMORAN, 2016.–234 s.]

Князев В. Когда Черногория планирует вступить в Евросоюз // Экономика сегодня. 2018. 2 января // URL: <https://rueconomics.ru/299466-vyvasnilos-kogda-chernogoriya-planiruet-vstupit-v-evrosoyuz>

[Knyazev V. Kogda Chernogoriya planiruet vstupit' v Evrosoyuz // Ekonomika segodnya. 2018. 2 yanvara // URL: <https://rueconomics.ru/299466-vyvasnilos-kogda-chernogoriya-planiruet-vstupit-v-evrosoyuz>]

Максакова М. Страны Западных Балкан на пути в Европейский союз: проблемы и перспективы // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 11. С. 42–55.

[Maksakova M. Strany Zapadnyh Balkan na puti v Evropejskij soyuz: problemy i perspektivy // Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik. 2016. № 11. S. 42–55]

Остановим дальнейшее разрушение Сербии! // URL: <http://www.nspm.rs/nspm-po-russki/obra%D1%89enie-ostanovim-dal%D1%8Cne%D0%B9see-razrusenieserbii.html>

[Остановим дальнейшее разрушение Сербии! // URL: <http://www.nspm.rs/nspm-po-russki/obra%D1%89enie-ostanovim-dal%D1%8Cne%D0%B9see-razrusenieserbii.html>]

Роуз П. От Вашингтонского к поствашигтонскому консенсусу: триумф гуманитарного капитала // Экономика образования. 2008. № 4. С. 47–59.

²⁶ Mirel P. Western Balkans – European Union: Between internal cohesion and external stability // Fondation Robert Schuman(2018. 09 Jul) // URL: <https://www.robert-schuman.eu/en/european-issues/0480-western-balkans-european-union-between-internal-cohesion-and-external-stability>

- [Rouz P. Ot Vashingtonskogo k postvashingtonskomu konsensusu: triumf gumanitarnogo kapitala // Ekonomika obrazovaniya. 2008. № 4. S. 47–59]
- Руднева И.В.* Территориальные споры республик бывшей Югославии: условия, методы, последствия // Славяне и Россия. 2017. № 1 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/territorialnye-spory-respublik-byvshey-yugoslavii-usloviya-metody-posledstviya>
- [*Rudneva I.V.* Territorial'nye spory respublik byvshej YUgoslavii: usloviya, metody, posledstviya // Slavyane i Rossiya. 2017. № 1 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/territorialnye-spory-respublik-byvshey-yugoslavii-usloviya-metody-posledstviya>]
- Саммит ЕС – Западные Балканы в Софии завершён // Radio Bulgaria (2018. 17 мая) // URL: <http://bnr.bg/ru/post/100972287/sammit-es-zapadnie-balkani-v-sofii-zavershen>
- [Sammit ES – Zapadnye Balkany v Sofii zavershyon // Radio Bulgaria (2018. 17 мая) // URL: <http://bnr.bg/ru/post/100972287/sammit-es-zapadnie-balkani-v-sofii-zavershen>]
- Трухачёв В.* Великие проблемы крупнейшего расширения ЕС на восток // Eurasia Daily (2019. 29 апреля) // URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/04/29/velikie-problemy-krupneyshego-rasshireniya-es-na-vostok>
- [*Truhachyov V.* Velikie problemy krupneyshego rasshireniya ES na vostok // Eurasia Daily (2019. 29 апреля) // URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/04/29/velikie-problemy-krupneyshego-rasshireniya-es-na-vostok>]
- Штоль В.В.* Эволюция НАТО в реалиях глобализации. Дис. ... д-ра полит. наук. М., 2004.– 382 с.
- [*Shtol' V.V.* Evolyuciya NATO v realiyah globalizacii. Dis. ... d-ra polit. nauk. M., 2004.– 382 s.]
- Энтина Е.Г.* Международный контекст евроинтеграции Западных Балкан / науч. ред. А.А. Пивоваренко, О.Ю. Потёмкина. Вып. 333. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Европы РАН, 2016. С. 48–51.
- [*Entina E.G.* Mezhdunarodnyj kontekst evrointegracii Zapadnyh Balkan / nauch. red. A.A. Pivovarenko, O.YU. Potyomkina. Vyp. 333. M.: Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethnoe uchrezhdenie nauki Institut Evropy RAN, 2016. S. 48–51]
- Balfour R., Stratulat C.* EU Member States and Enlargement towards the Balkans // European Policy Centre European Politics and Institutions Programme. EPC Issue Paper. 2015. P. 29–31.
- Balkan Barometer – 2018: Public Opinion Survey // Regional Cooperation Council (2018. 06 Aug) // URL: <https://www.rcc.int/pubs/66/balkan-barometer-2018-public-opinion-survey>
- Bonomi M.* The EU and the Western Balkans: A region of opportunities, not only of risks // DOC Research Institute (2018 Jun28) // URL: <https://doc-research.org/2018/06/eu-western-balkans-region-opportunities-risks/>
- Bonomi M., Reljić D.* The EU and the Western Balkans: So Near and Yet So Far Why the Region Needs Fast-Track Socio-Economic Convergence with the EU // German Institute for International and Security Affairs (2017 Dec) // URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/comments/2017C53_rlc_Bonomi.pdf
- EU – Western Balkans summit Sofia 2018 // Sofia Declaration. 2018. 17 May // URL: https://www.consilium.europa.eu/media/34776/sofia-declaration_en.pdf
- EU – Western Balkans Summit Thessaloniki, 2003. 21 June. Declaration // European Commission // URL: https://europa.eu/rapid/press-release_PRES-03-163_en.htm

- Frontex European border and coastguard agency // URL: <https://frontex.europa.eu/>
- Gray A. Takeaways from EU's big Balkan get-together // Politico (2018. May 17) // URL: <https://www.politico.eu/article/eu-western-balkans-sofia-summit-takeaways-membership-talks-enlargement/>
- Grieverson R., Grüber J., Holzne M. Western Balkans EU Accession: Is the 2025 Target Date Realistic? WIIW Policy Notes and Reports. 2018 May // The Vienna Institute for International Economic Studies. Vol. 22 // URL: <https://wiiw.ac.at/western-balkans-eu-accession-is-the-2025-target-date-realistic-dlp-4526.pdf>
- Mirel P. Western Balkans – European Union: Between internal cohesion and external stability // Fondation Robert Schuman(2018. 09 Jul) // URL: <https://www.robert-schuman.eu/en/european-issues/0480-western-balkans-european-union-between-internal-cohesion-and-external-stability>
- Organization for Economic Cooperation and Development // OCEC Better Life Index // URL: <http://www.oecdbetterlifeindex.org/>
- Sanfey P., Milatovic J. The Western Balkans in transition: diagnosing the constraints on the path to a sustainable market economy// Background Paper for the 2018 Western Balkans Investment Summit. Feb 2018 // URL: <https://www.ebrd.com/documents/eapa/western-balkans-summit-2018-diagnostic-paper.pdf>
- Stiffungan H.B., Dizdarević Z. The European Union and the Western Balkans: Bad Plans and Unfulfilled Promises // URL: <http://eu.boell.org/en/2018/12/17/european-union-and-western-balkans-bad-plans-and-unfulfilled-promises>
- Vogel T. Out of Focus: the EU's Relations with the Western Balkans (2018 Oct 9) // URL: <https://eu.boell.org/en/2018/10/09/out-focus-eus-relations-western-balkans>
- Western Balkan countries-EU – international trade in goods statistics // Eurostat statistics explained (May 2019) // URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Western_Balkan_countries-EU_-_international_trade_in_goods_statistics

Статья поступила в редакцию 6 ноября 2019 г.

Активизация межгосударственного сотрудничества на постсоветском пространстве

На примере постсоветских стран Центральной Азии

Елена ГАРБУЗАРОВА

На постсоветском пространстве выделяется политико-географический регион, который включает пять государств: Казахстан, Киргизию, Узбекистан, Таджикистан и Туркмению. В академическом и экспертном сообществе этот регион именуют неодинаково (Центральная Азия, Средняя Азия, Средняя Азия и Казахстан). Многогранность понятия «Центральная Азия» обусловлена её природно-географическими, культурно-историческими и этническими особенностями. В данной статье границы региона будут определяться пятью указанными государствами, представляющими интегративное центральноазиатское пространство.

В XXI в. на фоне глобализации широкое распространение получил тренд регионализации. Для государств Центральной Азии, имеющих давние культурные, исторические, экономические связи, региональная интеграция имеет особое значение. Благодаря ей можно было бы укрепить не только экономические, гуманитарные, но и политические связи между государствами, а также создать устойчивый механизм принятия решений на наднациональном уровне.

Несмотря на то что государства Центральной Азии находятся в одном регионе, что с географической точки зрения может обуславливать их един-

ГАРБУЗАРОВА Елена Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Кыргызско-Российского Славянского университета (г. Бишкек, Киргизия). *E-mail*: play_elenag@mail.ru

Ключевые слова: постсоветские государства Центральной Азии, Россия, региональное взаимодействие.

ство, существует ряд разобщающих факторов, которые затрудняют полноценное сотрудничество между ними. Территориальные противоречия, водно-энергетические разногласия препятствуют налаживанию полноценного межгосударственного диалога в регионе и мешают созданию каких-либо институциональных форм сотрудничества. Сложности в достижении взаимопонимания между центральноазиатскими государствами генерируются существующими различиями в политических системах, уровне экономического развития и статусе республик в регионе и мире [1].

Первые попытки создания региональной организации

Любые инициативы создать региональную интеграционную структуру в Центральной Азии не встречали широкой поддержки среди государств региона.

Первая попытка сформировать региональное интеграционное объединение была предпринята в 1994 г., когда Казахстан, Киргизия и Узбекистан создали Центрально-Азиатский союз. Лидеры государств подписали Договор о создании единого экономического пространства, предусматривающего беспрепятственное движение товаров, капиталов, услуг и рабочей силы. Учитывая взаимозависимость экономик, участники стремились совместными усилиями преодолеть экономические проблемы, возникшие в условиях перехода к рыночным отношениям. О серьёзных намерениях, сформировавшихся у этих трёх государств в первые годы обретения независимости, создать полноценную и эффективную интеграционную структуру в регионе свидетельствовало об-

разование в рамках Договора таких органов, как Межгосударственный совет, в состав которого вошёл Совет министров обороны и Исполнительный комитет. Кроме того, был образован Центрально-Азиатский банк развития и сотрудничества и разработана программа экономической кооперации, предусматривающая «создание межгосударственных консорциумов в области электроэнергетики, меры по рациональному использованию водных ресурсов, по добыче и переработке минерально-сырьевых ресурсов» [2].

Главная проблема заключалась в том, что государства – участники интеграции были не готовы начать практическую реализацию намеченной цели. Участники предприняли попытку заложить фундамент для реализации стратегических целей сотрудничества между членами союза, однако «в реальности Союз столкнулся со значительными трудностями, большинство решений осталось на бумаге» [3].

¹ Дадабаева З.А. Таджикистан – Таможенный союз: возможности и перспективы взаимодействия // Проблемы постсоветского пространства. 2015. № 1. С. 37.

² Шумский Н.Н. Региональные экономические объединения постсоветских государств. Организационно-правовое обеспечение процессов интеграции. Минск: Белорусская наука, 2010. С. 202.

³ Косов Ю.В., Торопыгин А.В. Содружество Независимых Государств: Интеграция, парламентская дипломатия и конфликты. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 170.

В 1998 г. к союзу присоединился Таджикистан. В июле 1998 г. Центрально-Азиатский союз был переименован в Центрально-Азиатское экономическое сообщество (ЦАЭС).

В январе 2001 г. сообщество трансформировалось в новую региональную организацию – Центрально-Азиатское сотрудничество (ЦАС).

В октябре 2004 г. к ЦАС присоединилась Россия.

В 2005 г. было принято решение объединить ЦАС с Евразийским экономическим сообществом (ЕврАзЭС).

В рамках ЦАЭС и ЦАС решались такие вопросы, как:

- обеспечение региональной безопасности;
- борьба с терроризмом и религиозным экстремизмом и наркотрафиком.

В последние годы работы ЦАС на повестку дня совместных заседаний были вынесены вопросы общего использования водно-энергетических ресурсов и совершенствование организации транспортной системы Центральной Азии.

Эксперты считают, что в этот исторический промежуток времени главным препятствием на пути дальнейшей центральноазиатской интеграции была жёсткая позиция Узбекистана по отношению к Таджикистану и Киргизии по вопросам спорных границ, водных ресурсов, борьбы с терроризмом и экстремизмом [4]. Вероятно, это и побудило Узбекистан пригласить Россию присоединиться к ЦАС и тем самым сгладить наметившиеся противоречия.

Эксперты о необходимости центральноазиатской интеграции

Дискуссия о необходимости центральноазиатской интеграции уже давно ведётся среди политиков, экспертов и учёных.

Ещё в 2007 г. в Киргизии на международной конференции, посвящённой проблемам и перспективам развития Центральной Азии, эксперты подчёркивали важность тесного регионального сотрудничества. В то время глава делегации Европейской комиссии в странах Центральной Азии Адриан ван дер Меер предложил центральноазиатским государствам воспользоваться опытом европейской интеграции.

Он отметил, что «...в Европейском союзе точно определили, на каком уровне должна решаться какая проблема, будь то политическая, социальная или иная. Некоторые вопросы – явная прерогатива городских администраций, часть проблем решается на уровне областных, региональных администраций, а часть – на национальном или межгосударственном, самом высоком уровне, в нашем случае из Брюсселя... Это эффективный способ – им не решить все проблемы одновременно, но следует чётко определять зону ответственности. Возьмём, к примеру, острую проблему с обеспечением водой в Центральной Азии, её можно решать на уровне областных администраций внутри пяти государств. Если же речь идёт о переработке от-

⁴ Допустит ли Бишкек появления «старшего брата» в ЦА. Интервью с политологом // URL: <https://ru.sputnik.kg/opinion/20180318/1038219449/centralnaya-aziya-kyrgyzstan-liderstvodosym-satpaev.html>

ходов, то эти вопросы можно решать на самом низком уровне» [5].

Однако с каждым годом государствам Центральной Азии всё сложнее было находить взаимопонимание друг с другом: наметилась существенная поляризация интересов, усилились амбиции политических лидеров.

В 2009 г. в связи с созданием Таможенного союза между Россией, Казахстаном и Белоруссией власти Казахстана планировали ужесточить пограничный режим на границах с Туркменией, Киргизией и Узбекистаном с целью пресечь неза-

конный оборот наркотиков. Тогда эксперты отметили, что для Казахстана более выгодным будет участие в Таможенном союзе, чем интеграция в рамках региона. Эффективность для экономики Казахстана от присоединения к Таможенному союзу не вызывала сомнения: *во-первых*, в силу того, что товарооборот между Россией, Белоруссией и Казахстаном превышал товарооборот со странами Центральной Азии, а *во-вторых*, именно казахстанско-российские и казахстанско-белорусские предприятия на территории Казахстана развернули свою деятельность [6].

Оживление регионального взаимодействия

Сновой силой дискурс о возможной центральноазиатской интеграции развернулся в последние годы, когда наметился сдвиг во взаимоотношениях между государствами региона. *Во-первых*, это было обусловлено сменой руководства в Узбекистане, *во-вторых*, развитием евразийской интеграции, *в-третьих*, существенным усилением экономической роль Китая в Центральной Азии.

Полноценный диалог между государствами Центральной Азии пробуксовывался из-за постоянных претензий первого президента Узбекистана И. Каримова к своим соседям. Наиболее слабым звеном в системе существующих конфликтов между центральноазиатскими

государствами является водно-энергетическая проблема. В этом случае камнем преткновения является дефицит воды, который испытывают южные государства, так как в государствах верховья, Таджикистане и Киргизии, сосредоточено свыше 70% всех водных ресурсов Центральной Азии. Такое неравномерное распределение водных ресурсов, естественно, способствует нарастанию конфликтного потенциала.

В конце 2016 г. изменения в отношениях между центральноазиатскими государствами стал заметен после прихода к власти в Узбекистане Ш. Мирзиёева.

В феврале 2017 г. президент Узбекистана утвердил Стратегию развития Узбекистана на 2017–2021 гг.,

⁵ В Бишкеке эксперты обсуждают проблемы регионального сотрудничества в Центральной Азии // URL: <https://www.dw.com/ru>

⁶ Казахстанский эксперт: Региональная интеграция в Центральной Азии проблематична // URL: <https://www.dw.com/ru/>

которая включает следующие приоритетные направления развития республики:

- модернизацию государственно-го управления и судебно-правовой системы;

- либерализацию экономики;
- реформы в социальном секторе;
- принципы внешней политики.

В Стратегии отмечается конструктивный характер внешней политики Узбекистана, «направленной на укрепление независимости и суверенитета государства, создание вокруг Узбекистана пояса безопасности, стабильности и добрососедства, укрепления международного имиджа страны» [7].

С этого момента основной траекторией внешней политики Узбекистана стало налаживание тесного сотрудничества с соседними государствами.

Первый зарубежный визит президента Узбекистана Ш. Мирзиёева был в Туркмению (начало марта 2017 г.).

По итогам встречи стороны подписали следующие соглашения:

- Договор об экономическом сотрудничестве;

- Меморандум о дальнейшем развитии сотрудничества в области железных дорог;

- Межправительственную программу сотрудничества в культурно-гуманитарной сфере;

- Программу сотрудничества между внешнеполитическими ведомствами.

По мнению российского политолога А. Казанцева, лидер Узбекистана, с одной стороны, заинтересован в налаживании более тесного сотрудничества с соседними государствами, а с другой – стремится не попасть в чрезмерную зависимость от глобальных держав – США, России и Китая [8].

Затем был визит Ш. Мирзиёева в Казахстан (конец марта 2017 г.).

Между двумя сторонами был подписан солидный пакет документов, среди которых:

- Декларация о совместном сотрудничестве;
- Соглашение о межрегиональном сотрудничестве;
- Стратегия экономического сотрудничества и т. д.

В сентябре 2017 г. лидер Узбекистана прибыл с государственным визитом в Киргизию.

На встрече было заявлено, что обе стороны настроены на углубление дружественных и добрососедских отношений. Фокус внимания политических лидеров двух стран был сосредоточен на вопросах правового оформления киргизско-узбекской государственной границы. В итоге благодаря политической воле лидеров Киргизии и Узбекистана согласовано более 80% споров по киргизско-узбекской границе. Однако говорить о полном завершении территориальных противоречий между двумя республиками было преждевременно. Помимо оставшихся спорных участков выделяют

⁷ Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах // URL: <http://strategy.regulation.gov.uz/ru/document/2>

⁸ Визиты Мирзиёева в страны ЦА, или Первые политические шаги // URL: <https://ru.sputnik.kg/politics/20170307/1032097473/turne-mirziyoeva-po-stranam-ca-chto-prinesut-pervye-shagi.html>

ся ещё узбекские анклав (Сох и Шахимардан, Джангайл, Чон-Гара-Калча), которые находятся на территории Киргизии и могут стать очагами потенциальной напряжённости.

Очень заметным стал визит Ш. Мирзиёева в Таджикистан (март 2018 г.), который позволил решить самые острые вопросы, вызывающие разногласия между двумя странами.

По итогам встречи было подписано 27 документов, касающихся всех спорных вопросов между двумя сторонами.

Таджикистан и Узбекистан договорились снять визовые ограничения между странами, открыть новые пограничные пункты пропуска, интенсифицировать сотрудничество в сфере разработки совместных проектов по строительству гидроэнергетических сооружений.

Планы двух республик по совместным гидроэнергетическим проектам особенно актуальны для региона, если учитывать ту опасную ситуацию, которая возникла из-за реализации проекта Рогунской ГЭС, имеющей для Таджикистана огромное значение. В свою очередь Узбекистан категорически выступал против данного строительства, видя в нём угрозу для своей экономики, в частности, опасения вызывало возможное сокращение объёмов воды в реке Амударья, что могло негативно отразиться на производстве хлопка, который Узбекистан преимущественно отправляет на экспорт.

Российский эксперт А. Грозин считает, что раньше «Таджикистан не собирался пускать узбеков в проект», однако в современных политических реалиях существует вероятность того, что «Узбекистан сам станет выгодополучателем от строительства электростанции» [9].

Беспрецедентным стало событие, состоявшееся в марте 2018 г. в Астане, когда прошла консультативная встреча политических лидеров государств Центральной Азии, за исключением главы Туркмении, которую представлял председатель парламента.

Стороны обсудили насущные для региона проблемы, а также вопросы торгово-экономического и транспортно-логистического характера.

Оценивая итоги встречи, президент Казахстана Н. Назарбаев подчеркнул, что пристальное внимание было уделено:

- пограничным проблемам в регионе;
- сотрудничеству спецслужб в борьбе с террористической угрозой;
- незаконному обороту наркотиков и оружия.

Что касается водно-энергетических коллизий, то было заявлено о стремлении избегать политических торгов при решении этого вопроса и учитывать интересы всех государств Центральной Азии [10].

Такая повестка наводит на мысль, что государства региона заинтересованы в более тесной кооперации по ключевым региональным проблемам без вмешательства внешних сил.

⁹ Узбекистан и Таджикистан подписались дружить // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3569218>

¹⁰ Президент Казахстана подвёл итоги саммита глав государств Центральной Азии // URL: <https://news.tj/ru/news/tajikistan/politics/20180315/prezident-kazahstana-podvel-itogi-sammita-glav-gosudarstv-tsentralnoi-azii>

По итогам консультативной встречи было решено проводить подобные встречи раз в год перед праздником Нооруз.

Таким образом, государства Центральной Азии встали на путь поиска взаимоприемлемой формулы мирного и взаимовыгодного сотрудничества. На фоне развития региональной интеграции Казахстан выдвинул инициативу о создании так называемого «среднеазиатского шенгена», т. е. о снятии визовых барьеров между центральноазиатскими государствами.

Оценивая встречу центральноазиатских лидеров в Астане, эксперты поспешили отметить, что началось формирование Центральной Азии как единого геополитического региона [11].

Казахский политолог Д. Сатпаев считает, что если государствам Центральной Азии удастся заложить фундамент сотрудничества по таким важным направлениям, как приграничное и водно-энергетическое взаимодействие, то можно будет говорить о перспективах развития центральноазиатской интеграции [4].

Ряд экспертов полагает, что ядром центральноазиатской интеграции могли бы выступить Казахстан и Узбекистан, при этом одной из причин объединения мог бы стать торгово-экономический фактор [12].

Однако по своему экономическому развитию центральноазиатские государства значительно отличаются друг от друга. Такая ситуация позволяет говорить о наличии регио-

нального лидера. В экономическом плане лидирует Казахстан, занимающий по уровню ВВП 56-е место в мире (2018 г.).

Узбекистан отличается высокой централизацией национальной экономики, а также продовольственной самодостаточностью.

Низкий уровень экономического развития имеют Киргизия и Таджикистан.

У всех центральноазиатских государств отсутствует технологический потенциал. Следует отметить, что два государства из Центрально-Азиатского региона – Казахстан и Киргизия – являются членами евразийской интеграции, следовательно, и евразийской экономической системы. Это участие проецируется на их внешнеполитическую ориентацию.

Дальнейшая активизация экономического сотрудничества между государствами Центральной Азии будет настолько реализуемой, насколько Таджикистан и Узбекистан будут готовы присоединиться к Евразийскому экономическому союзу.

Отсутствие лидера Туркмении на астанинской встрече глав государств Центрально-Азиатского региона воспринималось как индикатор незаинтересованности туркменских властей в региональной интеграции.

Однако позднее Г. Бердымухамедов обрисовал своё видение возможного варианта интеграции на встрече с президентами Киргизии С. Жээнбековым, прибывшим с государственным визитом в Туркмению (23 августа 2018 г.). Речь шла о создании Кон-

¹¹ Саммит глав ЦА в Астане. Итоги и перспективы // URL: <http://pikir-klub.kg/v-centremimaniya/1015-sammit-glav-ca-v-astane-itogi-i-perspektivy.html>

¹² Пять государств и/или один регион? Национально-региональный дуализм в Центральной Азии // URL: <http://www.fes-centralasia.org/files>

сультативного совета глав государств Центральной Азии, который бы содействовал эффективному решению всех спорных вопросов в регионе.

Ранее Туркмения предложила выстроить трёхступенчатую систему

взаимодействия между государствами региона, основанную на подготовительных экспертных встречах, совещаниях министров иностранных дел, саммитах глав государств Центрально-Азиатского региона.

Россия и центральноазиатская интеграция

Многие эксперты считают, что внешние силы: США, Китай и Россия препятствуют полноценной центральноазиатской интеграции – ведут геополитическую борьбу за природные ресурсы в регионе.

Таджикский политолог Н. Давлат считает, что «ни региональные, ни мировые державы не заинтересованы в объединении стран региона, которые имеют огромные углеводородные и гидроэнергетические ресурсы» [13], что «в геополитических интересах России, чтобы страны СНГ не разбежались по весям» [14].

Однако такой однобокий подход скрывает более существенные причины пробуксовывания центральноазиатской интеграции. Исторический шанс создать интеграционное объединение в Центральной Азии представился государствам ещё в середине 90-х годов XX в., но политические разногласия между ними взяли верх над экономиче-

ской целесообразностью укрепления сотрудничества. В современных геополитических реалиях конкуренция между глобальными державами в регионе усилилась, что может негативно повлиять на успешность центральноазиатской интеграции.

Государства региона за четверть века укрепили свою независимость и стали полноправными участниками мирового сообщества, но при этом лидерам суверенных республик необходимо проявлять политическую волю, что позволит увеличить шансы на успешность формирования и развития региональной интеграционной структуры. Думается, что и Москве была бы выгодна центральноазиатская интеграция, участники которой смогли бы самостоятельно и эффективно решать свои региональные проблемы, обеспечив тем самым стабильность и безопасность южных границ России.

Факторы интеграции и дезинтеграции региона

Формирование региональной интеграционной структуры в Центральной Азии, с одной стороны, яв-

ляется возможной из-за наличия ряда объективных предпосылок: географическое положение, эконо-

¹³ Может ли Центральная Азия создать Союз, подобный ЕС? // URL: <https://news.tj/ru/news/tajikistan/20180223/mozhet-li-tsentralnaya-aziya-sozdat-soyuz-podobnii-es>

¹⁴ О перспективах интеграции стран Центральной Азии // URL: <http://center.kg/article/182>

мическая взаимозависимость, общее историческое прошлое, но с другой – существует широкий спектр проблем, препятствующих сближению государств региона, требующих значительного времени для своего решения. Первый шаг в этом направлении сделан. На современном этапе благодаря активизации регионального взаимодействия удалось наладить переговоры по пограничным вопросам, по вопросам использования водных ресурсов и строительства гидроэлектростанций.

Несмотря на целую серию встреч, которые состоялись за последние годы, противоречия между государствами региона продолжают возникать. Так, напряжение наблюдается на трекке, связанном с блокированием транзита грузов через границы. В середине 2018 г. Туркмения без объяснения причин перестала пропускать через свою территорию фуры таджикских грузоперевозчиков. По всей видимости, туркменские власти в такой форме решили выразить недовольство в отношении планов Таджикистана и Узбекистана построить железную дорогу в Россию через территорию Казахстана в обход Туркмении.

Это не первый случай, когда по политическим причинам блокируются границы в Центральной Азии.

В целом тот уровень сотрудничества, который демонстрируют центральноазиатские государства в последнее время, является беспрецедентным. Благодаря инициативе Узбекистана наметилась позитивная и взаимовыгодная динамика сближения государств Центральной Азии. Политическое урегулирование всех насущных противоречий, создающих напряжённость

В 2017 г. по инициативе Казахстана была перекрыта киргизско-казахская граница в ответ на обвинения киргизских властей Казахстана во вмешательстве в президентские выборы в республике.

При этом стоит отметить, что Центральная Азия обладает большим транспортно-логистическим потенциалом и при правильном подходе его совместное использование государствами могло бы принести весомые выгоды для всех сторон.

Судьба региона во многом будет зависеть от способности центральноазиатских государств общими усилиями справиться с решением водно-энергетических проблем. По мнению экспертов, в перспективе страны столкнутся с существенными экологическими и социально-экономическими проблемами, связанными с увеличением дефицита водных ресурсов и создающими угрозу для орошаемого земледелия [15]. В результате прогнозируемого изменения климата в Центральной Азии может возникнуть «источник напряжённости между соседними государствами в вопросах координации и регулирования ирригационного и энергетического режима водных ресурсов региона» [16].

¹⁵ Штоль В. В. Ресурсы в борьбе за выживание человека // Обозреватель–Observer. 2019. № 10.

¹⁶ Орловский Н. С., Зонн И. С., Костяной А. Г., Жильцов С. С. Изменение климата и водные ресурсы Центральной Азии // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2019. № 1. С. 74.

между ними, отвечает их национальным интересам и закладывает основу для национального роста.

Однако нельзя исключать, что, мотивируя своих соседей на более тесное сотрудничество, Узбекистан может вынашивать планы по укреплению своего регионального лидерства. Если опираться на опыт европейской интеграции, то можно с уверенностью сказать, что со временем в любой интеграции появляются свои лидеры.

Тенденция к объединению государств Центральной Азии на региональном уровне получила новый импульс благодаря изменившимся приоритетам во внешней политике Узбекистана, однако это ещё не подразумевает создания каких-то экономических, а уж тем более политических наднациональных структур. Центральнoазиатские государства, получившие независимость четверть века назад, пока не готовы делегировать часть своего национального суверенитета надгосударственным структурам и не демонстрируют нужного уровня взаимного доверия, ограничиваясь исключительно консультативными встречами.

Политические амбиции практически всех лидеров центральноазиатских государств просматриваются в стремлении играть ведущую роль в регионе. Именно в вопросах региональной интеграции политические амбиции резко снижают шансы на развитие тесного внутрирегионального сотрудничества.

Чтобы создать возможность консолидации государств, странам Центральной Азии необходимо окончательно преодолеть все имеющиеся политические и экономические разногласия по вопросам спорных государственных границ, рационального использования водных ресурсов, создать условия для развития транспортно-коммуникационной инфраструктуры региона.

Библиография • References

- В Бишкеке эксперты обсуждают проблемы регионального сотрудничества в Центральной Азии // URL: <https://www.dw.com/ru>
- [V Bishkeke eksperty obsuzhdayut problemy regional'nogo sotrudnichestva v Central'noj Azii // URL: <https://www.dw.com/ru>]
- Визиты Мирзиёева в страны ЦА, или Первые политические шаги // URL: <https://ru.sputnik.kg/politics/20170307/1032097473/turne-mirziyoeva-po-stranam-cachto-prinesut-pervye-shagi.html>
- [Vizity Mirziyoeva v strany CA, ili Pervye politicheskie shagi // URL: <https://ru.sputnik.kg/politics/20170307/1032097473/turne-mirziyoeva-po-stranam-cachto-prinesut-pervye-shagi.html>]
- Дадабаева З.А. Таджикистан – Таможенный союз: возможности и перспективы взаимодействия // Проблемы постсоветского пространства. 2015. № 1. С. 36–57.
- [Dadabaeva Z. A. Tadjikistan – Tamozhennyj soyuz: vozmozhnosti i perspektivy vzaimodejstviya // Problemy postsovetskogo prostranstva. 2015. № 1. S. 36–57]
- Допустит ли Бишкек появления «старшего брата» в ЦА. Интервью с политологом // URL: <https://ru.sputnik.kg/opinion/20180318/1038219449/centralnaya-aziya-kyrgyzstan-liderstvo-dosym-satpaev.html>

- [Dopustit li Bishkek poyavleniya «starshego brata» v SA. Interv'yū s politologom // URL: <https://ru.sputnik.kg/opinion/20180318/1038219449/centralnaya-aziya-kyrgyzstan-liderstvo-dosym-satpaev.html>]
- Казахстанский эксперт: Региональная интеграция в Центральной Азии проблематична // URL: <https://www.dw.com/ru/>
- [Kazhastanskij ekspert: Regional'naya integraciya v Central'noj Azii problematichna // URL: <https://www.dw.com/ru/>]
- Косов Ю. В., Торопыгин А. В. Содружество Независимых Государств: Интеграция, парламентская дипломатия и конфликты. М.: Аспект Пресс, 2012. – 296 с.
- [Kosov YU. V., Toropygin A. V. Sodruzhestvo Nezavisimyh Gosudarstv: Integraciya, parlamentskaya diplomatiya i konflikty. M.: Aspekt Press, 2012. – 296 s.]
- Может ли Центральная Азия создать Союз, подобный ЕС? // URL: <https://news.tj/ru/news/tajikistan/20180223/mozhet-li-tsentralnaya-aziya-sozdat-soyuz-podobnii-es>
- [Mozhet li Central'naya Aziya sozdat' Soyuz, podobnyj ES? // URL: <https://news.tj/ru/news/tajikistan/20180223/mozhet-li-tsentralnaya-aziya-sozdat-soyuz-podobnii-es>]
- О перспективах интеграции стран Центральной Азии // URL: <http://center.kg/article/182>
- [O perspektivah integracii stran Central'noj Azii // URL: <http://center.kg/article/182>]
- Орловский Н. С., Зонн И. С., Костяной А. Г., Жильцов С. С. Изменение климата и водные ресурсы Центральной Азии // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2019. № 1. С. 56–78.
- [Orlovskij N. S., Zonn I. S., Kostyanoj A. G., Zhil'cov S. S. Izmenenie klimata i vodnye resursy Central'noj Azii // Vestnik Diplomaticheskoy akademii MID Rossii. Rossiya i mir. 2019. № 1. S. 56–78]
- Президент Казахстана подвёл итоги саммита глав государств Центральной Азии // URL: <https://news.tj/ru/news/tajikistan/politics/20180315/prezident-kazahstana-podvel-itogi-sammita-glav-gosudarstv-tsentralnoi-azii>
- [Prezident Kazahstana podvyol itogi sammita glav gosudarstv Central'noj Azii // URL: <https://news.tj/ru/news/tajikistan/politics/20180315/prezident-kazahstana-podvel-itogi-sammita-glav-gosudarstv-tsentralnoi-azii>]
- Пять государств и/или один регион? Национально-региональный дуализм в Центральной Азии // URL: <http://www.fes-centralasia.org/files>
- [Pyat' gosudarstv i/ili odin region? Nacional'no-regional'nyj dualizm v Central'noj Azii // URL: <http://www.fes-centralasia.org/files>]
- Саммит глав ЦА в Астане. Итоги и перспективы // URL: <http://pikir-klub.kg/v-centre-vnimaniya/1015-sammit-glav-ca-v-astane-itogi-i-perspektivy.html>
- [Sammit glav CA v Astane. Itogi i perspektivy // URL: <http://pikir-klub.kg/v-centre-vnimaniya/1015-sammit-glav-ca-v-astane-itogi-i-perspektivy.html>]
- Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах // URL: <http://strategy.regulation.gov.uz/ru/document/2>
- [Strategiya dejstvij po pyati prioritetnym napravleniyam razvitiya Respubliki Uzbekistan v 2017–2021 godah // URL: <http://strategy.regulation.gov.uz/ru/document/2>]
- Узбекистан и Таджикистан подписались дружить // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3569218>
- [Uzbekistan i Tadjhikistan podpisalis' druzhit' // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3569218>]

Штоль В. В. Ресурсы в борьбе за выживание человека // *Обозреватель–Observer*. 2019. № 10. С. 5–20.

[*SHtol' V. V.* Resursy v bor'be za vyzhivanie cheloveka // *Obozrevatel'–Observer*. 2019. № 10. S. 5–20]

Шумский Н. Н. Региональные экономические объединения постсоветских государств. Организационно-правовое обеспечение процессов интеграции. Минск: Белорусская наука, 2010.– 324 с.

[*SHumskij N. N.* Regional'nye ekonomicheskie ob'edineniya postsovetskih gosudarstv. Organizacionno-pravovoe obespechenie processov integracii. Minsk: Belorusskaya nauka, 2010.– 324 s.]

Статья поступила в редакцию 11 июля 2019 г.

Этнический раскол в электоральном поведении Латвии*

Игорь ОКУНЕВ
Лидия ЖИРНОВА

Многопартийная система в сочетании с конкурентными выборами в теории должна обеспечивать учёт интересов основных групп населения пропорционально их численности. Однако глубокий раскол в обществе может породить аномальную ситуацию, в которой значительная часть избирателей оказывается фактически изолирована от представительства и, соответственно, её влияние на принятие политических решений ничтожно.

Один из видов такого раскола – этнический. Не будучи учтённым институционально, этнический фактор может серьёзно исказить партийно-политический ландшафт и результаты голосования.

Как пример – устойчивая тенденция к этническому голосованию в Латвии, где партии чётко разделены на условно «латышские» и «русские», а основная «русская» партия, которая уже третий раз набирает на выборах большинство голосов, оказывается изолирована от формирования правительства из-за «красных линий» латышской правящей элиты.

ОКУНЕВ Игорь Юрьевич – кандидат политических наук, доцент, директор Центра пространственного анализа международных отношений ИМИ МГИМО МИД России. *SPIN-код:* 7633-0618, *E-mail:* iokunev@mgimo.ru

ЖИРНОВА Лидия Сергеевна – эксперт Центра пространственного анализа международных отношений ИМИ МГИМО МИД России. *SPIN-код:* 5840-2718, *E-mail:* l.zhirnova@inno.mgimo.ru

Ключевые слова: Латвия, Рига, Латгалия, этнический раскол, парламентские выборы, регионы, национальные меньшинства, русскоязычные, представительство.

* Статья написана в рамках реализации гранта Российского научного фонда «Трансформации электорального поведения в регионах зарубежных стран, пограничных с Российской Федерацией: сравнительный пространственный анализ».

В рамках реализации гранта Российского научного фонда «Трансформации электорального поведения в регионах зарубежных стран, пограничных с Российской Федерацией: сравнительный пространственный анализ» группа исследователей Центра пространственного анализа международных отношений ИМИ МГИМО МИД России проводит сравнение регионального распределения результатов последних четырёх парламентских циклов в приграничных странах, в том числе и в Латвии. Хотя молодые исследователи только приступают к обобщению и анализу данных по этой тематике, но уже сейчас ясно, что такой подход может оказаться продуктивным с точки зрения анализа политической системы соседей России и влияния пространственного фактора на неё.

Изучение электорального поведения приграничных стран является актуальным для создания фундаментальной базы для разработки соответствующей внешней политики России в отношении этих государств. В случае Латвии, страны с высокой долей русскоязычного населения, важность таких исследований только растёт с учётом чёткого курса России на защиту прав соотечественников за рубежом.

Этнический раскол на выборах в Латвии в научной литературе

Электоральная проблематика Латвии регулярно привлекает внимание латвийских и российских исследователей. Как правило, поводом для таких публикаций становятся очередные выборы, и авторы неизменно фиксируют этнический раскол, влияющий на результаты.

Как отмечает Я. Икстенс [1], этнический фактор в голосовании превышает по значимости все остальные, в том числе и оценку лидеров той или иной партии. Более того, особенности электорального поведения молодёжи свидетельствуют о воспроизводстве того же самого этнополитического раскола в следующем поколении граждан страны.

Эту же мысль подчёркивает А. В. Солопенко [2], проанализировавший электоральное поведение русскоязычных граждан Латвии и Эстонии в 2011–2018 гг.

Согласно его исследованию этнический фактор голосования перекрывает социально-экономические различия русскоязычных избирателей Латвии и Эстонии в отличие от других восточноевропейских стран, где эта характеристика имеет значимость для электорального поведения. В то же время А. В. Солопенко выделил определённые различия в голосовании по линии «город – село», однако это связано с особенностями расселения – русскоязыч-

¹ Ikstens J. Etniskā identitāte un politiskā rīcībspēja // Daudzveidīgās un mainīgās Latvijas identitātes. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2014.

² Солопенко А. В. Некоторые аспекты электорального поведения русскоязычных граждан Латвии и Эстонии в 2011–2018 гг. // Научные доклады Российской ассоциации прибалтийских исследований. Серия 1. Внутренняя и внешняя политика. Вып. 5. М.: Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2018.

ные проживают в основном в городах.

Значимость национального раскола в политике осознают и основные политические силы.

Как отмечала Ю.Г. Андриушечко после выборов 2010 г., программы правящих партий, которые так или иначе ориентированы на национально-консервативный латышский электорат, не содержали конструктивных предложений по интеграции русскоязычного меньшинства в общественно-политическую жизнь страны, и с тех пор большого прогресса не наблюдается. Латышские политики продолжают эксплуатировать риторику «игры с нулевой суммой», поддерживая представление о том, что любые уступки русскоязычным – это проигрыш латышей [3].

Бескомпромиссность своей позиции «латышские» партии продемонстрировали при формировании правительства после внеочередных выборов 2011 г., организованных после роспуска Сейма президентом В. Затлерсом. На этих выборах партия «Согласие» в составе объединения «Центр согласия» впервые победила не только в регионах с преобладанием русскоязычного населения, но и в целом по стране, набрав более 28% голосов. Однако правящая элита изолировала «Согласие» от формирования правительства.

Как отмечал М.В. Александров, такой подход показал бесперспек-

тивность попыток найти компромисс с «латышскими» партиями. Ни гражданство, ни изучение латышского языка, ни даже признание тезиса о так называемой советской оккупации не помогло «Согласию» получить место в кабинете министров, хотя оно и получило большинство голосов в 2011 г., а также на выборах 2014 и 2018 гг. [4].

Сохранить лидирующие позиции в следующих электоральных циклах «Согласию» помогал не только этнический раскол.

По оценке Р.Х. Симоняна и Т.М. Кочегаровой, важную роль сыграло также умелое руководство партией и преодоление склонности к разобщённости, которая наблюдается у русскоязычных общин стран Балтии [5].

Выборы 2018 г. были отмечены усилением раздробленности парламента: крупные фракции удалось создать трём партиям, прошедшим в Сейм впервые (*KPV LV*, Новая консервативная партия, «Для развития/За!»).

Как подчёркивает В.В. Воротников, новые силы смогли обеспечить себе представительство в парламенте благодаря волне популизма и общему разочарованию электората в политическом курсе страны. Правда, молодым партиям пришлось отказаться от радикальных лозунгов преобразования, когда они вошли в правительство, составленное из пяти партий.

³ Андриушечко Ю.Г. Интеграционные вопросы в программах латвийских партий. Ч. 1. Выборы в Сейм 2010 г. // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2012. Т. 8. № 1.

⁴ Александров М.В. Политический кризис в Латвии обнажил системные проблемы латвийской государственности // Обозреватель–Observer. 2011. № 12.

⁵ Симонян Р.Х., Кочегарова Т.М. Партия «Согласие» вновь побеждает (по результатам парламентских выборов в Латвии) // Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. 2014. № 3–4.

Причём возглавил кабинет министров К. Кариньш, представитель самой малочисленной фракции в Сейме. В оппозиции остались только две политические силы – «Согласие» вместе с бывшей премьерской партией Союз зелёных и крестьян [6].

Говоря о глубинных причинах этнического раскола в электоральном поведении Латвии, М. Куклис отмечает, что латвийская политическая система изначально формировалась на принципах этнической демократии. Это развитие предопределило решение политической элиты дать гражданство только тем латвийцам, которые проживали на территории Латвии до 1940 г., а остальные – при-

ехавшие в страну в советское время – получили статус неграждан без права избирать и быть избранными [7].

В отличие от предыдущих исследований в центре внимания данной работы не результаты выборов в целом, а голосование в двух регионах Латвии, где русскоязычное население составляет большинство, – Риге и Латгалии. Анализ динамики электоральных процессов на этих территориях позволит ярче выявить особенности этнического голосования и показать ключевой механизм изоляции русскоязычного населения от принятия основных политических решений в стране, а также его последствия для партийно-политической системы в целом.

Регионы Латвии с преобладанием русскоязычных

Хотя во многих постсоветских странах сохранились крупные русские общины, пример Латвии уникален, поскольку здесь русскоязычные жители составляют более трети населения. При этом русский язык в этой стране не имеет даже регионального статуса и классифицируется как иностранный наравне с такими языками, как, к примеру, китайский или суахили. Более того, официальные языки Европейского союза по ряду параметров пользуются большими

привилегиями по сравнению с русским.

По данным Центрального статистического управления (ЦСУ) Латвии на конец 2017 г., 36% населения страны считают родным языком русский, 60,8% – латышский [8].

Следует учитывать, что русский язык называют родным не только этнические русские, которых в том же 2017 г., по данным ЦСУ, было 25,4%, но и представители других национальностей – белорусы, украинцы и т. д. [9].

⁶ Воронников В. В. Партия «Согласие» на парламентских выборах в Латвии 2018 года: победа без победителя // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 5.

⁷ Kuklys M. Legislative elites in multi-ethnic Latvia after 1990 // Semenova E., Edinger M., Best H. (eds). Parliamentary Elites in Central and Eastern Europe: Recruitment and Representation. L.; N.Y.: Routledge, 2014.

⁸ Centrālā statistikas pārvalde. 60,8% Latvijas iedzīvotāju dzimtā valoda ir latviešu // URL: <https://www.csb.gov.lv/lv/statistika/statistikas-temas/iedzivotaji/meklet-tema/2747-608-latvijas-iedzivotaju-dzimta-valoda-ir-latviesu>

⁹ Centrālās statistikas pārvalde. Pastāvīgie iedzīvotāji pēc tautības gada sākumā // URL: <https://www.csb.gov.lv/lv/statistika/statistikas-temas/iedzivotaji/iedzivotaju-raditaji/tabulas/irg069/pastavigie-iedzivotaji-pec-tautibas-gada>

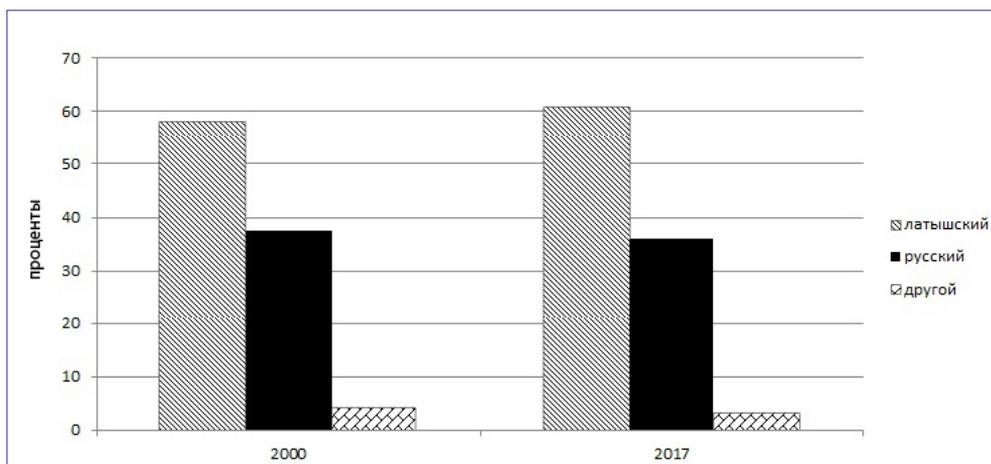

Рис. 1. Родной язык жителей Латвии в 2000 и 2017 гг. по данным ЦСУ

При этом с начала 2000-х годов доля русскоязычного населения сократилась, но только на 1,5% (рис. 1).

В двух из шести статистических регионах Латвии доля русского как родного языка превышает 50%: это столица Рига, где родным русский называют 53,5% населения, и восточный регион Латгалия, граничащая с Россией и Белоруссией, где этот показатель достигает 55,5% [8].

Ещё больше латвийцев говорят по-русски дома – в целом по стране таких жителей 37,7%, в Риге – 56,1%, а в Латгалии – 60,3% [8]. Это связано в том числе с высокой долей смешанных браков – 37% (рис. 2).

С учётом растущего внимания российской внешней политики к проблематике соотечественников за рубежом представляется целесообразным сосредоточиться именно на электоральном поведении в этих двух регионах. Их сравнение между

собой интересно с точки зрения рассмотрения различий между центром и периферией.

При этом необходимо учитывать, что более 220 тыс. чел. в Латвии по-прежнему являются негражданами и не имеют права участвовать в выборах (это лишь одно из десятков отличий в статусе граждан и неграждан). В 2017 г. их доля в населении Латвии в целом составляла 11,4%, а в Риге и крупнейшем городе Латгалии – Даугавпилсе – этот показатель был ещё значительнее: в Риге неграждан было 17,8%, а в Даугавпилсе – 16% [10].

Таким образом, неграждане – часть русскоязычного населения, которая изначально изолирована от принятия политических решений, но оплачивает их реализацию своими налогами. Однако правящая элита Латвии не допускает к управлению государством и тех русскоязычных, которые получили гражданство и право голоса.

¹⁰ Centrālās statistikas pārvalde. Iedzīvotāju skaits pēc valstiskās piederības statistiskajos reģionos un republikas pilsētās gada sākumā // URL: <https://www.csb.gov.lv/lv/statistika/statistikas-temas/iedzivotaji/iedzivotaju-raditaji/tabulas/irg130/iedzivotaju-skaits-pec-valstiskas>

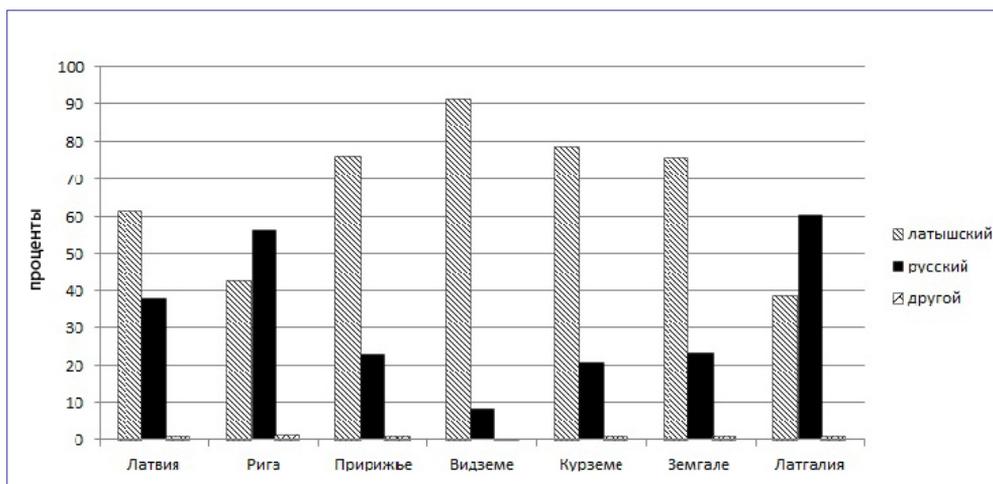

Рис. 2. Язык, на котором жители Латвии говорят дома, по регионам (по данным ЦСУ за 2017 г.)

Результаты выборов в Сейм Латвии: растущая фрагментация

Сейм Латвии состоит из ста депутатов, которые избираются на основе пропорциональной системы в пяти многомандатных округах. Количество парламентариев от каждого округа не фиксировано и зависит от численности населения, но чтобы пройти в парламент, необходимо преодолеть 5-процентный барьер.

Результаты голосования за последние четыре электоральных цикла (выборы 2010, 2011, 2014 и 2018 гг.) показывают усиление фрагментации партийно-политического ландшафта и рост поддержки «молодых» партий.

Действительно, ещё в 2014 г. четыре крупные партии набрали бо-

лее 15% голосов и три из них – «латышские» – сформировали правительство. В 2018 г. лишь одной политической силе удалось набрать более 15% голосов, а три партии, впервые прошедшие в парламент, набрали 12–14% голосов, сформировали весьма весомые фракции и в итоге вошли в правительство*.

При этом партии предыдущей правящей коалиции в 2018 г. оказались в меньшинстве, причём одна из них – «Новое Единство» – едва прошла в парламент, набрав 6,7% (хотя даже такой результат стал сюрпризом для многих экспертов и большой радостью для руководства партии).

* Здесь и далее результаты выборов представлены по данным ЦИК Латвии. Для целей исследования рассматривается голосование только в Риге без учёта зарубежных участков (Centrālā vēlēšanu komisija. 13. Saeimas vēlēšanas // URL: <https://www.cvk.lv/lv/velesanas/saeimas-velesanas/13-saeimas-velesanas>).

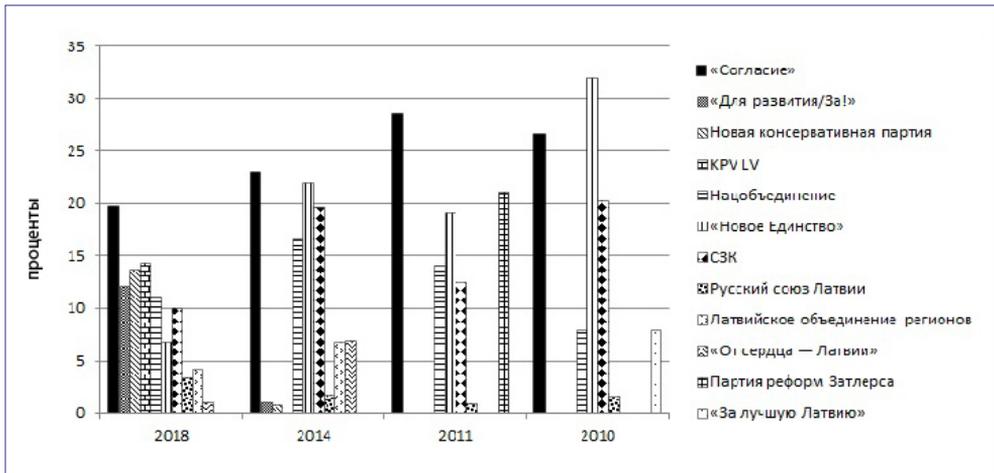

Рис. 3. Результаты парламентских выборов в Латвии в 2010–2018 гг. по данным ЦИК Латвии

Несмотря на это, после трёхмесячных переговоров о формировании правящей коалиции именно эта партия, имеющая самую маленькую фракцию в нынешнем парламенте, возглавила новое правительство.

О разочаровании избирателей свидетельствует тот факт, что последние три электоральных цикла в парламент проходит партия, созданная незадолго до выборов на не вполне чётких идеологических основаниях и завоевавшая поддержку избирателей во многом благодаря популярности лидера и популистским лозунгам. Все эти партии теряли поддержку избирателей в первый же год работы в Сейме и переживали серьёзные внутренние трудности.

В 2011 г. это была «Партия реформ Затлерса», набравшая на выборах 21% голосов, в 2014 г. – партия «От сердца – Латвии» бывшей главы Госконтроля И. Судрабы, в 2018 г. – партия KPV LV (лат. *Kam pieder valsts?* – «Кому принадлежит государство?») актёра А. Кайминьша.

Однако основная тенденция всех этих электоральных циклов связана с высоким результатом партии «Согласие», за которую отдают свои голоса большинство русскоязычных избирателей. Только в 2010 г. партии не удалось победить на выборах – она получила 26,6% голосов – это был второй результат после «Единства» (31,9%).

На внеочередных выборах 2011 г. результат «Согласия» только вырос и составил 28,6% голосов, больше всех остальных политических сил. Впоследствии популярность «Согласия» начала снижаться, однако ему удавалось победить как на выборах 2014 г. (23%), так и в 2018 г. (19,8%). Несмотря на это, партию не допускали к формированию правительства.

Русскоязычный электорат представляет и другая латвийская партия – «Русский союз Латвии» (до 2014 г. – ЗаПЧЕЛ – «За права человека в единой Латвии»). Эта партия намного решительнее постулирует приоритет борьбы за права русско-

язычных и готова к более решительным мерам.

В последних четырёх созывах парламента «Русский союз Латвии» (РСЛ) не был представлен, что во многом связано с оттоком избирателей к «Согласию». С 2010 по 2014 г. поддержка партии колебалась в пределах 0,7–1,6%. Однако в 2018 г. её результат составил 3,2%.

Рост поддержки связан с недовольством русскоязычными реформой министра образования К. Шадурскиса, которая подразумевает полный перевод школьного обучения на латышский язык и ко-

нец школ нацменьшинств. Негодование части избирателей вызвала и пассивность «Согласия» в этом вопросе: имея крупнейшую фракцию в Сейме, партия, опирающаяся на русскоязычный электорат, не использовала все рычаги, которые доступны оппозиции, и не поддержала многотысячные акции протеста, организованные РСЛ. «Согласие» сделало ставку на неэффективное судебное разбирательство в отношении реформы, когда Конституционный суд признал её законной для государственных школ.

Этническое голосование в Риге и Латгалии

В регионах Латвии с преобладающим русскоязычным населением этническое голосование проявляется ещё более наглядно. Ни в Риге, ни в Латгалии за последние четыре электоральных цикла не было такого случая, чтобы на выборах победила какая-то другая партия, кроме «Согласия».

Как и на общенациональном уровне, максимальный результат партия набрала в 2011 г., однако в Риге и Латгалии он был ещё больше – 43,2% и 52,6% соответственно, т. е. в Латгалии «Согласие» в тот раз получило абсолютное большинство.

На рис. 4 и 5 хорошо видно, насколько менее значительны результаты остальных партий на фоне поддержки «Согласия».

Таким образом, от трети до половины избирателей – представители русскоязычного меньшинства – из года в год отдают свои голоса за одну и ту же партию, которая в итоге не имеет возможности участвовать в

формировании правительства, даже если побеждает на выборах.

Получается, что русскоязычных в Латвии не допускают до управления государством сразу по двум направлениям: значительная часть – это неграждане без права голоса, а русскоязычные избиратели не могут добиться своего представительства в правительстве, даже если консолидированно голосуют за одну и ту же партию и обеспечивают ей победу на выборах.

Сложившаяся ситуация вредит не только русскоязычному меньшинству: «латышские» партии вынуждены идти на крайне болезненные компромиссы, чтобы оставить «Согласие» за бортом. Как уже упоминалось, после выборов 2018 г. в правительство вошли пять из семи парламентских партий: чтобы получить устойчивое большинство, пришлось объединиться политическим силам с полярными идеологическими установками, при том что они активно критиковали

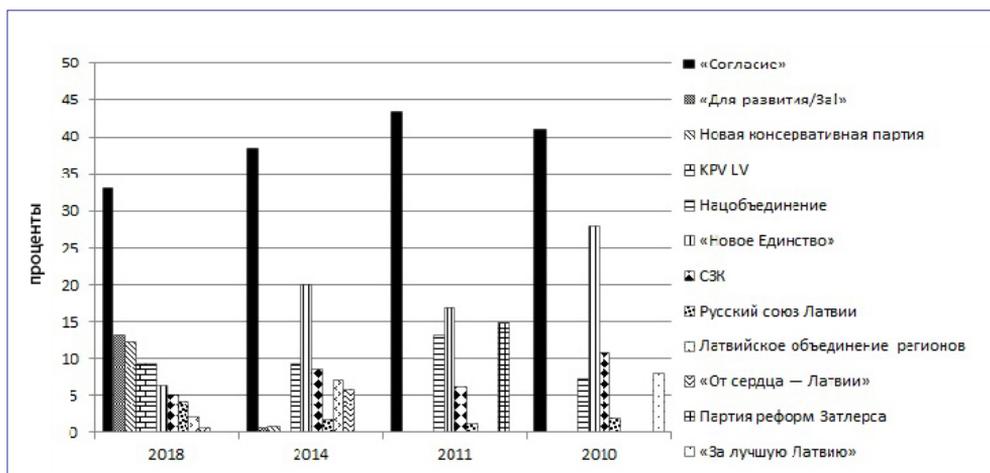

Рис. 4. Результаты парламентских выборов в Риге в 2010–2018 гг. по данным ЦИК Латвии

друг друга перед выборами. В итоге две из трёх партий прошлого кабинета министров вошли и в новый, а одна из них возглавила его, хотя выборы, по сути, проиграла.

В такой атмосфере договориться о каких-либо масштабных социально-экономических и политических реформах очень трудно, и партиям приходится отказываться от предвыборных обещаний и собственных убеждений. Тем временем необходимость коренных изменений только нарастает с учётом негативных демогра-

фических тенденций и глубокой зависимости от внешней волатильности.

Такая расстановка сил усугубляет устойчивое недоверие общества к демократическим процессам в стране.

По последним данным Центра исследований общественного мнения SKDS, которые публиковал директор центра А. Кактиньш, 47% латвийцев недовольны функционированием демократии в стране, причём среди русскоязычных этот показатель достигает 53% [11].

Что дальше

Этнический раскол в Латвии и его влияние на выборы – это устойчивая тенденция, которая наиболее чётко проявляется в регионах с преобладанием русскоязычного населения – Риге и Латгалии. Раз за разом

повторяется ситуация, когда партия «Согласие», за которую голосуют в основном представители русскоязычного меньшинства, побеждает на выборах, но не может войти в правительство.

¹¹ Twitter/Arnis Kaktiņš // URL: <https://twitter.com/ArnisKaktins/status/1179790465610272768>

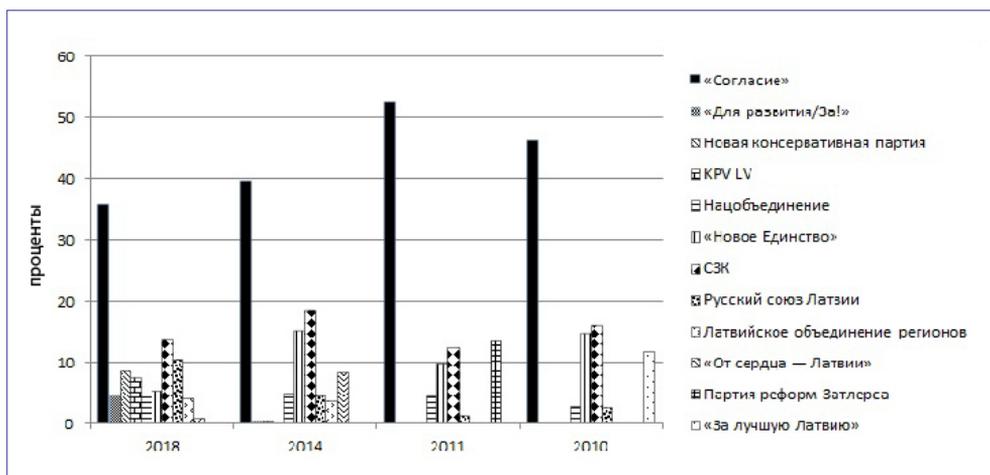

Рис. 5. Результаты парламентских выборов в Латгалии в 2010–2018 гг. по данным ЦИК Латвии

Партии «латышского» крыла вынуждены идти на болезненные компромиссы, чтобы в очередной раз не допустить «Согласие» в кабинет министров. Они концентрируются на борьбе с «прокремлёвской» партией в ущерб реализации крайне значимых для страны преобразований.

Всё это не укрепляет доверия населения к органам власти, усугубляет в обществе ощущение бессилия, невозможности повлиять на политический курс, хотя это в большей степени касается русских, чем латышей. В конечном счёте это стимулирует дальнейшую эмиграцию.

Как можно было бы выйти из этого тупика?

Приёмы регионализации, которые могли бы обеспечить институционализацию участия русскоязычного меньшинства в политической жизни, для латвийской элиты неприемлемы, поскольку русские сосредоточены в стратегическом столичном и не менее стратегическом, пусть малонаселённом и де-

прессивном приграничном регионе.

Попытки «Согласия» инициировать сотрудничество с «латышскими» партиями на основе лишённых этнического компонента принципов социал-демократии не увенчались успехом, потому что в условиях повышенной фрагментации любая партия, согласившаяся на такую кооперацию, станет объектом нападок для остальных «партиёров», которые обвинят её в предательстве национальных интересов, угрозе государственной безопасности и поддержке «враждебной политики Кремля».

Однако в конечном счёте время на стороне «латышских» партий. Уже сейчас русскоязычное население преобладает среди старших возрастных групп. Среди граждан страны в возрасте от 55 до 64 лет по-русски дома говорят почти 45%, а для возрастной группы от 15 до 24 лет этот показатель составляет лишь немногим больше 30%.

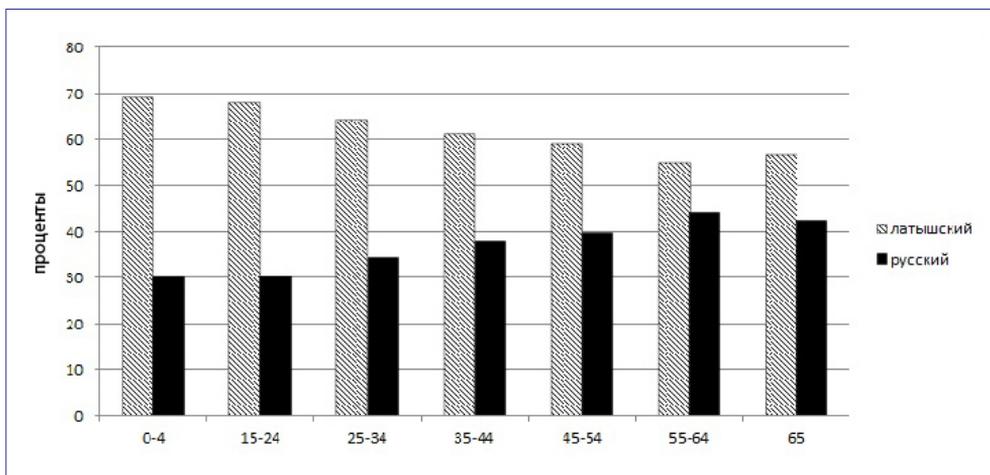

Рис. 6. Язык, на котором жители Латвии говорят дома, по возрастным группам, по данным ЦСУ за 2017 год

Тенденцию к старению русскоязычного населения в ближайшие десятилетия серьезно усугубит образовательная реформа: русский язык будет полностью вытеснен из системы даже частного среднего и высшего образования, правящая коалиция достигнет концептуального соглашения о необходимости полностью перевести дошкольные образовательные учреждения на латышский язык. В этой обстановке молодое поколение нацменьшинств будет владеть родным языком намного хуже, чем их родители, а русскоязычная община станет малочисленнее и менее консолидированной (рис. 6).

Возможности России повлиять на эти негативные для зарубежных соотечественников тенденции ограничены, но далеко не исчерпаны.

Следует максимально задействовать механизмы международных организаций, которые занимаются

правозащитной тематикой, регулярно напоминать международным партнёрам об ограничении прав русскоязычных в Латвии и других странах Балтии в целом. Важно развивать платформы дистанционного обучения, которые могли хотя бы частично компенсировать вытеснение русского языка из системы образования, а также по возможности форсировать открытие русской школы при посольстве России в Риге.

Ключевой элемент поддержки соотечественников – это повышение международного престижа Российской Федерации, превращение её в передовой центр развития экономики и науки.

Эти меры позволят не допустить разрушения русскоязычной общины в Латвии и других странах и привлечь молодых соотечественников к сохранению русского языка и правозащитной деятельности.

Библиография • References

- Александров М. В.* Политический кризис в Латвии обнажил системные проблемы латвийской государственности // *Обозреватель–Observer*. 2011. № 12. С. 61–67.
- [*Aleksandrov M. V.* Politicheskiy krizis v Latvii obnazhil sistemnye problemy latvijskoj gosudarstvennosti // *Obozrevatel’–Observer*. 2011. № 12. С. 61–67]
- Андрющенко Ю. Г.* Интеграционные вопросы в программах латвийских партий. Ч. 1. Выборы в Сейм 2010 г. // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2012. Т. 8. № 1. С. 223–232.
- [*Andrjushhenko Ju. G.* Integracionnye voprosy v programmah latvijskih partij. Ch. 1. Vybery v Sejm 2010 g. // *Politicheskaja jekspertiza: POLITeKS*. 2012. T. 8. № 1. S. 223–232]
- Воротников В. В.* Партия «Согласие» на парламентских выборах в Латвии 2018 года: победа без победителя // *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2018. № 5. С. 85–90.
- [*Vorotnikov V. V.* Partija «Soglasie» na parlamentskih vyborah v Latvii 2018 goda: pobeda bez pobeditelja // *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN*. 2018. № 5. S. 85–90]
- Симонян Р. Х., Кочегарова Т. М.* Партия «Согласие» вновь побеждает (по результатам парламентских выборов в Латвии) // *Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации*. 2014. № 3–4. С. 155–171.
- [*Simonjan R. H., Kochegarova T. M.* Partija «Soglasie» vnov’ pobezhdaet (po rezul’tatam parlamentskih vyborov v Latvii) // *Ezhegodnik Instituta mezhdunarodnyh issledovanij Moskovskogo gosudarstvennogo instituta mezhdunarodnyh otnoshenij (Universiteta) Ministerstva inostrannyh del Rossijskoj Federacii*. 2014. № 3–4. S. 155–171]
- Солопенко А. В.* Некоторые аспекты электорального поведения русскоязычных граждан Латвии и Эстонии в 2011–2018 гг. // *Научные доклады Российской ассоциации прибалтийских исследований. Серия 1. Внутренняя и внешняя политика*. Вып. 5. М.: Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2018. – 64 с.
- [*Solopenko A. V.* Nekotorye aspekty elektoral’nogo povedeniya russkoyazychnyh grazhdan Latvii i Estonii v 2011–2018 gg. // *Nauchnye doklady Rossijskoj associacii pribaltijskih issledovanij. Seriya 1. Vnutrennyaya i vneshnyaya politika*. Вып. 5. М.: Associaciya knigoizdatelej «Russkaya kniga», 2018. – 64 s.]
- Centrālā statistikas pārvalde. 60,8% Latvijas iedzīvotāju dzimtā valoda ir latviešu // URL: <https://www.csb.gov.lv/lv/statistika/statistikas-temas/iedzivotaji/meklet-tema/2747-608-latvijas-iedzivotaju-dzimta-valoda-ir-latviesu>
- Centrālās statistikas pārvalde. Pastāvīgie iedzīvotāji pēc tautības gada sākumā // URL: <https://www.csb.gov.lv/lv/statistika/statistikas-temas/iedzivotaji/iedzivotaju-raditaji/tabulas/irg069/pastavigie-iedzivotaji-pec-tautibas-gada>
- Centrālās statistikas pārvalde. Iedzīvotāju skaits pēc valstiskās piederības statistiskajos reģionos un republikas pilsētās gada sākumā // URL: <https://www.csb.gov.lv/lv/statistika/statistikas-temas/iedzivotaji/iedzivotaju-raditaji/tabulas/irg130/iedzivotaju-skaits-pec-valstiskas>

Centrālā vēlēšanu komisija. 13. Saeimas vēlēšanas // URL: <https://www.cvk.lv/lv/velesanas/saeimas-velesanas/13-saeimas-velesanas>

Twitter/Arnis Kaktiņš // URL: <https://twitter.com/ArnisKaktins/status/1179790465610272768>

Ikstens J. Etniskā identitāte un politiskā rīcībspēja // Daudzveidīgās un mainīgās Latvijas identitātes. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2014. C. 95–109.

Kuklys M. Legislative elites in multi-ethnic Latvia after 1990 // E. Semenova, M. Edinger, H. Best (eds). Parliamentary Elites in Central and Eastern Europe: Recruitment and Representation. L.; N. Y.: Routledge, 2014. P. 122–144.

Статья поступила в редакцию 30 октября 2019 г.

Пример оформления библиографических ссылок по стандартам транслитерации

Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15256>

[*Ukaz Prezidenta RF ot 7 maia 2012 g. «O merakh po realizatsii vneshnepoliticheskogo kursa Rossiiskoi Federatsii» // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15256>*]

Пономарева Е. Г., Рудов Г. А. «Цветные революции»: природа, символы, технологии // Обозреватель–Observer. 2012. № 3. С. 36–48.

[*Ponomareva E.G., Rudov G.A. «Tsvetnye revoliutsii»: priroda, simvoliy, tekhnologii // Obozrevatel–Observer. 2012. № 3. С. 36–48*]

Глобальность театрализации и театральность геополитики

Людмила ТЕРНОВАЯ

Ещё в античный период великими греческими драматургами была замечена похожесть мира и театра. Действительно, в период расцвета Афин просмотр театральной постановки трагедии собирал всё население полиса, кроме рабов.

Это единение социума и театра более четырёх веков назад Уильям Шекспир в комедии «Как вам это понравится» заключил, что «весь мир есть театр».

И с каждым следующим столетием способность театра отражать все человеческие радости и горести только расширялась, привнося в театральную жизнь темы, волнующие людей, и создавая новые приёмы их сценической интерпретации.

На весах, измеряющих силу влияния общества на театр и театра на общество, до недавнего времени первая чаша, т. е. воздействия театра на социум, перевешивала.

Есть театральная байка о том, что в период правления в России императора Николая I во Франции решили поставить пьесу, посвящённую Екатерине II, где государыню представляли в достаточно легкомысленном виде.

«Когда Николаю Павловичу об этом доложили, он велел российскому послу в Париже передать французскому правительству своё глубочайшее недовольство этим фактом. Французы, однако, заявили, что запрещать пьесу они не намерены, ибо во Франции существует свобода слова и каждый волен выражать

ТЕРНОВАЯ Людмила Олеговна – доктор исторических наук, профессор, профессор Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ). *E-mail:* 89166272569@mail.ru

Ключевые слова: глобализация, геополитика, политическое лидерство, театр, театрализация.

свою точку зрения. Николай на это ответил, что в таком случае он отправит на премьеру триста тысяч зрителей в серых шинелях. Едва французское правительство получило такой ответ русского императора, оно немедленно запретило ставить этот спектакль» [1].

Сила давления политики на театральный мир особенно отчётливо проявлялась не в периоды революционных преобразований, а когда новая власть начинала постепенно преобразовывать под свои интересы и вкусы уже очищенную от прежних хозяев политическую сцену. Именно такую ситуацию рисует Михаил Булгаков в романе «Записки покойника» [2], где мир советского театра 1920–1930-х гг. «со всеми его разнообразными обитателями предстаёт в виде утопического царства-государства, отделённого от окружающего мира “железными средневековыми дверями”, охраняемого таинственными стражниками» [3].

Выдающийся отечественный театральный критик, историк театра Анатолий Смелянский отмечает: «В огромном мировом городе театр изолирован, как некая крепость или монастырь со своим уставом. Мотив волшебной очерченности или спасительной замкнутости театральной площади – один из самых стойких мотивов булгаковской книги» [4].

После окончания Второй мировой войны в условиях, когда Запад столкнулся с массовым молодёжным протестом, политически орга-

низованный социум, даже если оправдывал данное ему Ги Дебором в 1967 г. определение «Общества спектакля» или «Общества зрелища» (фр. *La Société du spectacle*), власть сохраняла огромные силы, чтобы управлять воздействием искусства театра на массовое сознание [5]. Лишь с появлением того явления, которое условно учёные и СМИ окрестили «глобализацией», чаши уравнялись, а затем обнаружилась резкая активизация воздействия театра на социально-политические реалии, порой даже переходящая в «духовную агрессию».

Причины такой трансформации очевидны.

Первая их них состоит в том, что глобальный мир превратился в глобальную зрительскую аудиторию, при всём своём гигантском размахе подчиняющуюся тем же законам, что и любая общность, потребляющая любое зрелище. Экстраполяция практик управления одним зрителем, приобретённых в камерном театре, на эту колоссальную массу созерцателей мирового театрализованного действия стала возможной благодаря новейшим технологиям. Одной из ярчайших де-

¹ Свистунов А. Театр в политике и политика в театре // URL: <https://fakel-history.ru/teatr-v-politike>.

² Булгаков М. А. Записки покойника. Театральный роман. СПб.: Кристалл, 2001.

³ Стахорский С. В. Утопические мотивы в романе М. А. Булгакова «Записки покойника» // Вестник РУДН. Серия «Литературоведение, журналистика». 2001. № 5. С. 48.

⁴ Смелянский А. М. Михаил Булгаков в Художественном театре / вст. ст. О. Н. Ефремова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Искусство, 1989. С. 399.

⁵ Дебор Г. Общество спектакля / пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович. М.: Логос, 1999.

монстраций прогресса стал запуск 4 октября 1957 г. первого искусственного спутника Земли. Позже, оценивая это событие, канадский философ, филолог и литературный критик Маршалл Маклюэн напишет статью, в названии которой сразу же выразит суть произошедшей перемены: «С появлением спутника планета стала глобальным театром, в котором нет зрителей, а есть только актёры» [6].

Нельзя не отметить наличие некоего пафоса в названии статьи Маклюэна, поскольку, как в любой пьесе актёры не равны, так и в жизни, в этом глобальном театре люди порой лишь прибывают в убеждении своей включённости в действие.

Немецкий политолог Томас Майер называет такое положение «демократией зрителей», когда при посредстве медиа опосредованной и чисто эмоциональной вовлечённости граждан в политику у них отсутствует возможность влиять на неё [7].

Современные СМИ, как считает другой немецкий автор, Ульрих Сарцинелли, помогают заинтересованным политическим силам формировать именно такие коммуникативные модели, которые обеспечивают им общественную поддержку за счёт создания различных конструкторов символического мира, включающих риторические приёмы, политиче-

ские ритуалы, мифы, стратегии, визуальные знаки.

Всё это ещё более сближает политику и театр [8].

Справедливости ради отметим, что театр изначально строился на дружбе с технологиями, благодаря специальным эффектам зритель не просто верил в возможность воплощения в реальности театральной иллюзии, а искренне сопереживал героям и достигал катарсиса (др.-греч. κάθαρσις – возвышение, очищение, оздоровление). Чем технологичнее становилось театральное зрелище, тем большие возможности видела власть в использовании его влияния на управление социальным поведением. Технологические достижения развивали театр как искусство, и они же влияли на театрализацию политики, которая, становясь всё более жёсткой, усиливала свою зрелищность, добавляя в каждый политический шаг элемент театральности [9].

Немецкие исследователи связи театра и политики Томас Майер и Мартина Кампманн указывают на особое значение телевидения и СМИ в проникновении ценностей критериев театра в политическую жизнь [10]. Майер связывает типы символической политики с моделями символического «инсценирования»: театральной, драматической и перформансной [7]. На новой «элек-

⁶ McLuhan M. At the moment of Sputnik the planet becomes a global theatre in which there are no spectators but only actors // Journal of Communication. 1974. Winter. P. 48–58.

⁷ Meyer Th. Inszenierung des Scheins. Voraussetzungen und Folgen symbolischer Politik. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1992. S. 189.

⁸ Политика и личность / под ред. Й. Поллака, У. Сарцинелли, Ф. Загера, А. Циммер; пер. С. С. Дмитриев. М.: Гуманитарный центр. 2012.

⁹ Коваленко В. А. Процесс театрализации политики. Дис. ... канд. полит. наук; Р. н/Д., 2006.

¹⁰ Meyer Th., Kampmann M. Politik als Theater. Die neue Macht der Darstellungskunst. В.: Aufbau-Verlag, 1998.

тронной сцене», по образному выражению исследователя, политик достигает высшей формы театральности, фиксируемой закреплением в сознании зрителя театрализованной эстетикой лозунгов, дресс-кода, властного антуража. Беда состоит в том, что сюжет, пригодный для подлинного театра, в живом политическом контексте трансформируется, теряя самую суть, становясь или жалким, или гротескно величественным.

Вторая причина приобретения театральностью глобального характера, а также возвышения от театрализации политики к театрализации геополитики основана на том, что обогащение социального опыта происходит за счёт расширения количества социальных ролей, а возрастающая мобильность создаёт возможности их быстрой смены как у одного человека, так и у целых социальных групп. У каждого в его личном багаже накапливается такое многообразие социальных масок, которое не предполагало даже комедия дель арте (итал. *commedia dell'arte*). Согласно концепции множественности социальных личностей, или социальных «я» (англ. *social selves*), Ирвинга Гофмана, каждая из «социальных масок» человека находит оправдание в его реальной жизни [11]. Но будучи в этой маске, он проживает собственный спектакль, не замечая порой театральности происходящего. Ещё важнее, что

эта ролевая модель переносится на остальных людей, которые должны играть не так, как им представляется, а как того бы желал «глобальный зритель».

Третья причина взаимопроникновения смыслов и символов театра и политики касается связи волшебной силы искусства и власти. Саму власть можно рассматривать как искусство. Политики испокон веков использовали искусство для достижения и удержания власти.

Наиболее удачные актёры политического театра, подобно актёрам-профессионалам, отличаются умением не просто захватывать зрительскую аудиторию, а приобретать над нею власть. Наиболее успешные из них сами владели необходимым для общественной деятельности искусством, прежде всего ораторским. Единицам было свойственно увлечение разными видами художественного творчества и даже преуспеванием на этом поприще. Порой их успехи в искусствах были отражением таланта и трудолюбия, однако чаще в оценке заслуг политика срабатывала модель, зачинателем которой можно считать Нерона.

Император после победы в 64 г. во время своего первого публичного выступления в Неаполе стал неизменным лидером всех поэтических и музыкальных конкурсов [12]. Среди самодержцев традицию Нерона пагубно и для себя и для государства продолжил шведский король Густав III [13].

¹¹ Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.

¹² Дуров В. С. Нерон, или Актёр на троне. СПб.: Алетейя, 1994.

¹³ Леннрут Э. Великая роль. Король Густав III, играющий самого себя. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1999.

Связь власти и театра на персональном уровне прекрасно чувствовали противники власти.

Театр неслучайно не раз становился местом политического убийства, в частности, Филиппа II Македонского, отца Александра Македонского, Авраама Линкольна, Петра Аркадьевича Столыпина.

Режиссёр, драматург, преобразователь театра, актёр и психолог Николай Николаевич Евреинов вводит понятие «театрократия», означающее господство над обществом «театра как закона, императивно-нормирующего преобразующую деятельность человека» [14].

Сейчас это понятие наполнилось новыми смыслами. Политическая сцена раздвинулась до глобального масштаба, что потребовало от находящихся на ней лиц овладения актёрскими навыками, которые включают в себя те, что крайне необходимы для управления людьми и столь же востребованы политиками. Эти навыки отражают развитие таких качеств, как: внимательность, наблюдательность, воображение, умение творчески мыслить, эмоциональная память, раскованность, обаяние, коммуникативность, умение справляться со страхом, психическая уравновешенность, работоспособность, трудолюбие, вкус, чувство гармонии, честолюбие, стремление к успеху и славе. Хороший актёр не может не знать психологии, он обладает лидерскими способностями, умеет мыслить логически. Всё это очень приближает

его к политику, однако есть и принципиальные отличия.

Роль актёра в каждом спектакле требует от него глубочайшего погружения в суть героя, но актёр после окончания игры «снимает» своего героя с себя, как маску, оставаясь собой. Он способен перевоплощаться, не меняя собственной личности. Чем дальше от его личности находится образ героя, тем гениальнее игра актёра. Политик должен обладать почти всеми теми же качествами, что и актёр.

Но послушаем, как отметил разницу этих двух сфер деятельности В. В. Путин на Петербургском экономическом форуме: «Но одно дело кого-то играть, а другое дело быть кем-то. Для того чтобы играть, нужен талант, это точно. Много талантов. Один из этих талантов – талант перевоплощения. Ты через каждые десять минут можешь менять амплуа. Принц и нищий – через каждые десять минут. И там, и там надо быть убедительным. Это действительно талант. А для того чтобы заниматься государственными делами, нужны другие качества. Нужен опыт определённый, знания, нужно уметь найти главные проблемы, увидеть их, найти инструменты решения этих проблем, уметь собрать дееспособных людей в одну команду, наладить с ними хорошие отношения, поверить в них, дать им возможность свободно мыслить и предлагать решения, выбирать эти решения, что очень важно, объяснять миллионам людей мотивы своего поведения при принятии этих решений и, самое главное, иметь мужество и характер

¹⁴ *Евреинов Н.Н.* Демон театральности / сост., общ. ред. и комм. А. Ю. Зубкова и В. И. Максимова. М.; СПб.: Летний сад, 2002. С. 118.

брать на себя ответственность за последствия этих решений» [15].

Выясняется, что различия профессий политика и актёра не являются препятствием для того, чтобы актёры занимались политической деятельностью. Причём чем ближе к нашему времени, тем больше примеров уже не отдельных актёрских проектов, преимущественно в кинематографическом жанре, которые были в жизни политических деятелей разных стран (братья Лех и Ярослав Качиньские, Вацлав Гавел, Фред Долтон Томас, Джеймс Янош, Рональд Рейган, Арнольд Шварценеггер, Дональд Трамп, Йон Гнарр, Владимир Колокольцев, Михаил Мень, Андрей Бельянинов, Виталий Чуркин), а стремления профессионального актёра выйти к людям совсем в другом амплу. При этом крайне редки случаи, чтобы будущий государственный деятель формировался как личность в актёрской среде.

В качестве практически единственного примера не совсем корректным будет упоминание 72-го премьер-министра Соединённого Королевства Джона Мейджора, занимавшего этот пост с ноября 1990 по май 1997 г., который родился в семье театрального менеджера, в прошлом являвшегося цирковым артистом.

Прорыв людей сцены в политику совершил итальянский комик, актёр и блогер Джузеппе Пьеро «Беппе» Грилло, в 2009 г. основавший про-

тестное политическое движение «Пять звёзд» (итал. *Movimento 5 Stelle*, или *M5S*). Но Грилло не поднимался до вершин власти, а на её более низких ступенях мог сохранять свободу игры и самовыражения.

Разрушить последнюю линию обороны политики от не просто актёров, а представителей комического жанра, помогли особенности американской политической культуры и, естественно, Дональд Трамп. Авторитетное издание *The Washington Post* собрало команду репортёров и исследователей, перед которыми стояла задача понять механизмы политического успеха 45-го президента США. В итоге политический репортёр Майкл Краниш и редактор Марк Фишер выпустили книгу, в названии которой эти механизмы перечислили: амбиции, эго, деньги и власть [16]. Эти же механизмы были задействованы в избирательной кампании Владимира Зеленского, который до избрания в 2019 г. президентом Украины являлся популярным комедийным актёром, продюсером, основателем и художественным руководителем студии «Квартал-95» и капитаном команды КВН «95-й квартал».

Четвёртая причина подъёма на новую высоту и достижения большей глубины политической театральности кроется в необходимости совершенствования форм политической эстетики в духе времени [17].

¹⁵ Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60707>

¹⁶ Краниш М., Фишер М. Законы Трампа. Амбиции, эго, деньги и власть / пер. А. Рудницкая, В. Соков. М.: Эксмо, 2017.

¹⁷ Тазетдинова Р.Р. Политическая театральность как способ инсценирования политических представлений // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2016. Вып. 4.

К числу наиболее известных авторов, разработавших инструментарий понимания ритуально-символических аспектов политики, включая публичное, зрелищное и зрительское поведения политических акторов, относится американский социолог и политолог Мюррей Эдельман [18]. Ещё в 1964 г. в книге *The Symbolic Uses of Politics* он объяснил суть природы политических актов как амбивалентную, а модель политики – дихотомичную [19]. Благодаря последней политические акты приобретают символическую личность. Однако в этой символической личности для общества предлагается «парад абстрактных символов», а для групп, объединённых политическими интересами, уже не абстрактные, а предельно конкретные символы.

Если в прежние периоды разделение этих символов воспринималось как естественное, отражающее противоположность власти и подданных, то в условиях демократии, стремящейся стать глобальной, новая политическая эстетика эти различия внешне не демонстрирует. Неслучайно многие современные лидеры подчёркивают близость элиты к народу любовью к простой кухне и даже к фаст-фуду.

Например, славится приверженностью к фаст-фуду Барак Обама. Трамп устроил в честь победителей в национальном чемпионате по игре в американский футбол, команды *Clemson Tigers*, торжественный ужин в Белом доме, на котором гостям были предложены гамбургеры.

Чуть ли не одним из первых заявлений Зеленского на посту президента Украины стал совет политикам, как с помощью шаурмы не отрываться от людей.

Конечно, в этом нельзя не видеть проявления перформансной модели символического «инсценирования».

Пятая причина театрализации геополитики вытекает из глобализации самого театра. Театр, построенный в 1599 г. на средства труппы актёров «Слуги лорда-камергера», к которой принадлежал Шекспир, назывался «Глобус». В наше время существует большое число копий этого театра в разных странах.

Театр, как и спорт, тоже являющийся пространством игры, вошёл в олимпийское движение, обладающее поистине глобальным размахом.

В 1993 г. по инициативе театрального режиссера Теодороса Терзопулоса было решено проводить театральные олимпиады как площадки для развития глобальной театральной интеграции. Впервые такая олимпиада прошла в Дельфах в 1994 г.

В 2019 г., в год своего 25-летнего юбилея, Театральная олимпиада впервые в истории проходила одновременно в России, в Санкт-Петербурге, и Японии. Программа 2019 г. помимо нескольких десятков театральных постановок из разных стран включала спектакли национальных театров из регионов России, научно-просветительскую часть, представленную серией лекций и интенсивных мастер-классов от ведущих театральных деятелей со всего мира.

¹⁸ *Edelman M. Politics as symbolic action. Mass arousal and quiescence. Chicago: Markham publishing company, 1971; Edelman M. Constructing the Political Spectacle. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1988.*

¹⁹ *Edelman M. The Symbolic Uses of Politics. Champaign: University of Illinois Press, 1964.*

В рамках взаимодействия с Театральной олимпиадой в Японии планировалась отдельная обменная программа.

Были самые невероятные площадки олимпиады, например, под землёй, в метро.

Имелась специальная детская программа в лагере «Артек».

И самое главное, театр не просто выступает как модель мира нынешнего, а опережает его развитие, демонстрируя будущее.

Шестая причина того, что близость политики и театра будет проявляться во всё более сложных конструкциях заключается в том, глобализация театральности подчинена общим законам протекания глобальных процессов, в которых отличительной чертой выступает наличие двух уровней: открытого и теневого.

Феномен театрализации глобализации также даёт подобную картину, в которой в светлом потоке глобальных театрализованных взаимодействий мы видим позитивную политизацию театрального туризма, фестивалей, конкурсов, зарубежных гастролей, уличного театра и пр. Но есть и закрытый от глаз поток, который сохранил черты прежней политической культуры с его закулисьем, куклами и кукловодами, занимающиеся скрытым или не очень манипулированием общественным мнением и управлением поведения электората.

Эти уровни театрализации политики, несмотря на кардинальные технологические перемены, практически не изменились со времени, когда Александр Сергеевич Пушкин представил театр в «Евгений Онегин»:

Театр уж полон; ложи блещут;
Партер и кресла, всё кипит;
В райке нетерпеливо плещут,
И, взвившись, занавес шумит [20].

Само устройство театрального зала отразило дух социальной стратификации и присущей каждой страте особой модели поведения. В наши дни в результате ускорившихся процессов мобильности такая стратификация находится в постоянном движении. Поскольку политический театр этому социальному движению не соответствует или отвечает с опозданием, реакцией на это становится стремление к детеатрализации политики.

В чём она может выражаться?

В том же, в чём проявляется любая деконструкция, а именно:

- в разбивке общего на детали;
- в большей прозрачности кодов и правил;
- в деперсонализации действий, подчёркивающих равноправность всех акторов политического процесса;
- в приближении ситуации к реальности и отказе от стигматизации других, непохожих на рисуемые политическим театром образы.

Театрализация образа политического деятеля и театрализация политического процесса может закончиться фиаско (итал. *fiasco*), т. е. провалом, неудачей. Кстати, само это слово в переводе с итальянского означает «бутылка».

В XVII в. флорентийский комик Доменико Бьянконелли в одной из пантомим вышел на сцену с огромной, оплетенной сеном бутылкой на голове. Его образ зрители не оценили, и тогда он бросил

²⁰ Пушкин А. С. Евгений Онегин // URL: <https://www.chitalnya.ru/work/2290484>

бутыл на пол со словами: «Да пропади ты пропадом, фиаско!».

С тех пор название сценки превратилось в синоним понятия «ак-

тёрская неудача», впоследствии приобрело нарицательный смысл. Становится всё больше примеров фиаско политиков, слишком увлекающихся театрализацией своего образа.

Театрализация и детеатрализация политики не противоположны, а органично дополняют друг друга. И именно глобализация, создающая мировой социум наподобие «глобального театра», усиливает глобальность театрализации и театральность геополитики.

Библиография • References

- Булгаков М.А.* Записки покойника. Театральный роман. СПб.: Кристалл, 2001.– 160 с.
[*Bulgakov M.A.* Zapiski pokojnika. Teatral'nyy roman. SPb.: Kristall, 2001.– 160 s.]
- Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.– 304 с.
[*Gofman I.* Predstavleniye sebya drugim v povsednevnoy zhizni. M.: Kanon-Press-TS, 2000.– 304 s.]
- Дебор Г.* Общество спектакля / пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович. М.: Логос, 1999.– 224 с.
[*Debor G.* Obshchestvo spektaklya / per. s fr. C. Ofertasa i M. Yakubovich. M.: Logos, 1999.– 224 s.]
- Дуров В.С.* Нерон, или Актер на троне. СПб.: Алетея, 1994.– 315 с.
[*Durov V.S.* Neron, ili Akter na trone. SPb.: Aleteya, 1994.– 315 s.]
- Евреинов Н.Н.* Демон театральности / сост., общ. ред. и комм. А.Ю. Зубкова и В.И. Максимова. М.; СПб.: Летний сад, 2002.– 535 с.
[*Yevreinov N.N.* Demon teatral'nosti / sost., obshch. red. i komm. A. YU. Zubkova i V.I. Maksimova. M.; SPb.: Letniy sad, 2002.– 535 s.]
- Коваленко В.А.* Процесс театрализации политики. Дис. ... канд. полит. наук. Р. н/Д., 2006.– 145 с.
[*Kovalenko V.A.* Protsess teatralizatsii politiki. Dis. ... kand. polit. nauk. R. n/D., 2006.– 145 s.]
- Краниш М., Фишер М.* Законы Трампа. Амбиции, эго, деньги и власть / пер. А. Рудницкая, В. Соков М.: Эксмо, 2017.– 480 с.
[*Kranish M., Fisher M.* Zakony Trampa. Ambitsii, ego, den'gi i vlast' / per. A. Rudnitskaya, V. Sokov M.: Eksmo, 2017.– 480 s.]
- Леннрут Э.* Великая роль. Король Густав III, играющий самого себя. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1999.– 479 с.
[*Lennrut E.* Velikaya rol'. Korol' Gustav III, igrauyushchiy samogo sebya. SPb.: Russko-Baltiyskiy informatsionnyy tsentr «BLITS», 1999.– 479 s.]
- Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60707>.
- [*Plenarnoye zasedaniye Peterburgskogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo foruma* // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60707>]
- Политика и личность / под ред. Й. Поллака, У. Сарцинелли, Ф. Загера, А. Циммер; пер. С.С. Дмитриев. М.: Гуманитарный центр, 2012.– 288 с.

- [Politika i lichnost' / pod red. Y. Pollaka, U. Sartsinelli, F. Zagera, A. Tsimmer; per. S.S. Dmitriyev. M.: Gumanitarnyy tsentr, 2012.–288 s.]
- Пушкин А. С. Евгений Онегин // URL: <https://www.chitalnya.ru/work/2290484>
[Pushkin A. S. Yevgeniy Onegin // URL: <https://www.chitalnya.ru/work/2290484>]
- Свистунов А. Театр в политике и политика в театре // URL: <https://fakel-history.ru/teatr-v-politike>.
[Svistunov A. Teatr v politike i politika v teatre // URL: <https://fakel-history.ru/teatr-v-politike>]
- Смелянский А. М. Михаил Булгаков в Художественном театре / вст. ст. О. Н. Ефремова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Искусство, 1989.– 432 с.
[Smelyanskiy A. M. Mikhail Bulgakov v Khudozhestvennom teatre / vst. st. O. N. Yefremova. 2-ye izd., pererab. i dop. M.: Iskusstvo, 1989.– 432 s.]
- Стахорский С. В. Утопические мотивы в романе М. А. Булгакова «Записки покойника» // Вестник РУДН. Серия «Литературоведение, журналистика». 2001. № 5. С. 48–51.
[Stakhorskiy S. V. Utopicheskiye motivy v romane M. A. Bulgakova «Zapiski pokojnika» // Vestnik RUDN. Seriya «Literaturovedeniye, zhurnalistika». 2001. № 5. S. 48–51]
- Тазетдинова Р. Р. Политическая театральность как способ инсценирования политических представлений // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2016. Вып. 4. С. 115–119.
[Tazetdinova R. R. Politicheskaya teatral'nost' kak sposob instsenirovaniya politicheskikh predstavleniy // Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2016. Vyp. 4. S. 115–119]
- Edelman M. Constructing the Political Spectacle. Chicago – London: The University of Chicago Press, 1988.– 142 p.
- Edelman M. Politics as symbolic action. Mass arousal and quiescence.–Chicago: Markham publishing company, 1971.– 188 p.
- Edelman M. The Symbolic Uses of Politics. Champaign: University of Illinois Press, 1964.– 201 p.
- McLuhan M. At the moment of Sputnik the planet becomes a global theatre in which there are no spectators but only actors // Journal of Communication. 1974. Winter. P. 48–58.
- Meyer Th. Inszenierung des Scheins. Voraussetzungen und Folgen symbolischer Politik. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1992.– 205 S.
- Meyer Th., Kampmann M. Politik als Theater. Die neue Macht der Darstellungskunst. Berlin: Aufbau-Verlag, 1998.– 144 S.

Статья поступила в редакцию 7 ноября 2019 г.

Российский Левиафан

Орест МУШТУК

Среди всего многообразия институтов и учреждений, структурирующих и упорядочивающих общественную жизнь на всех её срезах, ключевая роль принадлежит государству как «особой организации силы». Именно этот институт в наиболее концентрированной и обобществлённой форме воплощает в себе политико-властные начала в жизнедеятельности любого социума, это то организационно-управленческое ядро, с помощью которого так или иначе обеспечивается совместная жизнь людей в обществе, их «единство во множестве». И опосредуется движение основного противоречия этой жизни, а именно: противоречия между общественным характером человеческой деятельности и индивидуальной формой её осуществления. А также между потребностями людей в свободе и невозможностью реализации этой свободы в условиях социального хаоса и анархии. Если бы не возник этот олицетворяемый государством инструмент урегулирования человеческого общежития, то люди (и классы) просто-напросто уничтожили бы друг друга в ожесточённой «войне всех против всех».

Именно в таком ключе определяется государство в теории общественного договора, или социального контракта, связанной с именами Т. Гоббса, Б. Спинозы, Ш. Л. Монтескьё, Ж.-Ж. Руссо и др., в которой этот институт предстаёт как результирующий продукт сознательного и добровольного соглашения между людьми, находившимися до договора в естественном первобытно-природном, абсолютно свободном состоянии. Их поведение обуславливалось врождёнными инстинктами и рефлексам, неконтролируемыми желаниями и потребностями. Чтобы обезопасить себя от взаимного истребления, люди утверждают государство, добровольно передавая ему

МУШТУК Орест Захарович – кандидат исторических наук, профессор кафедры истории и философии Московского финансово-промышленного университета «Синергия». *E-mail:* Mushtuk@mail.ru

Ключевые слова: Левиафан, коррупция, капитализм для своих, иррациональная бюрократия, экономический застой, массовое обеднение.

часть данных природой прав, получив взамен мир и порядок, возможность действовать в рамках установленных государством правил.

Для описания могущества государства, наделённого правом принуждать «угрозой силы или убеждением к поведению, отличного от того, что нам нравилось бы делать» [1], один из основоположников этой теории, Томас Гоббс, использует образ Левиафана – библейского чудовища, изображённого как сила природы, принижающая человека. Но при этом подчёркивает, что без него прекратить «войну всех против всех» было бы невозможно. И государство существует не для того, чтобы превратить земную жизнь в рай, а только и исключительно для того, чтобы не дать ей окончательно превратиться в ад. «Государственное устройство, – говорил в своём выступлении в Государственной думе в октябре 1994 г. А. Солженицын, – оно первой и важной экономики, потому что это условие, чтобы вообще можно было жить» [2].

С кем (или с чем) чаще всего ассоциируется государство? Если оставить в стороне институциональную составляющую, то прежде всего речь идёт о чиновничьей братии – бюрократии всех мастей и рангов, которая осуществляет непосредственные властные функции и играет роль промежуточного звена между правящими «верхами» и управляемыми «низами». Появление этого «сословия» управленцев-властителей М. Вебер трактовал как становление современного государства, технически полностью зависимо от своей бюрократической основы. И эта зависимость тем больше увеличивается, чем больше разрастается государство. А стало быть, и олицетворяющий его класс чиновников, живущий за счёт казны и отождествляемый в этой «ипостаси» со своими функциями.

К тому же в отличие от высших инстанций власти, которые (в условиях реальной демократии) находятся в прямой зависимости от ре-

зультатов избирательной борьбы и расстановки сил в парламенте, положение этой категории характеризуется большой устойчивостью и стабильностью. Являясь инструментом отправления власти на мезо- и микроуровнях общественной жизнедеятельности, бюрократия продолжает функционировать несмотря на всякого рода политические коллизии (правительственные кризисы, роспуск парламента, досрочные выборы и т. д.). И если политическая элита олицетворяет собой переменную социальную составляющую государства (президенты, премьеры, министры, избираемые «слуги народа» приходят и уходят), то бюрократия – ту его часть, с которой ассоциируется незыблемость и «вечность» этого института.

Но бюрократия бюрократии рознь. Одно дело «цивилизованная» бюрократия, которая максимально рационализирована и «одомашнена» рыночной экономической и политической системой, не правит, а слу-

¹ Мизес Л. фон. Индивид. Рынок и правовое государство / пер. с итал. М.: Пневма, 1999. С. 131.

² Солженицын А. И. Наша высшая цель – это сбережение народа // Московский комсомолец. 1994. 1 ноября.

жит обществу и им же контролируется. И совершенно другое – иррациональная бюрократия, которая благодаря своей запредельной численности и осознанию своего могущества подминает под себя общество и предстаёт в качестве единственного всевластного и все сильного всё и вся «рулящего» центра.

Именно с этим вторым типом иррациональной бюрократии как особой надменной касты вне народа ассоциируется бюрократия в нынешней России. Не будет преувеличением подчеркнуть, что де-факто это «слово», по существу, «приватизировало» государство в качестве «вещи для себя», а не «для всех», а посему подчиняет себе общество, возвышается над ним. Выступает по отношению к обществу не в роли его «вышколенного слуги», а в статусе «всепоглощающего» и «всепожирающего» чиновничьего монстра, который не только не уменьшается, а постоянно увеличивается в своих размерах, растёт как на дрожжах (несмотря на неоднократные попытки сокращения в ходе административных реформ).

Факт возникновения чиновничества как отдельного слоя в отрыве от народа и вне контекста гармоничной социальной целостности констатировали славянофилы ещё в первой половине XIX в. [3], а выдающийся консервативный мыслитель рубежа XIX–XX вв. Л. А. Тихо-

миров предрёк России неизбежный революционный взрыв в случае сохранения и усугубления этого разрыва [4]. Если 150 лет назад в стране приходилось по два бюрократа на 1000 душ населения, то сегодня – 15. Но сказать, что эта цифра в полной мере соответствует действительности, не представляется возможным. Точного числа российских чиновников не знает никто. Даже Росстат. Разброс оценок на сей счёт часто выходит далеко за рамки статистической погрешности.

Так, руководитель Центра исследований постиндустриального общества В. Иноземцев говорит, что к концу 2016 г. в России насчитывалось 1,4 млн только государственных чиновников (без учёта муниципальных властей), т. е. 1,9% рабочей силы. При этом подчёркивает, что «стремление сократить число управленцев – давнее стремление русского человека. Однако после отступлений в эпохи больших реформ чиновничество берёт реванш.

Со времён Крымской войны 1855 г. до конца XIX в. число госслужащих в расчёте на 1000 чел. в Российской империи снизилось с 2 до 1,24 чел., но за первые 5 лет существования РСФСР подскочило до 5,2, а к смерти Сталина – до 10,2.

За годы перестройки и начала рыночных реформ (1985–1994 гг.) оно упало с 8,7 до 6,8, а с 2000 по 2014 г. вновь выросло с 7,9 до 15,4 чел.» [5].

Несколько иные данные приводит директор Центра стратегического планирования «Аргументы и Факты» В. Костиков: «За несколько лет до ре-

³ Ищутин А. А. Идея целостности в мировоззрении славянофилов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки». 2018. № 3; Ищутин А. А., Моржеедов В. Г. Гносеологические аспекты идеи целостности в мировоззрении славянофилов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки». 2018. № 4.

⁴ Матюхин А. В. Самодержавная система государственного управления в монархической теории Л. А. Тихомирова // Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. № 2.

⁵ Иноземцев В. Зачем России столько чиновников // АиФ. 2017. № 27.

волюции при численности населения в 175 млн в России было 250 тыс. чиновников. Сегодня при уменьшившемся числе жителей (146 млн) чиновничество расплодилось до 1,2 млн. Все попытки ограничить его рост кончаются провалом... Число водителей служебных авто, охранников, секретарш, личных поваров и пресс-секретарей у нас одно из самых высоких в мире. Власть даёт обещания применить бюрократическую гильотину. Но число министерств и ведомств продолжает расти. Сегодня у нас 22 министерства. О многих из них народ и слыхом не слыхивал. И все за чем-то надзирают» [6].

А вот что пишет по этому поводу бывший депутат Госдумы Г. Гудков: «Я, придя в Государственную Думу в 2002 году, по наивности задал вопрос: “А сколько же у нас чиновников?” И получил от какого-то вице-преьера очень чёткий ответ, мол, всего 1 млн 400 тысяч, и это не так много. Сейчас нам говорят, что их уже 1 млн 900 тысяч. Даже если верить официальной статистике (а она у нас очень сильно лукавит), за 8 лет мы прибавили 500 тысяч чиновников! При том, что каждый год в стране объявлялась кампания по их сокращению. Тем не менее их армия официально продолжает расти. Но на самом деле она ещё больше. Потому что 1 млн 900 тыс. – только чиновники федерального и регионального уровней. При этом полностью выпадают все муниципальные службы, госкорпорации, МУПы, ВГУПы, силовики, руководящие работники в ряде предприятий с государственным участием и т. д. И если мы всё сложим, то получится, я думаю, не меньше 5–6 млн человек» [7].

Практически такую же цифру (с учётом государственного аппарата крупного бизнеса) приводит В. Симчера, д. э. н., экс-директор НИИ статистики Росстата.

По его мнению, в стране 5,6 млн бюрократов, что в разы превышает все мировые нормы эффективного управления. Тогда как в РСФСР к 1991 г. был

1 млн госслужащих от республиканского до районного уровня, причём в центральном аппарате органов управления работало всего 120 тыс. чел. [8].

Представляет интерес и ситуация с численностью чиновников на местах. За среднероссийскими показателями в стране существуют весьма существенные территориальные различия, и численность «чинороссов» нередко зашкаливает.

Так, к примеру, в Орловской области начиная с 2000 г. население сократилось на 75 тыс. чел. Закрылось пять промышленных предприятий, фактически ликвидирован малый бизнес, в плохом состоянии сельское хозяйство, а число чиновников возросло почти в 2 раза. В области с населением всего в 759 тыс. в этой ипостаси ходят 14 тыс. чел., т. е. один бюрократ приходится на 55 граждан, включая младенцев.

Как распределяется численность чиновников в рамках властной вертикали?

Если взять общую численность работников органов (без учёта сотрудников органов правопорядка и безопасности) в 2 млн 146 тыс. (конец 2016 г.), то они «расселены» по трём «этажам»:

– федеральные органы – 1409 тыс., из них на исполнительную власть (сотрудников министерств и ведомств) приходится 1203,4 тыс.; судебную власть и прокуратуру – 197,9 тыс.; законодательную власть – 170 членов Совета Федерации, 450 депутатов Госдумы, аппарат (помощники депутатов, правовые и прочие управления) – 4,6 тыс.; другие госорганы – 3,2 тыс.;

⁶ Костиков В. Когда страна вернётся из политического отпуска? // АиФ. 2019. № 42.

⁷ <https://www.kp.ru/daily/25657.3/819315/>

⁸ АиФ. 2017. № 27.

– региональные органы – 259,3 тыс., из них на республиканскую власть (республиканские, краевые и областные администрации) приходится 203 тыс.; на судебную власть – 32,7 тыс.; на законодательные собрания регионов – 12,2 тыс.; другие госорганы – 11,4 тыс.;

– муниципальная власть – 477,2 тыс., из них на долю местных администраций приходится 455,4 тыс.; на представительные органы (думы, муниципальные собрания) – 13,8 тыс.; другие органы (контрольно-счётные комиссии, избиркомы и др.) – 8 тыс.

Как видно из этих данных, в России существует гигантский перекокс в сторону исполнительной власти: в ней в 2016 г. на разных уровнях работали 86,7% всех чиновников, тогда как в органах законодательной власти – всего 1,4%. При таком соотношении возможности действительного контроля избранной народом представительной власти над властью исполнительной (как этого требует один из базовых принципов демократии – принцип «разделения властей») если и не уходит в ноль, то близок к этому показателю. Отсюда повсеместная бесконтрольность и вседозволенность чиновничества.

У нас сегодня «чиновники, – писал советский и русский поэт А. Дементьев, – самые главные люди в стране. Когда-то писатели, артисты, деятели науки, искусства были властителями дум. А теперь кто? Те... кто обокрал Россию, кто нажился, кто смотрит на простых людей как на муравьиную

кучу. Мы всё копошимся, пытаемся заработать, как-то выживать. Они на нас взирают и думают: “Вы там возитесь, а мы живём совсем другой ‘рублёвской’ жизнью”» [9].

В таком же ключе высказывается, и писатель Л. Сычева: «Государство – это не “мы”, а “они”. Те, кто фактически его приватизировал, превратил в личный актив с личным бюджетом» [10].

С 26 сентября по 2 октября 2019 г. социологами Левада-центра был проведён опрос россиян на тему: «Каких проблем в жизни они опасаются больше всего?».

Опрос показал, что россияне боятся не только болезни и смерти близких, а также угрозы новой войны, но и произвола со стороны властей и правоохранителей (т. е. их неограниченного своеволия и самовластия – именно так трактует это слово Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова). С властями так или иначе связаны и занявшие в опросе 4-е и 5-е места опасения бедности и криминала.

При чём в последние годы число таких респондентов увеличилось с 21% в августе 2017 г. до 41% в сентябре 2018 г. За этот же период выросло количество людей, боящихся произвола властей, – с 10 до 38%. Процент опасующихся массовых репрессий – с 9 до 31%, а ужесточения политического режима начали бояться 25%, тогда как в 2017 г. их было всего 7% [11].

Эти нелицеприятные для властей результаты не остались без внимания Кремля – там назвали их «эмоциональными» и посчитали, что необходим более глубокий анализ общественного мнения. И в этой оценке

⁹ Дементьев А. Воры стали властителями дум // URL: <https://aif.ru/culture/person/13244>

¹⁰ Сычева Л. Население вместо народа: так убивают Россию // Московский комсомолец. 2018. 31 мая.

¹¹ <https://www.rbc.ru/politics/29/10/2019/5db6d15a9a79475c04162c89>; <https://www.gazeta.ru/social/2019/10/29/12783116.shtml>

известная доля истины, несомненно, имеется. Большинство простых россиян, будучи не искушёнными в политике знатоками, действительно реагируют на те или иные конкретные действия властей и ответственных должностных лиц чаще всего спонтанно, на уровне первичных ощущений, первичных аффективных (эмоциональных) состояний. И приходится только сожалеть, что за всё время движение России к «светлому капиталистическому будущему» (а это уже почти 30 лет) у нас было очень немного поводов для того, чтобы ликовать и радоваться, «чепчики вверх бросать», тогда как поводов для огорчения и разочарования хоть пруд пруди. У власти оказались «непредсказуемые политики» – в том смысле, что всё, что народу пообещают, не сбывается.

Изначально в смутные 90-е годы в результате радикально-либеральных реформ (и прежде всего «шоковой терапии») народ подвергся всеобщей пауперизации (обнищанию) и фактически был отброшен на грань биологического выживания.

«Проехав много российских областей, через сотни встреч и потом через тысячи писем вдогонку, я вынес ощущение, что наша народная масса обескуражена, что она в ошеломлении, в шоке от унижения и от стыда за своё бессилие: в ней нет убеждения, что происходящие реформы и политика правительства действительно ведутся в её интересах», – с горечью говорил А. Солженицын в уже упоминавшемся выше выступлении в Государственной думе 28 октября 1994 г. [2].

В нулевые (2000-е) годы шок от этого падения вниз, на социальное

дно (если не полностью, то в очень значительной мере) прошёл, и люди в меру своих сил и талантов научились выживать (большой объём самозанятых и так называемой ненаблюдаемой экономики – наглядное тому свидетельство). Кое-что перепало народу от благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры на сырьевые товары (нефть, газ, металлы) – основу нашего экспорта. Но уже в начале 2010-х годов ситуация в стране начинает резко ухудшаться, приняв вскоре форму затяжного (рукотворного по мнению многих экспертов) экономического кризиса, или «развития без развития».

Директор Центра исследований экономической политики экономического факультета МГУ О. Буклемишев отмечает: «Мировая экономика растёт темпами под 3,4% в год. В России же, даже по официальным данным, экономика за первые шесть месяцев этого (2019 г. – Авт.) года выросла только на 0,7%. При этом реальные доходы населения не растут уже шестой год подряд. Это означает, что доля России в мировом экономическом “пироге” уменьшается, её население беднеет» [12].

Иерархия бедности в России настолько масштабна, что в ней фигурирует самая низкая категория – те, кому не хватает даже на еду.

Согласно данным Росстата, за II квартал 2019 г. к ним относятся 0,7% российских семей. У 14,1% российских семей доходов хватает только на еду, у 49,4% – на еду и одежду, у 32,6% – на товары длительного пользования. И только у 2,7% хватает на всё. Поэтому далеко не случайно россияне в долгах как в шелках – число тех, кто расплачивается по кредитным долгам, составляет почти 40 млн – это 54% работающего населения.

¹² Ростовский М. О чём молчат в правительстве Медведева // Московский комсомолец. 2019. 1 ноября.

Причём основная масса долгов образовалась за счёт потребительского кредита – 26 млн заёмщиков. Это значит, что люди не могут поддерживать хотя бы минимально приемлемый уровень жизни, не залезая в кредитную кабалу.

«Казалось бы, это нормальная мировая практика – брать кредиты на приобретение машины, квартиры и, имея стабильную зарплату, постепенно расплачиваться. Но у нас ситуация совершенно другая: у нас кредит берут уже даже на еду – это совершенно не мировая практика», – говорит директор Института проблем глобализации М. Делягин [13].

Эта беспросветная бедность напрямую связана с тем, что, говоря словами бывшего столичного мэра Ю. Лужкова, «в сегодняшней России, которой якобы светит пробиться в пятёрку самых развитых экономик, смехотворный, унижительный, губительный для благосостояния общества минимум платы за труд (МРОТ)... Доля зарплаты в валовом продукте менее 30%. Вдвое ниже, чем в любой промышленно развитой стране. Труд унижен. Всё это обличает цинизм, безрассудство властвующих. И одновременно приговор хищнической, низменной экономической модели» [14].

К этому, по существу, трагическому положению вещей вполне применима максима Адама Смита, высказанная им в трактате «Исследование о природе и причинах богатства народов»: «Скудное существование трудящихся бедняков служит естественным симптомом того, что страна переживает застой, что она быстро идёт к упадку» [15].

Парадокс, но факт: несмотря этот застой и широкомасштабную бедность, долларовые миллиардеры

в России растут как грибы после дождя.

Швейцарский банк *Credit Suisse* утверждает, что всего за один год (с 2018 по середину 2019 г.) их число увеличилось с 74 до 110.

Довольно значительно выросло и число долларовых миллионеров – с 172 тыс. до 246 тыс.

По концентрации богатства Россия обогнала США – в руках 10% самых обеспеченных россиян сосредоточено 83% всего личного благосостояния в стране, тогда как в США – 76%, Китае – 60%.

На фоне этой вопиющей реальности, когда на долю более 140 млн россиян приходится всего 17% благосостояния страны, несомненно правы те эксперты, которые давно говорят об извращённости нашей экономической модели. Если в цивилизованных странах конечная цель любых реформ – не столько рост ВВП, сколько улучшение жизни населения, то у нас наоборот – любые новации власти направлены на повышение благосостояния меньшинства, крохотной кучки «семейств».

«Такая экономика работает только на богатых и богатство, даёт возможность влиять на политические процессы в стране, – утверждает С. Гуриев, главный экономист Европейского банка реконструкции и развития. – Ликвидировать сложившееся неравенство мешают популисты у власти, которые и строят коррумпированную систему, и сместить их на выборах не представляется возможным. Бизнес-элиты, олигархов вполне устраивает статус-кво» [16].

¹³ <https://www.pressreader.com/russia/komsomolskaya-pravda-moscow-edition/20191101/281535112788636>

¹⁴ Лужков Ю. Из свиного уха не соткешь шелковый кошелек, или Что говорил на самом деле Адам Смит // Московский комсомолец. 2018. 1 ноября.

¹⁵ <https://www.litres.ru/adam-smit/issledovanie-o-prirode-i-prichinah-bogatstva-narodov-22027030/chitat-onlayn/page-11/>

¹⁶ Максимов П. Тревожный звонок из Швейцарии // Мир новостей. 2919. № 45. 30 октября.

Важно отметить, что в России «живут хорошо» не только бизнес-элита и олигархи, далеко не бедствуют и власть государственную имущие на всех «этажах» властной вертикали. Имея в виду бюджет 2016 г., свёрстанный с доходами в размере более 13,5 трлн руб. и расходами 16 трлн руб. В. Симчера утверждает, что на содержание чиновничьего сословия (занятого не только в госаппарате, но в квазигосударственных структурах) в целом приходится 7 трлн руб. в год.

По его подсчётам, средний официальный денежный доход федерального чиновника составляет 200 тыс. руб. в месяц (2,4 млн в год), регионального – 70 тыс. руб. в месяц (840 тыс. в год). И эти данные вполне коррелируют с данными Росстата за 2017 г., согласно которым средняя зарплата в аппарате правительства составляла 228 тыс. руб., в администрации президента – 218 тыс., в Счётной палате – 180 тыс. В 2018 г. зарплата в аппарате правительства выросла до 240,3 тыс. руб., что на 5,7% больше, чем в 2017 г., а в администрации президента увеличение произошло на 8,8% – 236,7 тыс.

Но как следует из данных того же Росстата за 2016–2017 гг., за этими среднестатистическими показателями кроются весьма существенные «персональные» различия.

Среди министров самая высокая зарплата была у министра финансов – 1,73 млн руб. в месяц и превысила среднюю по стране (36,7 тыс. руб. в 2016 г.) в 47 раз.

Поменьше получали министры экономического развития и министр энергетики – соответственно 1,27 млн и 1,16 млн (в 33–34 больше средней).

Следом уже шли руководители «победнее»: меньше миллиона рублей в месяц в 2016 г. получали глава МЧС (954 тыс.), министр промышленности и торговли (921 тыс.) и далее по нисходящей.

Но всех превзошёл заработок главы Центробанка – 2,25 млн руб., превысив средний по стране в 61 раз [17].

Между тем Международная организация труда (МОТ) считает (и это принято большинством стран), что зарплата госслужащего не может более чем в 4 раза превышать среднюю зарплату большинства работающего населения.

Что касается топ-менеджмента госкорпораций, то здесь зарплаты вообще даже не «золотые», а «платиновые».

Так, согласно данным за 2016 г., доход главы РЖД составлял 696 тыс. руб. в день, а у главы «Газпрома» в день превышал 3 млн руб. На эти деньги можно построить не одну сельскую школу или больницу или капитально отремонтировать несколько крупных социальных учреждений.

Не отстают от «исполнителей» и «законодатели».

Общее содержание нижней палаты парламента – Государственной думы с 450 депутатами, по данным за 2016 г., обходится бюджету в 10,13 млрд руб., оплата труда депутатов и их помощников – 3,4 млрд при средней зарплате 350 тыс. и депутатской (приравненной к министерской) – 400–450 тыс. руб.

В верхней палате – Совете Федерации с 150 сенаторами – 5,6 млрд руб. на содержание, 1,9 млрд на оплату труда сенаторов и помощников при средней зарплате 385 тыс. руб. соответственно [18].

¹⁷ Симчера В. Доходное место. Почему зарплаты высших чиновников больше средних по России в десятки раз // АиФ. 2018. № 1–2.

¹⁸ Голованов Р. Зачем стране аж 450 депутатов с зарплатами министров? // Комсомольская правда. 2019. 26 октября.

Следует отметить, что в структуре доходов чиновников высшего и среднего звена, равно как и депутатов, очень часто зарплата составляет не самый большой процент, тогда как львиная доля приходится на другие источники, чаще всего (по декларированию их обладателей) связанные с бизнесом.

Среди таких самых богатых министров за 2016 г. оказался министр по делам Северного Кавказа – при заработке в 453,9 тыс. руб. он задекларировал ежемесячный доход аж на 48,5 млн или в 1320 раз больше среднего заработка.

Сенатор от Камчатского края В. Пономарев за 2018 г. заработал 2,4 млрд руб.

Депутат Госдумы от «Единой России» Г. Аникеев – 2,3 млрд руб. [19]. С учётом такого рода «приработков» средний месячный доход одного думца (без учёта доходов членов семьи) составлял в 2017 г. 1,62 млн руб., что в 36,9 раза выше среднего денежного дохода россиянина в том же году.

Один из ключевых факторов-детерминант жизнедеятельности российского Левиафана как в центре, так и на периферии является тотальная коррупция, которая как ржа разъедает властный стержень сверху донизу – от муниципального работника до федерального министра (пока что только в лице бывшего главы Минэкономразвития А. Улюкаева, получившего 8 лет лишения свободы за взятку в 2 млн долл.)*.

Не падая в преувеличение, можно констатировать: по своей глубин-

ной сути коррупция стала важнейшей статьёй чиновничьих доходов, и «слуги народа» изобретают всё новые и всё более изощрённые и невыристые способы-схемы по изъятию ресурсов из государственных и корпоративных каналов в личное распоряжение и освоения их в деятельности по возведению и благоустройству помещений и «палат каменных» (в том числе в западных странах в качестве «запасных аэродромов»). Инновации «прихвата» из них буквально бьют ключом. Неслучайно ежегодно через коррупционные схемы «капиталистической» России проходит до триллиона рублей как минимум, а среднегодовой «коррупционный налог» на каждого жителя (включая детей, пенсионеров и президента страны) составляет 2 тыс. долл. [20].

Ведущий научный сотрудник НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат психологических наук Н. Ратинова, опросив десятки человек, находящихся в колониях и СИЗО по обвинению во взятках и мошенничестве, свидетельствует, что наличие традиционно приписываемых коррупционерам таких негативных качеств, как корыстолюбие, жадность, властолюбие, не подтверждаются результатами исследований. Для этих людей характерны энергичность, инициативность, эмоциональная устойчивость, работоспособность, организаторские и коммуникатив-

¹⁹ Попов Д. Новый русский порядок // Московский комсомолец. 2019. 29 октября.

²⁰ <http://dal-prom.ru/news/197/23-06-14-2>

* По данным международной организации Transparency International, уровень восприятия коррупции за 2018 г. в стране ухудшился – Россия опустилась на три позиции и заняла 138-е место из 180 (<https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korruptsii-2018-28-ballov-iz-100-i-138-mesto.html>).

ные качества. От большинства других людей (в качестве червоточинки) их отличает лишь очень низкий уровень уважения к закону. Если им что-то понадобится сделать, то понимание того, что это противозаконно, их не остановит – действуют по принципу «если очень хочется, то можно».

Особый интерес в указанном исследовании представляет общий вывод: «Коррупционное поведение декларируется как нарушение, но во многих структурах является нормой. Многие осуждённые за корыстные преступления госслужащие говорили: если ты не действуешь в соответствии с этой нормой, то ты выпадаешь из системы. В лучшем случае такого человека уволят, а иногда именно на него всё и вешают, его и сажают». И ещё не менее значимое: две трети опрошенных говорят, что «начальство было не только в курсе, но и само “брало”» [21].

Думается, что именно так (по принципу круговой поруки) обстоят повсеместно дела с коррупцией.

Можно в качестве показательного примера сослаться на историю обогащения недавно «обнаруженного» нового «подпольного Корейко» в лице главы администрации Клинского района Подмосковья А. Постриганя, который вполне может претендовать на «бронзу» (третье место) на коррупционном пьедестале («золото» у главы Серпуховского района Подмосковья А. Шестуна (10 млрд руб. и 22 автомобиля), «серебро» у К. Чекалина из ФСБ (9,12 млрд руб.), – у него общая сумма изъятого имущество оценена в 9 млрд руб.

Но Постригань бесспорный чемпион в другом: этот скромный с виду чиновник районного уровня умудрился за 22 года «беззаветного служения народу» захватить в собственность аж 1700 объектов недвижимости. В многостраничном списке – дет-

ская поликлиника, два детских сада, городская баня, больница, кинотеатр, лодочная станция, городской торговый центр, котельные, культурно-исторический объект «Торговые ряды г. Клина», городской рынок, производственные комплексы градообразующих заводов с междугородными железнодорожными путями, базы отдыха, участки для строительства жилых домов, земли лесного фонда и многое другое. Чтобы был понятен масштаб: лишь перечисление объектов, включённых в «список Постриганя», заняло более 10 часов, т. е. начиная с 1992 по 2014 г. в должности руководителя районной администрации и затем ещё три года в статусе местного депутата он перемалывал под себя всё, что только попадалось под руку, как добротный комбайн. Часть захваченного имущества Постригань оформлял на себя, но большую часть на родственников.

Возникает далеко не риторический вопрос: куда смотрела прокуратура и другие областные органы власти с их надзорно-контрольными полномочиями и функциями, когда эти объекты уплывали из госсобственности в частные руки?

Почему столько лет главе района всё сходило с рук?

«Неужели партбилет в кармане работает лучше оберега?! Так открыто и безнаказанно воровать в 86 км от Кремля – это надо иметь или очень надёжную крышу или беспредельную наглость!» [22]

И этот случай отнюдь не является исключением из правил, как раз наоборот – таких постриганей по всей России не счесть.

Даже по официальным данным, за 8 лет существования Следственного комитета России, по свидетельству его председателя А. Бастрыкина, в суд было направлено 720 тыс. дел, из них 70 тыс. корруп-

²¹ <https://www.kp.ru/daily/26940.7/3990712/>

²² Барова Е. Щупальца спрута // *АиФ*. 2019. № 39.

ционной направленности. В итоге к уголовной ответственности привлечены 8 тыс. лиц, обладающих особым правовым статусом. В ходе предварительного следствия и процессуальных проверок возмещено государству и потерпевшим 230 млрд руб.» [23].

И ещё: согласно материалам Росфинмониторинга, ежегодно в стране арестовывается имущество на сумму в среднем около 61 млрд руб. Наибольший за последние пять лет объём арестованных активов был зафиксирован в 2017 г. – 77,5 млрд руб. В первой половине 2018 г. этот показатель равнялся 47,9 млрд. Количество удовлетворённых судами ходатайств об аресте имущества в 2017 г. достигло 40 тыс. (против 15 тыс. в 2013 г.) [24].

К этой статистике следует присовокупить и данные о численности чиновников, занесённых в публичный реестр коррупционеров, закон о создании которого был подписан президентом В. В. Путиным в декабре 2017 г., а 1 января 2018 г. вступил в силу, – сегодня это уже более 1 тыс. чел., уволенных в связи с утратой доверия [25].

Надо сказать, что эта формулировка причины увольнения у многих вызывает сомнения в её правомерности.

Вице-президент *Transparency International* Е. Панфилова говорит по этому поводу: «Если у человека виллы и по карманам распахана – через контракты с супругом, женой, сестрой, братом – половина бюджета области, давайте не будем увольнять за утрату доверия. Конечно, это незаконное обогащение. Да, мы не всегда можем доказать взятку. Но “утрата доверия” – это детский лепет» [26].

Но всё дело в том, что «государева слугу» очень трудно уволить, осно-

вываясь на букве закона, потому что социально он основательно защищён, подписывает контракт с кучей всяческих пунктов. Говорят, что если бы В. В. Путин не ввёл этой формулировки «Уволить в связи с утратой доверия», то наши губернаторы до смерти сидели бы в своих креслах.

Здесь есть ещё целый ряд других обстоятельств, одно из которых озвучил писатель М. Веллер. Говоря о возможности использовать в борьбе с коррупцией в России китайский опыт (расстрелы), он саркастически заметил: «Китайская манера сурово наказывать зарвавшихся воров и казнокрадов представляется до чрезвычайности полезной. Но вызывает во встревоженной памяти образ незабвенного Алексаши Меншикова, который в ответ на угрозу Петра Великого вешать каждого вора, укравшего хоть что-то дороже веревки, на этой самой веревке, сказал: “Мин херц, рискуешь остаться без единого подданного”».

Если выстраивать иерархию коррумпированности, то наиболее привлекательными для любителей разного рода поборов – вовсе не медицина с образованием, как это нередко утверждают наши правоохранители. Если взять систему образования, то число уличённых во взяточничестве преподавателей вписывается в поговорку «в семье не без урода» и измеряется не сотнями, и даже не десятками, а единицами. Что действительно имеет место, так это коррупция макросистемная, верхушечная, которая связана как со злоупотреблением служебным положением и незаконным обогащением ву-

²³ АнФ. 2018. № 17.

²⁴ <https://lenta.ru/news/2019/02/25/arrest/>

²⁵ <https://news.mail.ru/politics/36899509/>

²⁶ https://www.bbc.com/russian/business/2016/01/160127_corruption_index_mixed

зовского руководства, так и с «откатными» технологиями при решении вопросов лицензирования, аттестации и государственной аккредитации высшего учебного заведения уполномоченными на то властными органами.

Знаком реального положения дел в этой области председатель Национального антикоррупционного комитета и член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека К. Кабанов на первое место в иерархии коррупционных деяний ставит сферу госзакупок, подчёркивая, что хотя «откаты упали, но они по-прежнему есть и составляют 10%. А в области IT – даже 70%! То есть все госрасходы в этой сфере завышены в 1,7 раза!

Затем идёт управление различными видами государственной и муниципальной собственности, в частности, выделение земли.

Третье – разрешительные функции. Постановка участков на кадастровый учёт, устранение ошибок в межевании, регистрация сделок. Здесь сопутствующая составляющая, на которой мздоимцы имеют доход, – создание очередей и “помощь” в их обходе, как когда-то было с зарубежными паспортами.

И, наконец, последнее в перечне, но не по значимости – распоряжение природными ресурсами: квоты на рыбу, краба, лес» [21].

Наряду со взяточничеством и казнокрадством ещё одной разновидностью коррупции в России является nepотизм.

Выступая на первом заседании Совета при Президенте России по борьбе с коррупцией (март 2004 г.), В.В. Путин говорил, что «у нас в России под коррупцией в основном понимается взяточничество. Между

тем как социальное явление коррупция гораздо более сложное образование... тесно связана с различными формами злоупотребления властью, причём на всех её уровнях: это и предоставление всякого рода преференций так называемым “приближённым” предпринимателям, и создание внеправовых преимуществ при получении государственных услуг, и многое-многое другое» [27].

Более чем убедительным проявлением широкомасштабного распространения подобного рода практики в сегодняшней России является укоренение «кумовского, или блатного, капитализма», «капитализма для своих». Неслучайно, что по индексу этого капитализма, составленному в 2014 г. журналом *The Economist*, наша страна входит в первую пятёрку стран-лидеров (наряду с Гонконгом, Малайзией, Украиной и Сингапуром) [28].

Российский «капитализм для своих» привёл к тому, что перестали работать социальные лифты, резко сократились возможности и шансы на успех и приличную работу для молодёжи.

«При всех минусах для общества, – говорит член Совета Федерации Федерального собрания РФ С. Лисовский, – эпоха “лихих 90-х” в целом дала человеку деятельному себя проявить. А сейчас возможности продвижения простых нормальных граждан наверх практически не существует... Если ты не родственник чиновника – твоё место у станка, если ещё найдётся место, и никуда больше, какой бы ты талантливый ни был».

И далеко не случайно, что за последние 30 лет из России уехали

²⁷ http://dpr.ru/pravo/pravo_7_1.htm

²⁸ *Мишук О.З.* Коррупция – источник делегитимации власти в России // *Обозреватель-Observer*. 2016. № 8.

миллионы людей, не найдя применения своим силам и талантам на родине, в том числе сотни тысяч учёных, преподавателей, инженерно-технических работников. Страна масштабно экспортирует не только нефть и газ, но и «мозги», причём экспортирует безвозвратно, к сожалению. За прошедшие после развала Советского Союза десятилетия мы фактически потеряли целое поколение учёных – при общей тенденции увеличения этой

категории населения в других странах (и не только западных). И несмотря на создание амбициозных инновационных научно-технологических проектов и центров типа Сколково, многие учёные, как и в нищие 90-е годы, по-прежнему выстраиваются в очереди, чтобы уехать за границу.

Несомненно, правы те, кто утверждает, что с вынужденным отъездом на чужбину каждого россиянина мы становимся слабее».

Уже давно в глазах народа слово «чиновник» приобрело сугубо негативный смысл и ассоциируется с теми, кто рассматривает власть лишь как средство личного обогащения, не ограниченное ни правом, ни моралью. Но при всём этом автор этих строк далёк от того, чтобы утверждать: честный чиновник в России – чуть ли не сказочный персонаж наряду с Кощеём Бессмертным и Змеем Горынычем.

На самом деле их (порядочных и честных) большинство. Однако и невороужённым глазом видно, что среди них нет тех, кто живёт на прожиточный минимум. В отличие от простых смертных россиян все они (как во время «служения народу», так и на заслуженном отдыхе) живут на прожиточный максимум и относятся к категории меньшинства, «которому на Руси жить хорошо».

Библиография • References

АиФ. 2017. № 27.

[AiF. 2017. № 27]

АиФ. 2018. № 17.

[AiF. 2018. № 17]

Барова Е. Щупальца спрута // АиФ. 2019. № 39.

[Barova E. SHCHupal'ca spruta // AiF. 2019. № 39]

Голованов Р. Зачем стране аж 450 депутатов с зарплатами министров? // Комсомольская правда. 2019. 26 октября.

[Golovanov R. Zachem strane azh 450 deputatov s zarplatami ministrov? // Komsomol'skaya pravda. 2019. 26 oktyabrya]

Дементьев А. Воры стали властителями дум // URL: <https://aif.ru/culture/person/13244>

[Dement'ev A. Vory stali vlastitelyami dum // URL: <https://aif.ru/culture/person/13244>]

Иноземцев В. Зачем России столько чиновников // АиФ. 2017. № 27.

[Inozemcev V. Zachem Rossii stol'ko chinovnikov // AiF. 2017. № 27]

- Ишутин А. А.* Идея целостности в мировоззрении славянофилов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки». 2018. № 3. С. 118–128.
[Ishutin A. A. Ideya celostnosti v mirovozzrenii slavyanofilov // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Filosofskie nauki». 2018. № 3. S. 118–128]
- Ишутин А. А., Моржеедов В. Г.* Гносеологические аспекты идеи целостности в мировоззрении славянофилов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки». 2018. № 4. С. 82–91.
[Ishutin A. A., Morzheedov V. G. Gnoseologicheskie aspekty idei celostnosti v mirovozzrenii slavyanofilov // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Filosofskie nauki». 2018. № 4. S. 82–91]
- Костиков В.* Когда страна вернётся из политического отпуска? // АиФ. 2019. № 42.
[Kostikov V. Kogda strana vernyotsya iz politicheskogo otpuska? // AiF. 2019. № 42]
- Лужков Ю.* Из свиного уха не соткешь шелковый кошелёк, или Что говорил на самом деле Адам Смит // Московский комсомолец. 2018. 1 ноября.
[Luzhkov YU. Iz svinogo uha ne sotkesh' shelkovyy koshelyok, ili CHto govoril na samom dele Adam Smit // Moskovskij komsomolec. 2018. 1 noyabrya]
- Максимов П.* Тревожный звонок из Швейцарии // Мир новостей. 2019. № 45. 30 октября.
[Maksimov P. Trevozhnyj zvonok iz SHvejcarii // Mir novostej. 2019. № 45. 30 oktyabrya]
- Матюхин А. В.* Самодержавная система государственного управления в монархической теории Л. А. Тихомирова // Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. № 2. С. 1–15.
[Matyuhin A. V. Samoderzhavnaya sistema gosudarstvennogo upravleniya v monarhicheskoy teorii L. A. Tihomirova // Zhurnal politicheskikh issledovaniy. 2018. T. 2. № 2. S. 1–15]
- Мизес Л. фон.* Индивид. Рынок и правовое государство / пер. с итал. М.: Пневма, 1999. – 196 с.
[Mizes L. fon. Individ. Rynok i pravovoe gosudarstvo / per. s ital. M.: Pnevma, 1999. – 196 s.]
- Муштурок О. З.* Коррупция – источник делегитимации власти в России // Обозреватель–Observer. 2016. № 8. С. 35–44.
[Mushtuk O. Z. Korruptsiya – istochnik delegitimacii vlasti v Rossii // Obozrevatel'–Observer. 2016. № 8. S. 35–44]
- Попов Д.* Новый русский порядок // Московский комсомолец. 2019. 29 октября.
[Popov D. Novyj russkij porjadok // Moskovskij komsomolec. 2019. 29 oktyabrya]
- Ростовский М.* О чём молчат в правительстве Медведева // Московский комсомолец. 2019. 1 ноября.
[Rostovskij M. O chyom molchat v pravitel'stve Medvedeva // Moskovskij komsomolec. 2019. 1 noyabrya]
- Симчера В.* Доходное место. Почему зарплаты высших чиновников больше средних по России в десятки раз // АиФ. 2018. № 1–2.
[Simchera V. Dohodnoe mesto. Pochemu zarplaty vysshih chinovnikov bol'she srednih po Rossii v desyatki raz // AiF. 2018. № 1–2]
- Солженицын А. И.* Наша высшая цель – это сбережение народа // Московский комсомолец. 1994. 1 ноября.
[Solzhenitsyn A. I. Nasha vysshaya cel' – eto sberezhenie naroda // Moskovskij komsomolec. 1994. 1 noyabrya]

Сычева Л. Население вместо народа: так убивают Россию // Московский комсомолец. 2018. 31 мая.

[Sycheva L. Naselenie vmesto naroda: tak ubivayut Rossiyu // Moskovskij komsomolec. 2018. 31 maya]

<http://dal-prom.ru/news/197/23-06-14-2>

http://dpr.ru/pravo/pravo_7_1.htm

<https://lenta.ru/news/2019/02/25/arrest/>

<https://news.mail.ru/politics/36899509/>

<https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korrupsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korrupsii-2018-28-ballov-iz-100-i-138-mesto.html>

https://www.bbc.com/russian/business/2016/01/160127_corruption_index_mixed

<https://www.gazeta.ru/social/2019/10/29/12783116.shtml>

<https://www.kp.ru/daily/25657.3/819315/>

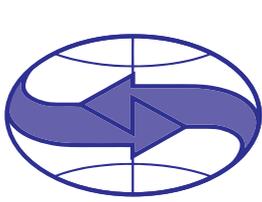
<https://www.kp.ru/daily/26940.7/3990712/>

<https://www.litres.ru/adam-smit/issledovanie-o-prirode-i-prichinah-bogatstva-narodov-22027030/chitat-onlayn/page-11/>

<https://www.pressreader.com/russia/komsomolskaya-pravda-moscow-edition/20191101/281535112788636>

<https://www.rbc.ru/politics/29/10/2019/5db6d15a9a79475c04162c89>

Статья поступила в редакцию 8 ноября 2019 г.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

SCIENTIFICALLY-ANALYTICAL JOURNAL

Published since 1992

Contents

16+

Political science

Dominant scenario of military and political development in the world and the choice of Russia

5

V. Nazarov, A. Podberyozkin, O. Podberyozkina

When elaborating real plans for Russia's development and its national security strategy, it is necessary to take into account as precisely as possible the most likely scenario of the development of the international situation, which should be based on a sufficiently general but carefully justified concept which allows to formulate a certain strategy of national security and counteraction to external military-force pressure. The article proposes, when planning the development of the international situation, to define as the main subject in the arms race not a separate State, but coalitions of States united according to the value-civilizational principle. The core of any local-civilizational community is to define a great power.

About the author: NAZAROV Vladimir P. - Ph.D. in Political Science, doctoral professor at the Department of Political Theory of MGIMO (University) MFA of Russia.

PODBERYOZKIN Alexey I. – PhD in historical science, professor of MGIMO (University) MFA of Russia, academician of Academy of Military sciences and Academy of Natural sciences, director of the center of Military-political researches of MGIMO.

PODBERYOZKINA Olga A. – PhD in political sciences, Researcher at the Institute of International Studies, MGIMO (University) MFA Russia, aide to Member of Russian Parliament.

Key words: international situation, military-political situation, local human civilizations, national security strategy, military-force confrontation.

NATO Transatlantic Peacekeeping Model 27

P. Shamarov

The article reviews the activities of NATO in the field of crisis management; The violent nature of such a peacekeeping model aimed at implementing the bloc's installations is shown. The West is showing interest in formally maintaining the so-called "peacemaking parity" between the UN and NATO.

About the author: SHAMAROV Pavel V. – Candidate of Military Sciences, Associate Professor, Professor of the Academy of Military Sciences, Department Specialist, Ministry of Defense of the Russian Federation, PhD student, Moscow State Linguistic University.

Key words: peacekeeping, crisis settlement, UN, OSCE, NATO.

Iran's Nuclear Program Factor in the US-Iranian Relations 39

A. Safonov

The article is dedicated to analysis of the Iranian nuclear program's role and place in the process of the US foreign policy's formation and implementation towards Iran during George W. Bush, B. Obama and D. Trump administrations; its influence at the American-Iranian relation's character and prospects of its solution in the modern international relations.

About the author: SAFONOV Aleksandr Stepanovich – PhD, Docent Department of the Foreign Relations, The Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Relations of Russian Federation.

Key words: USA, Iran, nuclear program, The Joint comprehensive action plan, unilateralism, mullocracy.

European perspectives for the Western Balkans 52

S. Vorobyov, G. Taller

The issues of integration of the countries of the Western Balkan region into the EU are investigated on the basis of a consideration of causal relationships of existing unresolved issues, in particular, declarative methods of EU integration management, inefficiency of financial instruments, asymmetric approaches to countries, etc. The need to change the integration policy of EU is emphasized taking into consideration the countries specifics.

About the author: VOROBYOV Sergey V. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

TALLER Gleb R.– International Relations Advisor, Inter Consult LLC.

Key words: Western Balkans, EU, integration, strategy, financial instruments.

Issues of Interstate Cooperation Intensification in the Post-Soviet Space. On the example of the post-Soviet Central Asian countries

66

E. Garbuzarova

The article is devoted to the tectonic shifts that have emerged recently in cooperation between the Central Asian states and the strengthening of trends in intraregional cooperation on vital problems in the region. The emphasis is on the new priorities of Uzbekistan's foreign policy thanks to which the process of intensification of interstate cooperation in Central Asia has started. It is concluded that active regional cooperation with reaching a higher operational level is possible only on the basis of a constructive solution of regional contradictions and demonstration of great trust between the political leaders of the region.

About the author: GARBUZAROVA Elena G. - candidate of historical sciences, associate professor of the Department of Political Science of the Kyrgyz-Russian Slavic University (Bishkek, Kyrgyzstan).

Key words: post-Soviet States of Central Asia, Russia, regional cooperation.

Ethnic cleavage in the voting behavior in Latvia

78

I. Okunev, L. Zhirnova

Remaining the main factor of voting in Latvia, ethnic cleavage is even more manifested in Riga and Latgale where Russian-speaking population is prevailing. The "Concord" party continues to win the elections with the consolidated support of the Russian-speaking population, but is cut off from the government, which maintains the isolation of the national minority and prevents the ruling parties from concentrating on the reforms.

About the author: OKUNEV Igor - Ph. D. (Cand. Polit. Sc.) in Political Science, Associate Professor, Director at the Center for Spatial Analysis in International Relations, MGIMO (University) MFA Russia SPIN-code: 7633-0618

ZHIRNOVA Lidia - Expert of the Center for Spatial Analysis in International Relations, Institute for International Studies, MGIMO (University) MFA Russia. SPIN-code 5840-2718.

Key words: Latvia, Riga, Latgale, ethnic cleavage, parliamentary elections, regions, national minorities, Russian speakers.

The global drama and theatricality of geopolitics

91

L. Ternovaya

Shakespeare's words "The whole world – theater" four centuries ago clearly reflected the interrelation of theater and society. But theater is not just a reflection of the world, it is increasingly being used as a tool to influence the world,

including for political purposes. However, the policy should not respond to fictional collisions, but to real challenges. Therefore, the theater, which is connected by global geopolitics, must comply with the new global paradigm.

About the author: TERNOVAYA Lyudmila O. - Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of Moscow Automobile and Road State Technical University (MADI).

Key words: globalization, geopolitics, political leadership, theater, theatricalization.

Russian Leviathan

101

O. Mushtuk

The article analyzes the system-forming signs and characteristics of the current Russian state as a state privatized by the bureaucracy, which, thanks to its ever-increasing number, is rooted so thoroughly that it crushes not only the whole society, but also all branches of state power. This is really Leviathan, which does not serve society, but devours it.

About the author: MUSHTUK Orest Z. – candidate of historical sciences, professor of the Department of History and Philosophy of Moscow Financial and Industrial University “Synergy”.

Key words: Leviathan, corruption, capitalism for one’s, irrational bureaucracy, economic stagnation, mass impoverishment.

Requirements for materials,

submitted to the editorial board

“Обозреватель–Observer”,

are published on the site:

<http://observer.materik.ru>

For more details see website

of the Higher Attestation Commission:

<http://vak.ed.gov.ru>

Уважаемые читатели!
Открыта подписка на 2020 год
на ежемесячный научно-аналитический журнал

«Обозреватель–Observer»

Подписка проводится в отделениях связи
«Почта России» по каталогу «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»

47653 – на полугодие

36789 – на год

Редакция рассматривает факт направления авторских рукописей по адресу: *observer-rau@yandex.ru* как передачу ей авторами прав на их публикацию.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится заимствований, нарушающих чьи-либо авторские права, а также данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Рукописи не возвращаются.

При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель–Observer» обязательна.

Дизайн и вёрстка
Ущурелу О.В.

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.

Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.

Подписные индексы **47653** (на полугодие), **36789** (на год)
в каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

Согласно ФЗ от 29.12.2010 № 436-ФЗ
журнал «Обозреватель–Observer» относится к категории
информационной продукции для детей, достигших возраста шестнадцати лет

16+

Адрес редакции: **119180, Москва, ул. Б. Полянка, д. 7/10, стр. 3.**

Тел.: **(499) 799-80-76.**

Е-mail: **observer-rau@yandex.ru**

Электронная версия: **<http://observer.materik.ru>**

Подписано в печать 27.11.19. Формат 70×100 1/16. Печ. л. 7, 5. Печать офсетная.

Отпечатано в ИИУ МГОУ.
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А. Заказ №